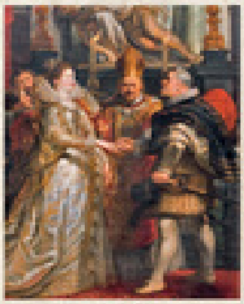
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ



Marie de Medicis

ЖИЗНЬ МАРИИ МЕДИЧИ

ЭЛЕН ФИСЭЛЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Судьба Марии Медичи (1573–1642) полна удивительных взлетов и падений. Стремление к власти боролось в ней с материнским долгом и честью королевы. Ей пришлось пережить бурные времена: будучи женой Генриха IV и королевой-регентшей при своем малолетнем сыне Людовике XIII, она закончила свою жизнь в одиночестве и бедности, переезжая из одной страны в другую, став заложницей собственного сына…

Насколько справедливо то, что ее образ стоит особняком по сравнению с другими выдающимися женщинами Истории, судить читателю. Но не следует забывать, что именно Марии Медичи Франция обязана Люксембургским дворцом, собранием картин Рубенса в Лувре и, наконец, качественным водопроводом в Париже…

Книга будет интересна широкому кругу читателей.

- Элен Фисэль
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - Глава XVI
  - Глава XVII
  - Глава XVIII
  - Хронология
  - Список использованной литературы
  - Примечания
  - Иллюстрации
- notes
  - 1

Элен Фисэль
Жизнь Марии Медичи

В этой посредственной женщине стремление к власти преобладало над материнским долгом и честью королевы. Сравнение с великими женщинами, к которым она с гордостью причисляла себя, и Бланкой Кастильской, и Екатериной Медичи, помышлявшими лишь о благе государства и жившими в полном согласии со своими сыновьями, лишь подчеркивает бесстыдство, мелочность и незначительность этой пошлой фигуры интриганки, стремившейся только к удовлетворению собственных интересов, злобы и тщеславия[1].

Ти Шоссинан-Ногаре, французский историк

Мария Медичи три с половиной века изнемогала в чистилище суровых историков. Франция, не колеблясь простившая кардиналу-министру его черную неблагодарность, в отношении Марии Медичи отличалась необъяснимой злопамятностью. Так и слышишь: «Эти Медичи – захудалый род», […] королева-мать была «грубой, сварливой и не слишком умной». […] Но это только злословие, а не аргументы, и уж тем более не доказательства[2].

Франсуа Блюш, французский историк

Глава I
Представительница знаменитого семейного клана

Мария Медичи вела свой род от великих герцогов Тосканских, первых (по женской линии) королей Польши (Ягайло), Венгрии и Чехии (Ягеллоны, а затем Габсбурги), германских императоров Габсбургов (Максимилиан I, Фердинанд I), королей Арагона (Фердинанд Католический) и Кастилии (Филипп Красивый, Хуана Безумная). Она была в родстве с герцогами Бургундскими, Капетингами и Валуа (Людовиком Святым, Филиппом VI, Иоанном Добрым), а также с миланскими Сфорца. […]

Она насчитывала в своей семье трех пап: Льва X, Клемента VII и Льва XI. Она была – что составляло предмет ее гордости – внучатой племянницей Карла V[3].

Франсуа Блюш

Мария Медичи родилась во Флоренции 26 августа 1573 года, практически в тот самый день, когда ее дед, Козимо I Медичи, сын Джованни Медичи и Марии Сальвиати, представитель младшей ветви этого славного рода, принял на себя титул великого герцога Тосканского.

Представители семейного клана Медичи появились во Флоренции в XII веке. А первым в архивах города в 1201 году был упомянут некий Кьяриссимо де Медичи. Его потомок Ардинго де Медичи в 1296 году был избран гонфалоньером справедливости[4], что соответствовало высшему государственному посту во Флоренции. В последующие двадцать лет этот пост занимали еще

два человека из знаменитого клана. Впоследствии Медичи были и капитан-генералами Флоренции, и герцогами Флорентийскими, и великими герцогами Тосканскими. Кроме того, среди них было четыре Римских папы и несколько членов королевских домов Европы.

Старшая ветвь рода Медичи, шедшая от Козимо Старшего, родившегося в 1389 году, закончилась со смертью Алессандро Медичи, убитого своим родственником Лоренцино в 1537 году. После этого власть в Тоскане перешла к Козимо Младшему (Козимо I Медичи), потомку Лоренцо Медичи, брата Козимо Старшего. Впрочем, и Козимо I недолго носил титул великого герцога, так как скончался естественной смертью 21 апреля 1574 года.

Отцом Марии Медичи был Франческо Медичи, старший сын Козимо I от его первой супруги Элеоноры Толедской, дочери вице-короля Неаполя, маркиза Виллафранка дона Педро Альвареса де Толедо. Козимо и Элеонора поженились в 1539 году, когда Элеоноре было семнадцать лет.

Двадцать пятого марта 1541 года у Козимо и Элеоноры родился сын, названный Франческо. Став совершеннолетним, он, как и все Медичи, начал покровительствовать наукам, основал предприятие по производству высококачественного фарфора, а также учредил специальную академию, занимавшуюся очищением итальянского языка и систематизацией его грамматики – знаменитую Академию делла Круска.

Восемнадцатого декабря 1565 года Франческо женился на Иоанне Австрийской, младшей дочери императора Священной Римской империи Фердинанда I из рода Габсбургов. Их брак оказался несчастливым, но за двенадцать лет болезненная Иоанна умудрилась произвести на свет аж восемь детей. Измученная частыми родами, она скончалась в возрасте всего тридцати одного года.

Мария была шестым ребеном Франческо и Иоанны Австрийской. Не прошло и девяти месяцев после ее рождения, как Франческо Медичи был провозглашен великим герцогом Тосканским, а еще через некоторое время он женился на своей давней любовнице Бьянке Капелло.

Эта женщина, родившаяся в 1548 году, происходила из знатной венецианской семьи (она была дочерью патриция Бартоломео Капелло). В пятнадцатилетием возрасте она бежала из Венеции со своим возлюбленным Пьетро Бонавентури, молодым флорентийцем, служащим банкирского дома Сальвиати. За поимку совратителя своей дочери Бартоломео Капелло назначил награду в тысячу дукатов.

Беглецам повезло. Во Флоренции они поженились, и вскоре Пьетро Бонавентури нашел себе покровителя в лице Франческо Медичи. Однако Венецианская республика продолжала требовать от Флоренции выдачи Бьянки и Пьетро, и тогда молодой супруг, чтобы укрепить расположение Франческо, познакомил его со своей женой и даже поспособствовал их сближению. Надо сказать, что Бьянка пошла на это сближение охотно: привыкшая к роскоши, она не находила счастья в союзе с Пьетро Бонавентури, который обернулся для нее нищетой.

Бьянка Каппелло стала любовницей Франческо Медичи. Их связь продолжалась много лет, в том числе и после женитьбы Франческо на Иоанне Австрийской. От Пьетро Бонавентури, без конца вымогавшего деньги и должности, Франческо избавился руками одного из своих придворных, приказав зарезать надоедливого супруга. Таковы уж были нравы Флоренции, в которой неугодных если не травили ядом, то просто закалывали – других вариантов не было.

Избавив Бьянку от брачных уз, Франческо поселил ее во дворце, расположенном неподалеку от его официальной резиденции, в которой обитала его законная супруга.

Иоанна Австрийская умерла при родах, так и не оставив мужу наследника (их единственный сын, родившийся в 1577 году, умер в возрасте пяти лет). Подозревали даже, что она умерла не от кровотечения, а была отравлена. Вдовец Франческо Медичи обвенчался с Бьянкой через три месяца после смерти Иоанны.

Народ Тосканы сразу невзлюбил венецианку – ее прозвали Колдуньей, считая, что она приворожила герцога.

Больше всего тосканцев возмутил такой случай. В 1576 году Бьянка объявила о том, что она беременна. Вскоре родился мальчик, которого Франческо признал своим и принял в семью под именем Антонио Медичи. Однако брат Франческо, кардинал Фердинандо, заподозрил Бьянку в обмане. Как выяснилось, в доме хитроумной Бьянки проживали сразу три беременные женщины, и первая же из них, родившая мальчика, согласно договору, отдала младенца венецианке, чтобы та выдала его за своего.

Впрочем, влюбленный герцог простил Бьянке и эту выходку.

Удивительно, но Франческо Медичи и Бьянка Каппелло умерли в один день, 17 октября 1587 года, во время встречи с тем самым кардиналом Фердинандо. Современники тех давних событий, конечно же, заговорили об отравлении, хотя доктора поставили вполне конкретный диагноз: малярия.

* * *

В связи с тем, что Франческо Медичи умер, не оставив сына-наследника, его младший брат Фердинандо, родившийся в июле 1549 года, был вынужден отказаться от духовного звания и стать великим герцогом Тосканским.

Впрочем, «умер» и «был вынужден отказаться» – это не совсем правильные формулировки. А точнее – совсем неправильные. Относительно недавно итальянские ученые, в частности, токсикологи Альдо Полеттини из университета города Пиза, Франческо Мари и Элизабетта Бертол, а также историк медицины Донателла Липпи из Флорентийского университета, раскрыли одно из самых загадочных преступлений в истории своей страны – убийство великого герцога Тосканского Франческо I Медичи и его жены Бьянки Каппелло, случившееся более четырехсот лет назад.

В 2004 году была вскрыта фамильная усыпальница Медичи во флорентийской базилике Сан-Лоренцо. В результате исследования останков знатной пары было установлено, что смерть наступила не от малярии, как было принято считать, а от отравления мышьяком.

> «То, что мы нашли, – заявила Донателла Липпи, – не было похоже на комнату. Скорее, это было нечто вроде тоннеля, заполненного археологическим материалом. Я стала исследовать его на ощупь, голыми руками и, таким образом, я отделила органику от неорганических остатков. Это была ужасная работа»[5].

Именно так – на ощупь – в подземелье базилики были обнаружены глиняные кувшины, содержащие истлевшие останки печени мужчины и женщины, «размером с лесной орех». Исследования ДНК подтвердили, что материал в одном из кувшинов идентичен найденным ранее в гробнице Медичи во Флоренции останкам герцога Франческо. Но самое главное, что при химическом анализе тканей было обнаружено крайне высокое содержание мышьяка.

Большое количество мышьяка также нашли и в сохранившихся волосках бороды Франческо Медичи, образцы которых были взяты при вскрытии могилы во флорентийской базилике Сан-Лоренцо.

Так было доказано, что Франческо Медичи умер не случайно, а его младший брат кардинал Фердинандо, ставший вместо него великим герцогом Тосканским, превратился в одного из главных подозреваемых в отравлении.

Этот человек, родившийся, как мы уже говорили, в 1549 году, был младшим сыном великого герцога Козимо I Медичи и

Элеоноры Толедской. Соответственно, он не был прямым наследником герцогского титула и уже в четырнадцать лет был рукоположен в кардиналы.

Проведя молодость в Риме, Фердинандо собирал итальянские древности на построенной им же вилле и, как казалось, даже не помышлял о политической карьере. Но честолюбие – не только дурной советчик, но и неиссякаемый источник преступлений. С другой стороны, не пойман – не вор. Это простое правило действовало и в XVI веке. В результате Фердинандо, став правителем Тосканы, продолжал числиться в кардиналах еще два года, пока политический союз с французами (направленный против Габсбургов) не вынудил его вступить в брак с внучкой Екатерины Медичи, Кристиной Лотарингской, и тем самым нарушить обет безбрачия.

При Фердинандо влияние и престиж рода Медичи в Италии и за ее пределами еще больше возросли, а его мудрая внешняя политика способствовала торговому подъему Тосканы и укреплению ее финансового положения.

Что же касается Марии Медичи, то историк Бенедетта Кравери констатирует:

> «Мария в детстве была одинокой и лишенной любви. Она рано потеряла мать и была полна ненависти к молодой мачехе Бьянке Каппелло, занявшей сердце ее отца и вовлекшей его в постыдный мезальянс, а после смерти их обоих она перешла под покровительство своего дяди, ослепленного властью»[6].

Глава II
Король Генрих хочет жениться

В поисках подруги под стать своей славе он окинул взором всю Европу и, не пропустив ни единого уголка, где бы мог отыскаться предмет его мечтаний, остановился на Флоренции, где жила та, существование которой делало дальнейшие его поиски бессмысленными7.

Кардинал де Ришелье

Французский король Генрих IV был женат на Маргарите Валуа, младшей дочери короля Генриха II и Екатерины Медичи, известной, благодаря роману Александра Дюма как королева Марго. Следует, однако, пояснить, что именем Марго Маргариту называл ее брат – король Карл IX, формально правивший с 1560 года (он вступил на престол в десятилетнем возрасте, и фактическую власть осуществляла его мать – Екатерина Медичи, Черная Вдова).

Брак между Генрихом Наваррским (он еще не был королем Франции) и Маргаритой был заключен в 1572 году якобы с целью закрепления мира между католиками и протестантами (Генрих был одним из лидеров гугенотов[8]). Свадьба, отпразднованная с большой пышностью, закончилась… Варфоломеевской ночью.

Напомним, что под таким названием в историю вошло массовое убийство гугенотов, начавшееся в Париже в ночь на 24 августа 1572 года, в праздник святого Варфоломея, и продолжавшееся в последующие дни в провинциях. На бракосочетание Генриха и Маргариты (18 августа) в Париж съехалась протестантская знать, и этим, по наущению Черной Вдовы, воспользовались католики, начавшие кровопролитие между двумя и четырьмя часами ночи. Точное число убитых гугенотов по всей Франции установить трудно (оценки сильно разнятся), но в основном историки сходятся к цифре в пятьдесят

тысяч человек.

К моменту заключения брака никакой особой любви между Генрихом и Маргаритой не было, хотя она считалась одной из самых красивых женщин Европы. Бежавший из Парижа Генрих в своей родной Наварре возобновил нежные отношения с графиней де Гиш; были любовники, причем многочисленные, и у Маргариты.

В ходе религиозных (гугенотских) войн, охвативших Францию, Генрих опирался на посредничество жены в своих отношениях с Парижем, где правил бездетный Генрих III Валуа, брат Маргариты. Поняв, что ее цинично используют, Маргарита выступила против мужа и брата. В 1586 году ее схватили и на некоторое время отправили в замок Юссон.

Второго августа 1589 года король Генрих III был смертельно ранен монахом-фанатиком Клеманом; умирая, король объявил своим преемником Генриха Наваррского.

Двадцать пятого июля 1593 года Генрих принял католицизм и победоносно вступил в Париж (с этим связано его знаменитое высказывание «Париж стоит мессы»). Двадцать седьмого февраля 1594 года он был коронован в Шартре под именем Генриха IV[9]. Папа Римский даровал Генриху отпущение грехов, сняв с него провозглашение еретиком.

В 1599 году Генрих добился расторжения своего бездетного брака с Маргаритой Валуа, предложив ей оплату многочисленных долгов и пожизненное денежное содержание. Марго согласилась, и теперь король был полностью свободен…

…для новой женитьбы.

Однажды он позвал своего министра финансов и завел с ним разговор, изображая сильное смущение. Он говорил так, словно развод с Маргаритой Валуа был предпринят исключительно в целях государства, и в этих же целях он якобы искал себе новую супругу.

– Если бы все делалось по моему желанию, – сказал Генрих, – то моя новая избранница обладала бы и красотой, и скромностью, и спокойным характером, и живым умом, и плодоносным чревом, и большим богатством. Только такие женщины рождаются нечасто…

Он сделал паузу, надеясь услышать ободряющее слово. Но министр молчал. Тогда король заявил:

– Может быть, подумаем вместе, кто бы мог составить достойную партию? Говорят, у флорентийского герцога есть весьма красивая племянница, крепкая, розовощекая и белокурая…

Министр кивнул. Будучи верным слугой короля, он не

решался противоречить ему, хотя в глубине души был убежден, что ни богатство, ни происхождение для брака отнюдь не обязательны. Жена должна нравиться и дарить мужу детей. Будь его воля, он бы объявил по всему королевству, чтобы отцы красивых дочерей в возрасте от семнадцати до двадцати лет привезли их в столицу на смотрины, а уж из них можно выбрать самую лучшую…»

Посовещавшись» таким образом, Генрих приказал вступить в переговоры с представителем великого герцога Тосканского о возможном браке с его племянницей Марией Медичи, дочерью Франческо Медичи и Иоанны Австрийской; Марии к тому времени уже исполнилось двадцать шесть лет.

Специалист по самым пикантным подробностям французской истории Ги Бретон пишет:

> «Генрих IV немедленно вступил в переговоры с Баччо Джованнини, который представлял великого герцога Тосканского, относительно приданого Марии Медичи. Нужно заметить, что вопрос этот имел первостепенное значение для короля Франции, который женитьбой на флорентийской принцессе стремился скорее совершить выгодную финансовую сделку, чем найти себе родственную душу»[10].

Действительно, Тоскана с давних пор была кредитором Франции. Для укрепления и расширения собственного королевства Генрих IV не раз и не два прибегал к денежной помощи великого герцога, который всегда проявлял крайнюю заинтересованность в союзе с Францией. В результате король задолжал Тоскане почти миллион золотых флоринов[11] и очень надеялся, что брак с Медичи поможет ему ликвидировать этот мешавший спокойно спать долг. Кроме того, в стремлении улучшить тяжелое финансовое положение своего королевства, Генрих IV надеялся получить от Тосканы дополнительную сумму наличными.

Для ведения переговоров Генрих IV отправил во Флоренцию своего доверенного человека – графа д'Аленкура, которому должен был помогать королевский посол господин де Сийери.

Первоначально король запросил аж полтора миллиона золотых экю. Великий герцог, разумеется, был польщен возможностью посадить на французский трон еще одну представительницу рода Медичи (первой была Екатерина Медичи, жена Генриха II), но все же нашел претензии Генриха IV чрезмерными.

Начались длительные переговоры, во время которых

доверенные лица французского короля намекнули, что могут найти другую невесту, чьи родственники окажутся более сговорчивыми.

В начале марта 1600 года стороны, наконец, пришли к согласию. Великий герцог Тосканский давал за племянницу шестьсот тысяч золотых экю. Триста пятьдесят тысяч должны были пополнить королевскую казну в день свадьбы, а остальная сумма компенсировала имевшиеся долги.

Историк Жюль Мишле по этому поводу пишет:

> «1 500 000 экю – сумма жуткая, невозможная. Великий герцог на это пойти не мог. Началась торговля, сумму понизили и, наконец, остановились на шестистах тысячах. Но деньги нужны были срочно – война торопила»[12].

Итог переговоров показался Генриху IV удачным, и он, не говоря ни слова своей тогдашней любовнице Генриетте де Бальзак д’Антраг, направил еще одного представителя во Флоренцию, чтобы тот от его имени подписал брачный контракт. Герцог де Белльгард, обер-шталмейстер Франции, получил от короля полный набор полномочий для проведения бракосочетания от его имени.

Повторимся, ибо это очень важно для понимания дальнейших событий, – все было сделано в строжайшей тайне от тогдашней двадцатилетней любовницы короля Генриетты де Бальзак д’Антраг.

Глава III
Любовницы короля

Король, требовательный темперамент которого было не так-то просто удовлетворить, наслаждался жизнью в кругу своих любовниц. «Иметь одну женщину – это чересчур целомудренно», говаривал он[13].

Ти Бретон

Генриетта де Бальзак д'Антраг… А до нее была маркиза Габриэль д'Эстре, молодая, красивая и остроумная. Получив титул герцогини де Бофор, она не злоупотребляла своим положением и довольствовалась расположением близких к королю придворных. Не то что эта Генриетта…

Родившаяся в 1571 году в Пикардии, в семье маркиза Антуана д'Эстре и Франсуазы Бабу де ля Бурдезьер, Габриэль с первого взгляда очаровала Генриха IV, а этот человек (надо отдать ему должное) в женщинах разбирался. Дотошные историки насчитали около шестидесяти только официальных любовниц, то есть таких женщин, которые так или иначе определяли линию его жизни. А сколько было любовниц неофициальных – это неизвестно никому.

Муж Габриэль, Николя д'Амерваль сеньор де Лианкур, был очень богат и родовит, но непроходимо глуп. В довершение ко всему он был еще и горбат. Их пришлось развести, а отцу красавицы дать место губернатора в Шартре. В результате в 1591 году Габриэль была вынуждена уступить настойчивым ухаживаниям короля.

Специалист по фавориткам французских королей писательница Поль Лежён отмечает:

> «Это была счастливая встреча двух пылающих чувств: король с удивлением обнаружил такое искусство любви и такое неистовство, а Габриэль и представить не могла, что человек, годившийся ей по возрасту в отцы,

мог оказаться таким неутомимым в любовных подвигах»[14].

Третьего июня 1594 года она родила сына, которого назвали Сезаром. Через некоторое время Генрих признал этого ребенка, то есть совершил поступок, на который до этого не решался ни один из французских королей. В результате мальчика стали звать Сезаром де Бурбоном, позже он стал герцогом Вандомским, герцогом де Бофор, герцогом д'Этамп и так далее и тому подобное, а в довершение ко всему в 1651 году он был удостоен звания Великого адмирала Франции.

Семнадцатого ноября 1596 года у короля и его фаворитки родилась дочь, Екатерина-Генриетта, которую крестили с торжественностью, подобавшей настоящей наследнице престола. С этих пор прекрасной Габриэль д'Эстре стали оказывать почести, как законной королеве Франции.

В 1598 году сорокапятилетний Генрих отпраздновал рождение своего второго сына, Александра. Все видели, что дело идет к тому, что фаворитка вот-вот станет королевой… Она и сама чувствовала это, но никогда не боролась за трон и не торопила события, вверяя свою судьбу высшим силам и удаче.

Генрих обожал кроткую Габриэль, называл ее «моя государыня» и «мой прекрасный ангел», а она тихо наслаждалась своим счастьем. И вот наступил день, когда король объявил двору, что женится на ней в первое воскресенье после Пасхи.

Габриэль не могла прийти в себя, у нее дух захватывало от того, сколько предстояло сделать к этому великому дню. Она заказала подвенечное платье из алого бархата, украшенное золотом и расшитое тонкими серебряными нитями. Стоило оно баснословно дорого – тысячу восемьсот экю. Пятьдесят восемь алмазов ценой в одиннадцать тысяч экю должны были украшать диадему в виде круглого золотого солнца.

Но… в ночь на 10 апреля 1599 года прекрасной Габриэль д'Эстре не стало.

> У Поль Лежён по этому поводу читаем:»Официально она умерла от приступа эклампсии[15], связанной с беременностью. Но не было ли это результатом действия яда, позволившего устранить последнее препятствие, отделяющее Марию Медичи от короля Франции? И устроившего всех, включая самого Генриха IV?»[16].

Предположение очень жесткое и, наверное, не совсем справедливое. Скорее всего, Габриэль умерла по естественным причинам, ведь медицина тех времен была не на самом высоком

уровне. В одной из ее биографий написано, что она «была абсолютно здорова», а «смерть произошла без каких-либо физических причин». Впрочем, в те времена еще не существовало тестов на яды.

Смерть накануне свадьбы с королем Франции – действительно странное событие, поэтому не удивительно, что столь широкое хождение получила версия о том, что к этому приложили руку завистники из числа французских придворных, ведь всегда найдутся люди, которые даже монету в чужом кармане воспринимают как личное оскорбление. А вот к Марии Медичи эта смерть не имела никакого отношения, и король Генрих вряд ли обрадовался кончине своей возлюбленной.

Во всяком случае, историк Ги Шоссинан-Ногаре по этому поводу пишет несколько иначе:

> «Все складывалось словно в сказке про фею: впервые в истории король собирался жениться на своей пастушке, в тот момент, когда она готовилась снова сделать его отцом. Но внезапно, на Пасху, прекрасная мечта обернулась трагедией. Габриэль скоропостижно скончалась. Народ суеверно усмотрел в этом руку дьявола, с которым фаворитка подписала пакт, чтобы женить на себе французского короля. Что до Генриха, то скорбь его была безмерна. Он приказал похоронить Габриэль как принцессу крови и возродить старый обычай, которому следовали только при погребении супруги короля Франции»[17].

Известие о смерти прекрасной Габриэль повергло короля в шок: на похороны он не пошел, плакал, как ребенок, и почти полтора месяца не желал никого видеть. Однако мог ли этот любвеобильный человек до конца дней оплакивать ушедшую из жизни женщину? Конечно же, это был не его стиль!

* * *

После погребения Габриэль д’Эстре Генрих IV возвратился в Фонтенбло и облачился в траур, чего ни один король никогда не делал, и набросал несколько фраз своей сестре Екатерине де Бурбон:

> «Скорбь моя не сравнима ни с чем, как была не сравнима ни с кем та, по которой я скорблю; отныне сожаления и печаль будут моими единственными

спутниками до гробовой доски… Цветок моей любви завял и никогда более не распустится…»[18].

Это было написано 15 апреля 1599 года. А через несколько месяцев после смерти «своего прекрасного ангела» король уже был погружен в новые сердечные дела: официальное сватовство к Марии Медичи и ухаживания за капризной Генриеттой де Бальзак д'Антраг, дочерью губернатора Орлеана Франсуа де Бальзак д'Антраг и Мари Туше, которая в свое время была любовницей короля Карла IX, правившего в 1560–1574 годах

Генрих и его новая пассия повстречались в августе 1599 года.

У Поль Лежён можно найти такую характеристику:

> «Как старый ребенок-гурман, король протянул руку к этому еще зеленому плоду; но он не мог рассчитывать на свой шарм, чтобы завоевать красавицу: его возраст приближался к пятидесяти, а это по тем временам был уже весьма пожилой возраст, его спина была сгорблена, лицо покрыто морщинами и обветрено, у него был бесконечно длинный нос и седая борода, а еще от него шел запах, который не могли перебить даже самые сильные арабские духи. Старый, уродливый, вонючий, но зато увенчанный короной, он мог раздавать деньги, поместья, назначения и почести»[19].

Думая о Генриетте, король буквально пьянел от желания. Неотступный образ красавицы преследовал его повсюду. Но из всех фавориток короля эта оказалась самой расчетливой. Прежде чем ответить Генриху взаимностью, она потребовала от него письменный договор, согласно которому король пообещал вступить с ней в законный брак, как только она родит ему сына.

В этом поразительном письме-обещании содержалось следующее:

> «Мы, Генрих Четвертый, милостью Божьей король Франции и Наварры, клянемся и даем слово перед Богом мессиру Франсуа де Бальзаку, господину д'Антраг, кавалеру Наших орденов, что, если он отдаст Нам в качестве подруги его дочь девицу Генриетту-Екатерину де Бальзак и если через шесть месяцев, начиная с нынешнего дня, вышеназванная девица забеременеет и родит сына. Мы немедленно женимся на ней. Брак этот будет заключен публично в подобающей торжественной обстановке перед лицом Нашей Святой Церкви. Для более полного удостоверения настоящего обязательства

> Мы обещаем и клянемся, как было сказано выше, подтвердить и возобновить его за Нашей подписью сразу же после того, как Нами будет получено от Святого Отца Папы Римского разрешение на расторжение брака между Нами и Маргаритой Французской и на Наш последующий брак по Нашему усмотрению. В подтверждение этого Нами написано и подписано настоящее обязательство. Совершено в Малербском лесу 1 октября 1599 года»[20].

Как пишет Ги Бретон, «в тот же вечер король был допущен к постели Генриетты, которая не пожалела сил ради того, чтобы быстрее наступил тот счастливый день, когда король сдержит данное им обещание»[21].

На возможное подписание брачного контракта с Марией Медичи Генриетта де Бальзак д'Антраг, возмущение которой нетрудно понять, отреагировала столь громогласно, что тосканские послы, слышавшие ее крики, поспешили удалиться от греха подальше.

Генрих в очередной раз поклялся, что не собирается жениться, и к Генриетте снова вернулась надежда на безоблачное будущее рядом с ее «добрым Анри». А раз так, она «одарила короля новыми удовольствиями».

Время, однако, шло, и с каждой неделей Генрих все больше нервничал. Его Генриетта была уже на седьмом месяце, и он с тревогой думал о том, что если она все же разродится мальчиком, он окажется в ловушке собственного (да еще в письменном виде) королевского слова. Реальная вероятность такой нелепой (и ненужной в данный момент) ситуации мешала ему спокойно спать.

К счастью, на помощь ему пришло само небо. В июне 1600 года у Генриетты случились преждевременные роды, и она произвела на свет мальчика, который почти сразу умер.

Узнав об этом, Генрих почувствовал огромное облегчение, ведь случившееся несчастье избавило его от необходимости исполнять обещание. Он подарил убитой горем Генриетте земельное владение Верней, возведенное в маркизат, считая, что это должно послужить бедняге достаточным утешением.

Новоявленная маркиза де Верней стала чуть более покладистой. Генрих обнял ее и с легким сердцем уехал в Лион. Всю дорогу он обменивался любовными письмами со своей флорентийской невестой. В одном из них, в избытке чувств, он написал:

«Вы советуете, чтобы я поберег свое здоровье; я Вас прошу о

том же. Как только Вы прибудете, мы сотворим с Вами хорошенького ребеночка»[22].

Переписка еще ни разу не видевших друг друга людей становилась день ото дня все более нежной. В первую очередь со стороны короля, конечно же. Он называл свою невесту «моя госпожа» и клялся ей в вечной любви. Мало-помалу, захваченный этой игрой, он и вправду почувствовал влечение к «маленькой флорентинке», которую видел лишь на портрете, как это обычно бывало, сильно приукрашенному «…» Маленькая флорентинка»… Это, пожалуй, не совсем верные слова. Тот, кто видел Марию Медичи, вряд ли назвал бы ее так. Летом 1600 года ей шел двадцать седьмой год. Как пишет историк Бенедетта Кравери, «это по тем временам уже считалось преклонным возрастом»[23]. Конечно, она была на двадцать лет моложе Генриха IV, но под определение «маленькая» ну никак не подходила. Напротив, это была весьма крупная дама с несколько обвисшими щеками и поблекшими глазами.

Вот ее портрет, написанный историком Жюлем Мишле:

> «Мария Медичи, которой было двадцать шесть лет, была большой и толстой женщиной, у которой, кроме красивых рук, все остальное отличалось совершенной заурядностью. Ее высокий рост не мешал ей быть буржуазкой и достойной дочерью торговцев, какими были ее предки. […]. Из итальянского у нее имелся только язык; по вкусам и нравам она была испанкой; по внешнему виду – австриячкой и фламандкой. Австриячкой – по матери, Иоанне Австрийской; фламандкой – по деду, императору Фердинанду, брату Карла Пятого»[24].

Биограф Генриха IV Франсуа Байру пишет:

> «Невозможно представить женщину, более непохожую на Генриетту д’Антраг, чем Мария Медичи. Первая была худощавой, темноволосой, живой и жизнерадостной, вторая – полной, светловолосой, томной и преувеличенно стыдливой»[25].

А вот биограф кардинала де Ришельё Энтони Леви утверждает, что Мария Медичи «была женщиной грубой, вульгарной, не блиставшей умом и абсолютно лишенной какой-либо изысканности и личного обаяния»[26].

Впрочем, есть и другие мнения. В частности, сам кардинал де Ришельё в своих «Мемуарах» дает нам такой портрет Марии

Медичи:

> «У нее была безупречная репутация. Цветущая дева обладала самыми зрелыми добродетелями: казалось. Господь создал ее настолько совершенной, что искусство, завидующее природе, едва ли смогло бы добавить хоть что-то к ее достоинствам»[27].

Итак, с одной стороны, вульгарная, грубая, заурядная, лишенная изысканности… С другой же – безупречная, добродетельная, полная достоинств… Кому тут верить?

Скорее всего, объективного портрета мы не найдем никогда. Говорят, что некрасивых женщин не бывает, а еще говорят, что только некрасивая женщина способна любить по-настоящему, потому что она не влюблена в себя. Но это все слова. К сожалению, Мария Медичи не отличалась ни красотой (это отмечали слишком уж многие), ни добродетелью (это выяснится очень скоро). И любить по-настоящему она была способна, наверное, только саму себя…

Глава IV
Свадьба Генриха IV и Марии Медичи

Король часто повторял своим доверенным лицам, что если бы она не была его женой, то он постарался бы сделать ее своей любовницей[28].

Кардинал де Ришельё

Герцог де Белльгард прибыл во Флоренцию 23 сентября 1600 года в сопровождении огромной свиты из сорока с лишним человек. На пристани их встретили сыновья великого герцога Тосканского, а сам правитель Тосканы уже ждал делегацию в своем дворце Питти.

После долгих взаимных приветствий, положенных по протоколу, де Белльгард объявил о цели своего визита, а также передал великому герцогу письмо от короля Франции, подтверждающее намерение жениться.

Миссия господина де Белльгарда, конечно же, была секретом полишинеля. Об этом говорит хотя бы тот факт, что во Флоренцию, имея в виду бракосочетание Марии Медичи, уже прибыли герцог Мантуанский с супругой, а также представитель Венеции.

Весьма странная для нынешних времен церемония бракосочетания по доверенности состоялась 5 октября

1600 года, и провел ее кардинал Пьетро Альдобранди-ни, специально присланный своим дядей, папой Климентом VIII.

Народу собралось много: на свадьбе были все знатные флорентийцы, представители духовенства, иностранные послы… Кардинал Альдобрандини от имени папы поздравил новобрачную, а та поблагодарила его и заверила в своей вечной верности идеалам католицизма. Когда брачный контракт был подписан, стройный хор из почти сотни голосов пропел церковный гимн *«TeDeum»* («Тебя, Бога, славим…»). Место *законной* королевы Франции снова оказалось занятым.

Через некоторое время граф д'Аленкур отбыл из Флоренции, чтобы в мельчайших подробностях рассказать Генриху обо всем

произошедшем. Он также привез с собой еще один портрет, чтобы король имел дополнительное представление о том, как выглядит та, на которой он только что женился.

Свой портрет отправил во Флоренцию и Генрих. Его передал граф де Фронтенак, кстати сказать, дедушка будущего французского губернатора Канады. Он же передал Марии целую пачку писем от Его Величества.

Отметим, что к тому времени Мария уже брала уроки французского языка, но отбыть к мужу сразу же после церемонии она не смогла: слишком много вещей надо было собрать с собой в дальнюю дорогу.

Историк Ги Шоссинан-Ногаре констатирует:

> «Женитьба Генриха IV на Марии Медичи прекрасно иллюстрирует совмещение дипломатических и финансовых интересов. Заключение этого брака, против которого восставали и романтический характер короля, и интриги фавориток, сопровождалось вероломством, торгашеством и шантажом. Прежде Генрих IV собирался жениться на своей возлюбленной, но внезапная смерть прекрасной Габриэль д'Эстре положила конец этим надеждам, вызывавшим в среде советников короля большие сомнения и возражения. В действительности в течение уже довольно продолжительного времени обсуждалась другая кандидатура, выбор которой сулил значительные выгоды: флорентийский брак с Марией Медичи, племянницей великого герцога Фердинандо. Этот союз позволил бы достичь равновесия в Италии и оказать сопротивление успехам Испании, достигнутым на переговорах в Милане, которые сильно влияли на пьемонто-савойские отношения. Поскольку проект этого союза был поддержан папой и Италией, Франция[29] оказалась в благоприятных условиях для усиления своего влияния в этом регионе»[30].

* * *

Узнав, что все свершилось, Генриетта де Бальзак д'Антраг, находившаяся в Лионе, куда ее вызвал король, вновь поддалась приступу гнева. Она металась по комнате, швыряла на пол посуду и требовала, чтобы Генрих даже не думал принимать флорентийку, когда та приплывет на своем набитом сокровищами корабле. А еще она угрожала, что в противном случае сама

примет участие в торжествах, представившись его возлюбленной. Более того, она назвала короля лжецом, а тот, к изумлению присутствовавших, даже ничего не возразил.

– Видеть не желаю эту тосканскую толстуху! – кричала Генриетта де Бальзак д'Антраг.

Генрих IV, хорошо знавший буйный нрав своей любовницы, сидел спокойно.

Немного остынув, Генриетта спросила, когда должна приехать его «банкирша».

– Сразу, как только я очищу свой двор от всех, кто ей явно не понравится, – хитро улыбаясь, ответил король.

После этой сцены в их отношениях на несколько дней установился холодок…

* * *

Тринадцатого октября 1600 года Мария Медичи наконец покинула Флоренцию и отправилась на родину своего мужа, которого еще ни разу не видела. Фактически, она ехала в полную неизвестность, переполненная смутными мечтами о долгожданной любви, которая «поразит подобно молнии».

Марию сопровождали ее тетушка – великая герцогиня Тосканская, младший брат Антонио Медичи и множество других знатных флорентийцев, в числе которых выделялся некий Кончино Кончини – ниже мы расскажем о нем подробнее.

Семнадцатого октября 1600 года Мария уже была в Ливорно и оттуда поплыла в направлении Франции.

На несколько дней она остановилась в Генуе. Генуэзские власти встретили новоиспеченную супругу короля со всем возможным гостеприимством. Из-за сильного шторма ей пришлось задержаться дольше, чем она рассчитывала. Волны были такие, что даже самые опытные моряки не решались выйти в открытое море. Некоторые увидели в этом дурное предзнаменование, но Мария хранила спокойствие, ничем не показывая своего внутреннего волнения.

В конце концов ветер стих, и корабли взяли курс на Тулон. Когда они вошли в порт, поглазеть на них собрался весь город. Головной корабль, позолоченный до самой ватерлинии, «украшали гербы Франции и Тосканы: французский был выложен из сапфиров и бриллиантов, а тосканский – из рубинов, изумрудов и сапфиров»[31]. Кортеж королевы состоял из тосканской (18 судов), папской (7 судов) и мальтийской (5 судов) флотилий. Генуэзские власти тоже хотели отправить с Марией

свои галеры, но она, поблагодарив, отказалась.

Ее прибытие во Францию было столь помпезным, что многие очевидцы впоследствии утверждали, что никогда в жизни не видели ничего подобного.

Третьего ноября, примерно в десять часов вечера, Мария Медичи появилась в Марселе. Там ее встретила целая делегация во главе с герцогами де Немуром, де Гизом и де Вентадуром. Королеву приветствовали кардиналы Жуайёз, Гонди и Сурди, а также несколько епископов и членов Государственного совета.

Под грохот пушек (тысяча выстрелов!) четыре марсельских консула торжественно вручили ей символические ключи от города. Потом ее проводили в королевскую резиденцию, чтобы она могла отдохнуть после длительного путешествия.

Пока Мария находилась в Марселе, ежедневно устраивались пышные праздники, но Генрих IV так и не приехал, и это неприятно удивило Марию. К счастью, его доверенные лица делали все возможное, чтобы супруга короля не скучала и чувствовала себя как дома.

Спустя некоторое время сопровождавшая Марию великая герцогиня Тосканская заявила, что ее ждут неотложные дела во Флоренции. Жаль, конечно, что она так и не увиделась с французским королем, но… Поцеловав племянницу, она отправилась в обратный путь. В тот же день, оставив гостеприимный Марсель, уехала и Мария.

Семнадцатого ноября она уже была в Эксе, а девятнадцатого – в Авиньоне. Это город на территории Франции прославился тем, что с марта 1309 года по январь 1377 (с перерывом в 1367–1370 гг.) здесь была резиденция пап. В свое время папа Климент V покинул небезопасный для него Рим и обосновался здесь, построив великолепный дворец; в 1348 году Авиньон был куплен папой. Во время Столетней войны папа Григорий XI, занимавший престол в 1370–1378 годах, перенес папскую резиденцию обратно в Рим, однако это положило начало так называемому «великому расколу». После смерти Григория XI папой был избран Урбан VI, которого поддерживали государства Северной и Средней Италии, Англия, а также скандинавские и немецкие государства. В противовес ему духовенство, ориентировавшееся на Францию, Испанию, Шотландию и Неаполь, избрало в Авиньоне папу Климента VII; таким образом, возникли две папские курии, враждовавшие друг с другом. Конец «великому расколу» положил Констанцский собор, состоявшийся за два века до описываемых в книге событий: в 1414–1418 годах.

Власти Авиньона оказали Марии Медичи пышный прием. Кто-то пожелал ей скорее родить, и Мария благодарно кивнула:

она и сама давно мечтала об этом.

Второго декабря 1600 года в сопровождении конвоя из двух тысяч всадников флорентийка прибыла в Лион, где вновь не нашла своего супруга. Как оказалось, он отправился в небольшое путешествие в обществе Генриетты де Бальзак д'Антраг – они к тому времени снова помирились…

Было и еще одно обстоятельство. Генрих IV успел повоевать с герцогом Савойским[32] из-за маркграфства Салуццо. Король управлял армией из Гренобля – потому-то он и решил, что удобнее всего будет встретиться с новоиспеченной супругой именно в Лионе, и там же он намеревался провести пышную брачную церемонию.

Мария, конечно же, ничего этого не знала.

В честь законной королевы в местном соборе была отслужена торжественная месса, а затем начались празднества, продолжавшиеся восемь дней. Но даже они не смогли отвлечь флорентийку от беспокойства. К тому же она заболела. Декабрь – холодный месяц, и изнеженные южане мерзли. Во дворце, где жила Мария, растопили все камины, но, увы, это не спасло ее от простуды.

* * *

Генрих приехал лишь 9 декабря, что-то около девяти вечера. С собой он взял тысячу солдат, ибо успел прослышать, какой пышной свитой окружила себя флорентийка, и не хотел уступать ей ни в чем. Однако после битвы в горах войско его было в неприглядном виде – все грязные и уставшие. Сам король был одет недостойно правителя. Но разве это имеет значение? Он хотел показать своей будущей жене, как выглядит настоящий победитель. Ему и в голову не приходило переодеваться: боевые доспехи, высокие сапоги с отворотами (пусть и заляпанные грязью), шпага и пара пистолетов за поясом – отличный вид!

Накануне своего приезда Генрих послал в Лион одного из своих придворных, которому можно было доверять. Ему предстояло лично оценить внешность флорентийки и передать свои впечатления королю. Посланник нашел Марию укутанной в меха. Архиепископский дворец казался ей нестерпимо холодным. Чтобы согреться, она выпила немало вина, и когда посланник сообщил ей о скором прибытии Генриха, кровь ударила ей в лицо. Затем, охваченная ужасом, она впала в ступор. Посланник связал это с волнением, незнакомой обстановкой – да с чем угодно, ибо мысль о том, что рослая особа лет под тридцать испугалась

мужчины, просто не могла прийти ему в голову.

О своих впечатлениях он тут же доложил королю, но сделал это в столь уклончивых выражениях, что Генрих ничего не заподозрил.

Когда Генрих наконец встретился с Марией, он прежде всего извинился, что заставил ее прождать целую неделю. Также он сообщил, что не мог приехать раньше, поскольку его долг – разобраться с разбойниками, посягнувшими на французские земли, и она, как супруга французского короля, конечно, должна понять это.

Привыкший к обществу красивых женщин, Генрих не смог удержаться от мысли, что, к несчастью, отсутствовал *всего лишь* неделю. Его первое впечатление о Марии было удручающим. Как выяснилось позже, на всех портретах, доставленных из Флоренции, Мария была значительно моложе, и у нее еще не было такого «тупого и упрямого» (это его слова) выражения лица.

Что касается интеллектуальных способностей Марии Медичи, то Жедеон Таллеман де Рео приводит лишь один факт, который говорит о многом:

> «Она верила в то, что большие, громко жужжащие мухи слышат, что говорят люди, и потом передают то, что услышали»[33].

Историк Жюль Мишле не без иронии констатирует:

> «Охлаждение было сильным, и оно было связано с самой принцессой, которая сильно отличалась от своего портрета, который, по-видимому, написали лет десять назад. Перед собой он увидел женщину большую, полную, с круглыми глазами, взглядом грустным и жестким, испанку по манере одеваться и австриячку по общему впечатлению. […] Она не знала французского, ведь ей всегда не нравился этот язык еретиков. По пути, на корабле, ей дали в руки плохой французский роман, “Клоринда”, и она воспроизвела из него несколько слов…»[34]

Весьма и весьма внушительным весом Мария была обязана своей матери – Иоанне Австрийской, а упорством и ограниченностью, написанными у нее на лице, – испанскому воспитанию. Ее поступь была тяжелой, совсем не женской.

Автор исторических и любовно-приключенческих романов Жюльетта Бенцони описывает ее так:

«От природы крепкого телосложения, пухлая, с едва обозначенной талией, Мария Медичи в свои двадцать семь лет выглядела на все сорок. Черты ее удивительно белого лица были слишком грубы, подбородок тяжеловат, а небольшие круглые глаза были лишены блеска. Редко когда лицо так верно отражает характер. С первого же взгляда становилось ясно, сколь эта женщина глупа, надменна и упряма и сколь легко поддается чужому влиянию. Вдобавок она была полностью лишена чувства сострадания, невероятно эгоистична и неблагодарна, в чем вскоре убедились ее подданные. Но в то же время она была невероятно богата, обожала роскошь и разбиралась в драгоценных камнях не хуже ювелира с Понте Веккьо»[35].

К сожалению, прекрасный город, где она родилась, ничем не наделил ее, кроме «непонятного» языка и режущего слух акцента, когда она пыталась говорить по-французски.

Окруженная дамами, Мария низко присела, приветствуя короля Франции, своего мужа. Боже, она была еще и выше его ростом… Лишь когда она пригнулась, Генрих смог, не без некоторого усилия над собой, поцеловать ее в губы. Для флорентийки подобное было в диковинку, и она сжалась от испуга. Почувствовав ее дрожь, король подвел жену к камину, но ее рука, которую он крепко сжимал, была холодна и безжизненна.

Он многословно заговорил о небывалых морозах, ударивших в этом году, о трудностях пути… Она же отвечала невпопад, медлила с ответом, и Генриху пришлось констатировать, что она так же плохо понимает его, как и он ее.

Сказать, что Генрих был огорчен, – значит, ничего не сказать. Он тут же отозвал в сторону герцога де Белльгарда, ездившего во Флоренцию для проведения бракосочетания, и прямо спросил:

– По-вашему, это и есть лакомый кусочек?

Белльгард уклончиво промямлил, что боевой конь,

несущий рыцаря в полном снаряжении, подлежит совсем иной оценке, нежели стройные кобылицы, резвящиеся на лугу.

– Должно быть, у нее очень большие ноги? Вы же ехали вместе с ней, отвечайте! – не отступал Генрих.

– Ноги? Они соответствуют всему остальному, – последовал ответ.

– Друг мой, – потерял терпение король, – я послал вас во Флоренцию, чтобы вы как следует разглядели невесту. Ваши глаза – это мои глаза. Но после возвращения вы стали не особенно разговорчивым. В чем дело? Я не узнаю вас…

– Сир… – Белльгард запнулся. – Этот брак нужен всем, и остановить его ничто не могло.

Услышав это, Генрих пожал плечами и тяжело вздохнул. Его вздох означал лишь одно: вряд ли уживется с этой женщиной. Хотя… Впереди предстояла брачная ночь, кто знает, может, флорентийка окажется искусной в постели…

Поразмыслив, Генрих прямиком направился к Марии и принялся колотить в дверь ее спальни. Она как раз собиралась ложиться спать и уже развязала шнурки на платье. Ни о какой брачной ночи она и не думала!

– Кто там? – испуганно крикнула она; голос за дверью скорее походил на рычанье льва, чем на голос человека.

При появлении собственного мужа, который и ей, кстати, не особенно понравился, Мария бросилась на колени, но он приказал ей подняться.

– Могу я надеяться, что вы уступите мне краешек своей постели… Свою, спеша сюда, я не привез…

Откровенность просьбы застала флорентийку врасплох, и она начала бормотать что-то об освящении брака папским легатом. Но потом, увидев недовольную гримасу на лице Генриха, ей хватило ума прошептать:

– Я с удовольствием выполню любое желание моего супруга и короля.

В ответ Генрих широко улыбнулся, а испуганную Марию, которая смутно догадывалась, что ее ждет, стала бить дрожь.

Король скинул с себя одежду и улегся рядом с Марией.

Современник тех событий Жедеон Таллеман де Рео пишет:

> «Когда Мария ложилась с ним в постель в первый раз, она слегка надушилась ароматическими снадобьями, которыми ее щедро снабдили при отъезде во Францию»[36].

Чего не скажешь о короле, который «так вонял, что королева едва не лишилась чувств»[37].

Сложно сказать, где автор раздобыл такие интимные подробности, но Генрих IV и вправду мылся редко – следить за собой в те времена во Франции считалось почти грехом. Посему в первую брачную ночь

Марии предстояло пренеприятнейшее испытание. Может быть, это и не была «волна отвратительной вони», но запах от короля действительно исходил не самый приятный, и изнеженная итальянка с трудом сдержала приступ тошноты – какое уж там любовное опьянение… Но, как отмечает Ги Бретон, «они поженились не для праздного времяпрепровождения, и уже со

следующего вечера, несмотря на отсутствие взаимного влечения, смело принялись за осуществление стоявшей перед ними задачи и постарались сделать все возможное, чтобы их усилия не пропали даром»[38].

На следующее утро у Марии хватило такта не показывать своего отвращения. Более того, она улыбнулась и мило произнесла:

– Я покорена и очень рада, что нашла короля Франции полным сил.

На что Генрих галантно ответил:

– Я тоже не обманулся в своих ожиданиях. Вы, мадам, весьма грациозны и красивы.

Понятно, что весь этот словесный спектакль был устроен для чужих ушей. На самом деле новобрачные сочли свой первый супружеский контакт неудачным, и у каждого из них была на то своя причина. Мария про себя называла Генриха «грязным невеждой», а король ее – едва ли не вслух – «дряблой толстухой» и «неопытной дурой».

* * *

Семнадцатого числа кардинал Пьетро Альдобрандини провел в церкви Сен-Жан официальную церемонию бракосочетания, теперь уже на французской земле, после которой состоялись шумные торжества. В этом месте следует пояснить, что Мария, хотя и стала королевой, но коронована не была, то есть вся полнота власти в государстве принадлежала Генриху и только ему.

Генрих оставался в Лионе еще некоторое время: ему предстояло подписать мирный договор с герцогом Савойским. Документ был подписан 17 января 1601 года, и на следующий день король выехал в Париж. Мария со своей многочисленной свитой последовала за ним.

Однако в Париже король надолго не задержался. Не прошло и пяти дней, как он, сославшись на неотложные государственные дела, галопом помчался в Верней, где его ждала очаровательная Генриетта де Бальзак д'Антраг. Получается, что неуклюжая флорентийка, пусть теперь и законная жена, очень быстро заставила Генриха вспомнить о стройной и остроумной любовнице. В самом деле, неужели мужчина после стольких трудов не может позволить себе хоть немного расслабиться?

Парижане собирались устроить королю и королеве торжественный прием, но Генрих приказал не делать этого,

заявив, что средства из государственной казны лучше потратить на более необходимые дела. Поэтому все свелось лишь к стрельбе из пушек, когда Мария Медичи проезжала мимо Бастилии.

Первую ночь во французской столице Мария провела во дворце кардинала Гонди, и лишь потом получила возможность обосноваться в Лувре.

В те времена Лувр, построенный на месте замка XIII века, был совсем не таким, каким мы его привыкли видеть. Мария пережила своего рода потрясение, увидев это сооружение. Она-то рассчитывала, что будет жить во дворце, похожем на дворцы ее родной Флоренции, а ее взору открылись мрачные стены, грязные полы и грубая мебель, половину которой можно было смело отправить на свалку. А запахи!..

Но выбора у нее не оставалось, и весь остаток зимы флорентийка осматривала достопримечательности Парижа и его окрестностей. При этом она часто наведывалась в Фонтенбло, где вовсю велись строительные работы. Загородная резиденция французских королей была возведена при Франциске I, который правил с 1515 года, а Генрих II и Генрих IV продолжили благоустройство дворца. Чтобы найти с мужем хоть какие-то точки соприкосновения, Мария делала вид, что ее интересуют проводимые работы.

Глава V
Леонора Галигаи и Кончино Кончини

Именно он с помощью Леоноры направлял все действия Марии Медичи. […] Становится понятным, какую серьезную ошибку допустил король, покинув королеву в тот самый момент, когда требовалось проявить особую бдительность. Вместо того, чтобы отправить обратно в Италию всех этих шумных, болтливых и завистливых ветрогонов, которые явились во Францию единственно за тем, чтобы разжиться деньжатами от ее щедрот, и таким образом обрубить последнее, что связывало флорентийку с ее родиной, он оставил все как было[39].

Ги Бретон

На свою беду, Генрих все меньше и меньше времени уделял супруге, и она, неуверенно чувствуя себя в чужом городе, попала под влияние двух людей, которые приехали в Париж вместе с ней. Речь идет о Леоноре Галигаи и Кончино Кончини…

Леонора[40] была молочной сестрой Марии Медичи (ее мать была кормилицей принцессы). Почти ровесницы, они росли вместе. Честолюбивая Леонора сумела добиться расположения флорентийки. По словам одного из биографов, Галигаи была «худенькая, черноволосая, стройная, с правильными чертами лица девица»[41]. Современники свидетельствуют, что, искусная во многих вещах, она, как никто другой, умела развеять тоску Марии. Леонора обладала вкусом во всем, что касалось обустройства дома, нарядов и украшений, страсть к которым сделала ее великолепным экспертом.

Кончино Кончини[42] исполнял при Марии Медичи обязанности шталмейстера, или «начальника конюшни». По рассказам знавших его людей, он был «тщеславен и хвастлив, ловок и смел, хитер и честолюбив, беден и жаден»[43].

Во всех отношениях Леонора и Кончино были созданы друг для друга, и судьба распорядилась так, что их настигла любовь. Произошло это во время путешествия из Флоренции во Францию. Первой влюбилась Леонора и сделала все, чтобы добиться расположения молодого человека. Польщенный вниманием наперсницы королевы, конюший быстро просчитал преимущества, которые давала ему эта связь. Дальше – больше, и он по-настоящему увлекся. Но при этом он ни на минуту не забывал о том, какие перспективы открываются перед ним.

Очень скоро при посредничестве Леоноры он начал открыто манипулировать Марией Медичи. В таких условиях особенно понятна серьезность ошибки, совершенной Генрихом IV, который покинул жену как раз в тот момент, когда ему следовало быть особенно бдительным.

Вместо того, чтобы отослать обратно во Флоренцию всех этих болтливых и амбициозных «ветрогонов», прибывших во Францию с одной лишь целью – поискать удачи, вместо того, чтобы разрушить душевные узы флорентийки с родной страной, король, наоборот, укрепил их. В результате, когда Мария прибыла в Париж, итальянцы уже многого добились. Леонора стала камеристкой королевы, а во Франции этой должности удостаивались лишь дамы из самых знатных фамилий. Незаметно у предприимчивой парочки в руках оказалась вся свита Марии Медичи. Ставки были сделаны…

Когда Кончино Кончини впервые удостоился рукопожатия от короля, Мария Медичи довольно улыбнулась. Можно сказать, впервые за время своего пребывания во Франции. Обычно молчаливая, она вдруг заговорила, чем немало удивила собственного мужа. Беда в том, что заговорила она по-итальянски, и герцогиня де Немур взялась перевести ее слова, так как знала оба языка. Кроме того, она была осведомлена о взаимоотношениях действующих лиц и решила предостеречь Генриха:

– Это авантюристы с фальшивыми титулами. Будьте настороже!

Мария воспевала добродетели дамы Леоноры Галигаи и ее мужа, а хитрая герцогиня добавляла от своего имени:

– По большому счету, опасна только она, Ваше Величество, потому что она умна. Ее муж просто-напросто глупый павлин. Вам следует знать, сир, что ваша супруга находится под чужим влиянием.

Генриху IV и самому не понравилась Леонора. Но, слушая мадам де Немур, он рассуждал иначе: «Власть молочной сестры над моей женой или власть ее красавца мужа? А впрочем, не все

ли равно…»

* * *

Как мы уже говорили, по прибытии в Лувр Мария испытала большое разочарование. Она рассчитывала вступить в великолепный дворец, а увидела мрачные покои, которые не были даже толком подготовлены к ее приезду.

И тогда король совершил вторую ошибку. Вместо того, чтобы проявить к ней обходительность, заставив забыть о бытовых мелочах, он поступил как настоящий мужлан, ничего не понимающий в женской психологии.

Это и в самом деле выглядит невероятным, но он решил представить Марии Медичи Генриетту де Бальзак д'Антраг!

– Не буду скрывать, эта женщина была моей любовницей, – с улыбкой сказал он, – но теперь она желает стать вашей статс-дамой.

Но и Генриетте пришлось пережить несколько неприятных минут. Обожающий подобные детали Ги Бретон пишет:

> «Нужно признать, что в данном случае король обошелся с фавориткой не лучше, чем с Марией Медичи. Когда она наклонилась, чтобы поцеловать платье королевы, как того требовал этикет, король, решив, видимо, что фаворитка не оказала королеве достаточного уважения, схватил ее за руку и грубо поставил на колени перед своей женой.
>
> Генриетта поднялась с колен, пунцовая от стыда и гнева, и немедленно покинула гостиную, оставив растерявшуюся Марию. Все придворные были смущены происшедшим, за исключением, конечно, самого Генриха IV»[44].

А вот рассказ историка Ги Шоссинан-Ногаре:

> «Генрих IV, чтобы сразу заставить официально признать свою двойную семью, представил Марии Медичи Генриетту д'Антраг в следующих выражениях: "Эта женщина была моей возлюбленной, а теперь желает быть вашей покорной слугой". Вероятно, грубость мало смущала современников доблестного беарнца. Случалось, королеве предписывалась жизнь втроем даже в течение медового месяца, и она была вынуждена делить с конкуренткой не только внимание короля, но и

все почести. Король афишировал свои связи с бесстыдством, которое могло вызывать лишь отчаяние. Дело заходило еще дальше: он смешивал легитимную семью и незаконное сожительство»[45].

А самое неприятное заключалось в том, что Мария к тому времени уже была беременна. Впрочем, как и Генриетта. Когда последняя узнала о том, что королева в положении, она решила, что, конечно же, родит раньше чужестранки. И родит мальчика. В этом случае (и в случае, если у Марии будет девочка) король выполнит данное когда-то обещание и женится на ней. Пусть это были всего лишь иллюзии, но куда же без них. Женщины во все времена верят в несбыточное: будто бы любовь может сотворить чудеса, и Генриетта не была исключением. Она упорно цеплялась за свою мечту – стать королевой. Чтобы не упустить свой шанс, она продолжала сопровождать Генриха во всех его перемещениях по стране. А Мария, плохо переносившая беременность, практически не выбиралась из своих покоев в Лувре.

Сам король и не думал скрывать одновременную беременность двух его «жен».

– У меня скоро родятся принц и его слуга… – с присущим ему цинизмом говорил он.

Генрих пошел дальше, поселив Генриетту в Лувре, поблизости от апартаментов своей жены. Дурной пример заразителен. Когда в Париже прознали об этом, многие пожелали устроить свою жизнь по подобию властителя. Церковь отмечала небывалое падение нравов. Говорят, именно в это время в городе возникли притоны, прозванные «крольчатниками». Вскоре возникла конкуренция, и содержателям подобных заведений приходилось проявлять смекалку, чтобы завлечь почтенную клиентуру. Например, в одном из «веселых домов» устраивали «игру в вишенки». Какая-нибудь красотка раздевалась в общей гостиной, после чего клиенты разбрасывали на полу вокруг нее вишни (или орехи, в зависимости от времени года). Собирая ягоды, девушка наклонялась, распаляя мужчин. Что происходило дальше, нетрудно догадаться.

Разумеется, священники пытались воспрепятствовать этой волне похоти, но их не слушали.

– Ступайте со своими проповедями к королю, у которого две жены, – говорили люди.

Глава VI
Соревнование продолжается

В течение лета 1601 года обе женщины – и королева, и фаворитка, – к великой радости короля, округлялись прямо на глазах. К несчастью, ни та, ни другая будущая мамаша не могла похвастаться покладистым характером[46].

Ги Бретон

27 сентября 1601 года в десять часов вечера в Фонтенбло Мария Медичи родила мальчика, которого назвали Луи.

Король был счастлив, и день рождения наследника немедленно был объявлен национальным праздником. Особую торжественность моменту придавало то обстоятельство, что во Франции не было дофинов со времен короля Генриха II, правившего в 1547–1559 годах.

Луиза Буржуа, помогавшая при родах, рассказывает, как она старалась вдохнуть в новорожденного жизнь:

> «Я туго, как и положено в таких случаях, запеленала ребенка. Король подошел и посмотрел на его личико. Ребенок был так слаб, что почти не дышал. Я попросила господина де Лозерэ, одного из слуг короля, принести немного вина. Когда он принес бутылку, я попросила дать мне маленькую ложечку. Король взял бутылку в руки. Я сказала ему:
>
> – Сир, если бы речь шла не о королевском ребенке, я набрала бы в рот глоток вина и влила бы немного ему, чтобы восстановить в нем жизнь.
>
> Король поднес мне к губам бутылку и сказал:
>
> – Делайте так, как считаете нужным.
>
> Я набрала в рот немного вина и влила ребенку в ротик. В тот же самый миг ребенок ожил и стал сосать, причмокивая, вино, которое я ему дала»[47].

Сделав глоток красного вина, будущий король Людовик XIII разразился плачем.

После этого Луиза показала новорожденного присутствующим.

Как сообщает в своем «Дневнике» Жан Эроар, королевский доктор, все «увидели крупного, костистого и довольно плотного младенца… его гениталии бросались в глаза, а попка была покрыта волосами»[48].

В комнату Марии сбежались молодые придворные дамы и рассыпались в комплиментах.

Жан Эроар пишет:

> «Герцогиня де Бар, сестра короля, рассматривая уже сформировавшиеся части детского тельца, обратила особое внимание присутствующих на те из них, которые свидетельствовали о принадлежности дофина к мужскому полу и, обернувшись к госпоже де Панже, заметила, что природа щедро его одарила»[49].

Мария была горда тем, что подарила королю наследника. Она лежала в своей постели и впервые со времени приезда во Францию чувствовала себя счастливой.

Парижане встретили новость о рождении мальчика с огромным воодушевлением. Толпы народа высыпали на улицы города и принялись благодарить Господа за ту великую милость, которую Он сделал для Франции.

Генрих IV выглядел пьяным от счастья. Он ни на шаг не отходил от ребенка и даже более того – старался угождать любым капризам своей жены.

Несколько недель спустя, 3 ноября 1601 года, Генриетта де Бальзак д'Антраг также родила мальчика, которого назвали Гастон-Генрих, впоследствии он станет герцогом де Верней и губернатором Лангедока. На этом этапе она проиграла своей сопернице.

* * *

В следующем году картина повторилась: 22 ноября 1602 года Мария родила в Фонтенбло дочь Елизавету (будущую королеву Испании), а Генриетта, чуть позже, – Габриэль-Анжелику (она выйдет замуж за сына герцога д'Эпернона).

> Как утверждает Ги Бретон, «двор пышно отпраздновал оба этих события, а простой народ,

> который легко поддается чувствам, радовался, что имеет столь способного и плодовитого короля»[50].

Однако историк Ги Шоссинан-Ногаре не скрывает иронии по поводу очередного «королевского дуплета»:

> «Когда Генрих IV женился, Мария Медичи втянула его любовницу маркизу де Верней в своеобразные гонки, в курьезные соревнования по плодовитости, так что для фаворитки стало делом чести рожать в том же ритме и с такой же регулярностью, как королева»[51].

После рождения девочек Генрих IV тяжело заболел. Его страдания были столь сильны, что он всерьез опасался за свою жизнь. Призвав в один из дней Марию, он завещал ей править страной до совершеннолетия их сына, ориентируясь исключительно на господина де Сюлли[52], единственного из министров, которому, по его мнению, можно было полностью доверять. Также он назвал имена тех, кого следовало опасаться.

К счастью, болезнь быстро отступила, и жизнь втроем продолжилась. У Генриха хватало сил и на жену, и на любовницу.

Ги Шоссинан-Ногаре по этому поводу пишет:

> «Возникла полная путаница, и у короля появилось намерение соединить матерей, как он соединил детей. Когда он навещал своих многочисленных отпрысков, его сопровождали либо жена, либо возлюбленная, а иногда и обе вместе. Генрих IV не представлял собой чего-то исключительного, такого рода сцены наблюдались довольно часто»[53].

* * *

Эту почти идиллическую картину не разрушил даже заговор против короля, раскрытый в 1604 году, в котором самую активную роль играл отец фаворитки – Франсуа де Бальзак д’Антраг. Заговорщики планировали заманить Генриха к маркизе де Верней, умертвить его, а королем провозгласить ее сына Гастона-Генриха. Суд приговорил герцога к смерти, а его дочь – к пожизненному заточению в монастырь, но король позволил старику провести остаток дней в родовом имении[54]. Что же касается Генриетты, то за ее судьбу можно было не опасаться. Генрих лично допросил ее, и она без труда доказала свою непричастность к заговору. Не зря же говорят, что у любовницы

всегда найдутся добродетели в глазах воображения.

Парижскому парламенту (так в те времена во Франции назывался высший суд, в состав которого входили, кроме непосредственных вассалов короля, высшие придворные чины и ближайшие советники короля) осталось лишь подчиниться воле монарха.

Следует добавить, что к числу заговорщиков относился и сводный брат Генриетты Шарль де Валуа (1573–1650), который был незаконнорожденным сыном короля Карла IX и воспитывался при дворе. Генриетте удалось спасти жизнь и ему. Шарль де Валуа вышел из Бастилии в 1616 году, уже при Людовике XIII.

Это выглядит странно, но король еще больше привязался к своей фаворитке, хотя прекрасно знал злой нрав этой женщины. В свою очередь Генриетта де Бальзак д'Антраг маркиза де Верней без зазрения совести эксплуатировала королевскую щедрость, выпрашивая за каждую ласку деньги и поместья. Она постоянно старалась унизить законную королеву и вскоре рассорила ее с мужем.

* * *

Стычки Марии Медичи и Генриетты де Бальзак д'Антраг продолжались. Король буквально разрывался между ними, стараясь восстановить мир во дворце. Однако у него было свое видение проблемы. В частности, он решил, что главный источник беспокойства – окружение Марии, якобы настраивающее ее против короля. А раз так, он потребовал, чтобы Мария немедленно отправила во Флоренцию главных «советников» – Леонору Галигаи и Кончино Кончини. Мария, естественно, отказалась, и разразился страшный скандал.

На этом фоне Генриетта повела себя удивительно грамотно: она писала королю ласковые письма, жалела его, уверяла, что любит и будет любить всегда.

Марии бы поучиться у соперницы, но, ослепленная ревностью, она совершала ошибку за ошибкой: постоянно была чем-то недовольна, постоянно тратила огромные суммы денег… Возможно, в ее претензиях было немало справедливого, но воспринимать слова Марии адекватно Генрих уже не мог. Его стало бесить общение с женой.

* * *

Несмотря ни на что, 10 февраля 1606 года Мария Медичи родила королю еще одну девочку. Ее назвали Кристиной. Через тринадцать лет она станет женой Виктора-Амадея I Савойского (1587–1637), сына того самого Карла-Эммануила Савойского, с которым воевал Генрих IV.

На крестины дочери Мария пригласила из Италии свою сестру Элеонору, герцогиню Мантуанскую. Этим она решила продемонстрировать всем в Париже свою привязанность к флорентийской семье и ее интересам.

Решение жены, естественно, не понравилось Генриху IV. Дальше – больше. В феврале 1609 года в мир иной отошел дядя Марии, великий герцог Тосканский Фердинандо Медичи, и его место занял Козимо II, ориентированный в своей политике не на Францию, а на Австрию (он был женат на дочери эрцгерцога Австрийского принцессе Марии Магдалене). Французский король почувствовал себя оскорбленным, и это еще больше осложнило его отношения с женой. Но это произойдет через три года. Пока же герцогиня Мантуанская прибыла в Париж, и ей пришлось оказывать знаки внимания, соответствующие особе королевских кровей.

Церемонию крещения Кристины проводил кардинал Жуайёз, и все это так походило на семейное торжество флорентийцев, что Генрих в какой-то момент почувствовал себя лишним. Впрочем, он был на своей территории и быстро отогнал от себя неприятные мысли.

* * *

Шестнадцатого апреля 1607 года Мария Медичи родила второго сына. Мальчина назвали Николя, и в историю он вошел как «принц без имени» (он умер в четырехлетием возрасте).

В ночь с 24 на 25 апреля 1608 года родился еще один мальчик – Гастон, ставший герцогом Орлеанским.

После родов, которые оказались тяжелыми, Мария была вынуждена оставить Париж и поехать на воды.

Лечение оказалось успешным, и еще через год она произвела на свет третью дочь, которую, как ни странно, назвали… Генриеттой. Генриетта станет женой Карла Стюарта, будущего короля Англии, Шотландии и Ирландии, правившего под именем Карла I. Поговаривали, что ее муж состоял в преступной связи (о гомосексуализме тогда и речи не было) с герцогом Бакингемом. Как бы то ни было, судьба Карла печальна. В ходе Английской революции XVII века он был признан государственным

преступником и обезглавлен. Генриетта пережила его на двадцать лет. Она мать двух английских королей – Карла II и Якова II.

Глава VII
Увлечение короля Шарлоттой де Монморанси

Эта нимфа, пронзившая сердце Генриха, принадлежала к одной из самых известных и могущественных семей Франции[55].

Бенедетта Кравери

И все же избавить Генриха IV от затянувшейся связи с Генриеттой де Бальзак д'Антраг маркизой де Верней смогло не рождение детей в законном браке, а новая страсть.

В январе 1609 года король увлекся четырнадцатилетней дочерью коннетабля де Монморанси[56] Шарлоттой-Маргаритой де Монморанси.

Молоденькая Шарлотта в числе других красивых девушек разучивала танцы к предстоящему дворцовому празднику. Репетиция проходила напротив апартаментов короля, и он заметил ее в приоткрытую дверь. Восхищенный до глубины души, Генрих забыл обо всем.

«Еще никому не приходилось видеть существа более прекрасного и более жизнерадостного»[57], – сообщает нам о Шарлотте Таллеман де Рео.

А вот еще один отзыв о ее внешности:

> «Ее нежный взор способен был воспламенить даже самых равнодушных»[58].

В «Занимательных историях» Жедеона Таллемана де Рео читаем:

> «Дамы, одетые нимфами, должны были по сценарию спектакля поднять вверх дротики как бы для того, чтобы метнуть их. В этот момент мадемуазель де Монморанси как раз находилась напротив короля, и когда она подняла свой дротик, можно было подумать, что она

хочет пронзить им короля. Позже король сказал, что она была столь грациозна, что он действительно почувствовал свое сердце пронзенным»[59].

А вот более точный рассказ историка Жюля Мишле:

«Это было в январе 1609 года, когда королева решила поставить бвлет ”Нимфы Дианы". Они с королем находились (как всегда) в конфликте и никак не могли договориться относительно выбора девушек, которые исполнили бы роли нимф. И так же, как всегда, королева начала дуться, да так, что король, находясь в плохом настроении, закрыл дверь, чтобы не видеть репетиций. Но все же, проходя как-то мимо, он бросил взгляд в залу. Это произошло именно в тот момент, когда одна из нимф подняла свое копье, словно собираясь пронзить его в сердце. И удар у нее получился, да такой удачный, что король чуть не упал в обморок… Это была мадемуазель де Монморанси.

Она была еще почти ребенком; ей едва исполнилось четырнадцать лет. Но у нее было возвышенное и очень амбициозное сердце, она увидела короля и, без сомнения, нашла удовольствие в нанесении таких ударов»[60].

По большому счету, в страсти, охватившей Генриха, не было ничего удивительного. Жизнь он вел напряженную, и любовь была для него отдушиной. Или болезнью, и на сей раз болезнь оказалась серьезной.

Генриху было уже пятьдесят пять, и сорокалетняя разница в возрасте, конечно, не могла его не напрягать. С одной стороны, пятьдесят пять – не восемьдесят, но и не тридцать, когда можно позволить себе гораздо больше. Не будет ли он выглядеть посмешищем в глазах юной прелестницы? Но разве король может выглядеть посмешищем? Будучи девушкой умной, Шарлотта-Маргарита ответила на его страсть.

У семейства Монморанси на дочь были свои виды. В женихи ей прочили веселого и отважного кавалера Франсуа де Бассомпьера. Тот не был в нее влюблен, но и от брака не отказывался.

Однажды Генрих вызвал его к себе и заявил о своих намерениях самым бесстыдным образом:

– Бассомпьер, я буду говорить с вами, как друг. Я отчаянно влюблен в мадемуазель де Монморанси. Выбор у нас с вами небольшой: если вы женитесь на ней, я вас возненавижу; если она меня полюбит, вы возненавидите меня. Так как же нам

поступить?

Этого оказалось достаточно, чтобы Франсуа оставил всякие мысли о женитьбе, сулившей ему либо постыдную участь рогоносца, либо, что еще хуже, вражду с собственным королем.

Между тем, разговор продолжился:

– Я думаю выдать ее за своего кузена, принца де Конде. Таким образом, мадемуазель войдет в нашу семью и будет мне утехой в старости, которая, увы, не за горами. Принц же получит сто тысяч ливров годового дохода и сможет вволю поразвлечься на эти деньги.

Франсуа де Бассомпьер оценил сделку. А вот Генрих II де Бурбон, принц Конде[61], похоже, не захотел быть «снисходительным мужем».

Свадьбу тихо сыграли в феврале 1609 года. Но потом случилось непредвиденное: едва двадцатилетний принц вступил в права супруга, он всеми силами стал оберегать красавицу-жену от домогательств короля. Более того, в ноябре 1609 года принц де Конде и Шарлотта-Маргарита де Монморанси решили бежать из страны во Фландрию. Разъяренный Генрих стал хлопотать о расторжении устроенного им брака, но не довел дело до конца, так как ему пришлось готовиться к войне с Австрией, направленной на ликвидацию гегемонии в Европе испанских и австрийских Габсбургов. Однако и это его предприятие осталось незавершенным…

Здесь важно указать еще одну деталь. До рождения дофина Людовика (1601 г.) принц Конде был возможным наследником французской короны.

* * *

Знала ли Мария Медичи о новом увлечении своего мужа? Конечно, знала. Во-первых, об этом шептались во дворце на каждом углу, а, во-вторых, масла в огонь подливали Леонора Галигаи и Кончино Кончини. Именно они и научили Марию, как себя вести.

Разразившийся скандал был ужасен. Мария (и в этом ее вполне можно понять) стала как никогда раздражительна. Своему верному герцогу де Сюлли король даже признался:

– Она теперь относится ко мне не просто холодно, но и презрительно. Я пытался к ней подойти, обнять, пошутить. Все напрасно!

Де Сюлли лишь покачал головой:

– Сир, эта история наполняет меня самыми дурными

предчувствиями…

– И вы тоже, – в голосе Генриха IV послышалась горечь. – Но я могу поклясться, что все это излишне преувеличено. Тут явно постарался этот пес Кончини! Это все он и его отвратительная Галигаи… Это они стараются настроить мою супругу против меня!

– И какой вывод вы из этого делаете? – спросил герцог.

– Если бы я знал, друг мой…

И действительно, увидев мужа, Мария Медичи теперь резко прерывала беседу с подданными, например, с Кончино Кончини или герцогом д'Эперноном[62], и уходила в свои покои. Разговаривали они обычно о Генрихе и, будь это простые люди, их бы давно уже обвинили в заговоре против короля.

Изменились и взгляды Марии. Вообще-то она и раньше называла Лувр публичным домом, но теперь решила действовать. Заявившись к Генриху, она объявила, что решила казнить за излишнюю распущенность одну из своих фрейлин. Генрих сначала лишь пожал плечами, но потом сказал, что на дворе XVII век, а парижский двор – самый просвещенный двор Европы, и поэтому подобная суровость здесь недопустима.

На это Мария заявила ледяным тоном:

– В Лувре не должно быть публичных девок.

– Но это явное преувеличение, – возразил король. – К тому же вы и раньше выражали недовольство, но это не влекло за собой подобных последствий…

– А вот теперь последствия будут самыми жесткими. Я не потерплю…

– Что вы не потерпите? – перебил ее король. – Девушка просто допустила некоторую неосторожность. Ну и что такого? Это же не преступление. И потом, вы говорите о недопустимых нравах в Лувре, но кто его сделал таким? Мадам, а не вы ли ввели у нас чужеземные порядки? А теперь вы, поверьте мне, явно переусердствовали в области морали.

И вот тут-то Мария дала волю своим эмоциям:

– Эта шлюха должна быть казнена! И она будет казнена! Но даже не это самое главное… Вы – король, а ваша голова занята одними юбками! Это вы подаете всему двору дурной пример! – Топая ногами, она закричала: – Так вас надолго не хватит! Ваши собственные пороки доконают вас! Попомните мои слова – очень скоро с вами стрясется беда!

Скорее с вами, подумал Генрих и протянул руки, чтобы подхватить эту монументальную женщину (после родов Мария еще сильнее растолстела), если она начнет падать.

Но этого не случилось. Наоборот, флорентийка вдруг

заговорила намного спокойней, хотя малейшее движение ее лица по-прежнему обнаруживало настороженность:

– Сделайте меня регентшей!

Генрих оторопел. Подобный поворот не на шутку озадачил его.

Почувствовав нерешительность венценосного супруга, Мария усилила атаку:

– Если меня официально не коронуют, на что я, кстати, имею полное право, я могу превратиться в дутую фигуру, подчиненную в отсутствие короля Регентскому совету. Такое положение недостойно для матери законного дофина. Да-да! Подумайте о вашем сыне. Если с вами что-нибудь случится, он потеряет престол. Чтобы этого не произошло, лучше заблаговременно назначьте меня регентшей!

Король вдруг улыбнулся и сказал:

– Хорошо, но в обмен на регенство – жизнь девицы, которую вы хотите казнить.

Едва сдерживая гнев, Мария кивнула. Затем она холодно спросила:

– Так когда вы назначите меня регентшей?

– Когда мне будет восемьдесят лет, – расхохотался Генрих.

– Что-о?! – Из всего потока полуфранцузской-полуитальянской брани можно вычленить только одно: «Вы не доживете и до шестидесяти»…

Как пишет Луи де Рувруа де Сен-Симон, «из уст ее градом посыпались слова, которые не каждый день можно услышать на парижском рынке»[63]. А если верить «Мемуарам» герцога де Сюлли, Мария даже осмелилась поднять на короля руку, но вовремя появившийся герцог якобы перехватил ее и крикнул:

– Вы сошли с ума, мадам! Стоит ему приказать, и вам отрубят голову!

После этого Мария с плачем убежала в свои покои.

Глава VIII
Коронация Марии Медичи

Мария превыше всего любила власть, она хотела сохранить ее любыми средствами и на как можно дольший срок[64].

Бенедетта Кравери

После разговора с женой Генрих IV грустно сказал своему верному герцогу:

– Она исходит из убеждения, что мне осталось недолго жить… Да вы и сами слышали это.

– Сир!

– А как еще это истолковать? Зачем говорить о том, чего не может произойти до моей смерти? Я имею в виду регентство…

Максимельен де Сюлли с сочувствием смотрел на своего короля. Как человек прямой, он не желал льстиво уверять Генриха, что требование Марии Медичи не стоит и выеденного яйца.

– Сир, – сказал он, – вам следует принять меры.

– Меры… Конечно… Но если… У вас есть какие-нибудь кандидатуры, кроме… Кроме моей жены?

Герцог прямо взглянул ему в глаза:

– Сир, вы сами накликали на себя эту беду. Вы слишком разозлили свою супругу и вынудили действовать по указке этого негодяя Кончини. Заметьте, все ваши прежние увлечения расстраивали ее, но ни одно из них не было чревато такими последствиями. Малышка де Монморанси…

– Но это все ложь, наглая ложь! – перебил его Генрих.

Де Сюлли, давно знавший короля, еще с тех пор как он был правителем Наварры, лишь покачал головой.

– Ну, хорошо, вы правы… И все же здесь много преувеличений… Моя любовь к ней, мой друг, как болезнь. Ее прекрасный образ преследует меня и днем, и ночью… Но каков мерзавец этот Кончини! Он настроил мою супругу против меня… Он и Галигаи…

– Так почему вы это терпите, сир? – угрюмо спросил де Сюлли. – Всё в вашей власти. Отправьте этих авантюристов восвояси…

– Да, я уже подумываю об этом, – возбужденно перебил его Генрих. – Другого пути у меня нет. Но мне бы не хотелось усугублять разрыв с Марией… Вы можете это устроить? – спросил он напрямую.

Учитывая опыт общения с королем, де Сюлли ничего другого и не ожидал. Он уже много раз решал подобные задачки и всегда добивался успеха. Однако никогда прежде вопрос не бывал таким серьезным.

– Ну, разумеется, сир, – подумав, ответил он. – Однако ваша супруга… Она этого так не оставит. Возможно, она смирится с потерей фаворитов, но в качестве сатисфакции вновь поднимет вопрос о своей коронации.

Лицо Генриха омрачилось.

– Я всегда подсознательно боялся этого. И ее слова, что я не доживу до шестидесяти… Мой отец погиб, когда ему было сорок четыре года[1], всё может быть в нашей жизни… Как это ни печально, друг мой, если она будет настаивать, нам, наверное, придется уступить. Мария права в одном – я должен подумать о сыне.

– Но, сир…

– Когда я был молод, мне нагадали, что я встречу смерть, находясь в своей карете. В разгар праздника…

По лицу герцога пробежала тень улыбки:

– На вашем месте я бы обходил кареты стороной. Что же касается коронации… По крайней мере, с ней не стоит спешить.

– Вы, как всегда, правы, герцог… Но что подумает моя жена? Что я плохой отец? Что я недальновидный политик? Как ни тяжело это решение, но коронация состоится.

На этом король и его министр расстались. Напоследок герцог позволил себе спросить у Генриха:

– Шарлотта… Вы намерены продолжать отношения с ней?

– Что ж, я… должен уважать священные узы. Я заглушу в себе эту страсть, – пообещал Генрих.

Позднее герцог де Сюлли написал в своих «Мемуарах», что сразу же подумал о том, как легко обманываются страстные сердца. Воистину, в том, что касается личной жизни, королям вряд ли стоит доверять!

Теперь Мария говорила о своей коронации каждый день. Важно отметить, что она все просчитала и с точки зрения политики. Генрих вел подготовку к войне с Габсбургами. Он давно уже мечтал изменить расстановку сил в Европе. В 1610

году король Франции собирался отправиться с войском в Германию, чтобы поддержать протестантов.

Со временем мысль о коронации перестала казаться Генриху столь уж кощунственной. Прежде всего, это был шанс избавиться от ненавистного Кончино

Кончини и Леоноры Галигаи (в этом, кстати, он ошибался: Мария и слышать не желала об изгнании своих фаворитов, к которым была глубоко привязана). Во-вторых, в рассуждениях Марии относительно будущего их сына имелся определенный резон. Имелась и еще одна веская причина. По-прежнему пылко влюбленный в Шарлотту-Маргариту, Генрих рассчитывал, что пышное действо заставит юную прелестницу вернуться в Париж.

Наконец настал день, когда Генрих, призвав к себе супругу, заявил:

– Хорошо, я согласен, но при условии, что украшением коронации будет ОНА!

Разумеется, Марии, как и любой другой женщине на ее месте, пусть и не благородных кровей, подобное условие не понравилось.

– За кого вы меня принимаете?! – вскричала она. – С этой вашей малолетней замухрышкой де Конде… вы выставили себя на всеобщее посмешище!

Понимая, что обратить все в шутку не удастся и очередного страшного скандала не избежать, Генрих не стал настаивать. Он побаивался, чувствуя, что несправедливо обращается со своей женой. А раз так – надо идти на уступки, чтобы хоть как-то компенсировать нанесенный ей моральный ущерб. Да, тут король готов был проявить слабость, и дело не только в компенсации. Для его отношения к Марии вообще были характерны постоянные перепады и крайности. Доверие мгновенно сменялось подозрительностью, влечение – холодностью, уважение – безразличием… И потом, даже получая веские доказательства вероломства супруги, он всегда приходил к тому, что во многом сам провоцировал ее. Ну, почти всегда…

Именно по этим причинам он и сейчас вынужден был поклясться, что никогда больше не станет упоминать имя Шарлотты-Маргариты.

* * *

Церемония коронации состоялась 13 мая 1610 года в аббатстве Сен-Дени.

Надо сказать, что Генрих IV не любил праздники. Вернее, он

не любил расходы, связанные с ними, но своим женщинам он никогда ни в чем не отказывал. В результате день коронации многим запомнился своим великолепием.

Весь Париж был залит огнями, по улицам разгуливали толпы народа. С высоких башен Бастилии беспрестанно палили пушки, на балконах Лувра развевались флаги.

На обычно угрюмом лице Марии с раннего утра сияла улыбка. Она добилась своего – сегодня день ее коронации! Самый значимый день в ее жизни, ибо все происходившее означало одно – укрепление личной власти. Конечно, об абсолютной власти речи не шло (коронация наделяла ее правами регентства в случае длительного отсутствия мужа), но Генрих довольно часто покидал ее. К тому же скоро должна была начаться очередная война, а на войне, как известно, всякое может случиться… Вот тогда-то, если король погибнет, она сможет стать настоящей властительницей Франции…

Кончино Кончини и его хитроумная супруга всеми силами старались обратить внимание Марии на реальность такой развязки, ведь сын Марии – наследник престола – был еще совсем ребенком, неспособным управлять государством. В данном случае регентство предоставляет неограниченные возможности. И главное – оно надолго!

Такие или подобные рассуждения не покидали Марию на протяжении всей церемонии. К сожалению, почти блаженное состояние флорентийки нарушил ряд неприятных происшествий. Во-первых, перед началом коронации с грохотом разбилась плита, закрывавшая вход в королевскую усыпальницу; во-вторых, во время самой коронации с головы Марии чуть было не упала корона.

Но и это еще не все. Когда кардинал де Жуайёз возложил корону на ее голову, ей вдруг стало так холодно, как если бы в собор ворвался холодный декабрьский ветер, и это в самый разгар мая! Что это? Знамение? Конечно, церемониям введения во власть всегда придавался излишне мистический характер, но попробуйте опровергнуть суеверие (так и хочется взять это слово в кавычки), что от того, как пройдет коронация, зависит и судьба коронуемого, и судьба всего государства.

Знамения… Предзнаменования… Знаки судьбы… И ведь действительно дурные предзнаменования нередко сбывались. А все, что произошло в тот день, сулило неприятности. И еще один маленький укол: король несколько раз язвительно назвал Марию «мадам регентшей», но она сделала вид, что не услышала, – стоит ли устраивать скандал в знаменательный день!

Что же касается организации церемонии, то она была

безукоризненной. Свита Марии сверкала драгоценностями, музыканты были одеты во все белое, швейцарские гвардейцы выглядели просто красавцами в своих красно-синих мундирах. Король, как написал потом один из очевидцев, был «великолепно весел». Он сидел в своей ложе, окруженный придворными, и наблюдал за тем, как кардинал Жуайёз четко и со вкусом исполнял предписанную ему протоколом роль.

Он открыл небольшой позолоченный сосуд, кончиком золотой иглы перенес несколько капель ароматного миро на патену – литургический сосуд, стоящий на алтаре, затем, держа патену в левой руке, прочитал над Марией две молитвы, смочил большой палец в миро, начертал на ее темени крест и сказал:

– Помазаю тебя на царство освященным елеем во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Почти тотчас помощник кардинала платком с золотой вышивкой стер помазание.

Затем Жуайёз обеими руками взял корону и торжественно опустил ее на голову Марии Медичи:

– Господь венчает тебя венцом славы, чести и справедливости. Прими сей венец во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

– Аминь! – повторили за ним все присутствующие. «Аминь!» – отозвалось гулкое эхо под сводами Сен-Дени.

Следует признать, что пышность церемонии все же больше соответствовала пожеланиям Марии Медичи, новоиспеченной регентши, нежели короля. Вообще, в тот день настроение Генриха, вопреки сказанному выше (был «великолепно весел»), скорее отличалось унынием, но это понимали лишь немногие.

После коронации Генрих сказал своему любимцу, полковнику Франсуа де Бассомпьеру:

– Мне так неприятны эти шумные торжества, но этот праздник… Для меня он так тягостен…

– Я заметил это, Ваше Величество, хоть вы и старались казаться веселым. Что же случилось, смею спросить?

– Если я вам скажу, что испытываю сейчас, вы сочтете меня суеверным. И это, кстати, будет вполне справедливо. Вы абсолютно правы: я весь день принуждаю себя быть веселым… Знаете, мне кажется, что жить мне действительно осталось недолго…

Бравый полковник с удивлением окинул взглядом своего повелителя. Тринадцатого декабря 1553 года Генриху исполнилось пятьдесят семь лет, но он выглядел так, что ему могли бы позавидовать и иные сорокалетние.

– Ваше Величество, я вас не понимаю! Вынашивая столь

грандиозные планы, вы поддаетесь столь мрачным мыслям!

– Все верно, мой дорогой Бассомпьер, мысли меня стали посещать мрачные… Особенно сегодня…

* * *

А вот королева Марго, бывшая жена Генриха IV, на церемонии коронации присутствовать не захотела, несмотря на то, что она была дочерью Екатерины Медичи и состояла в родстве с Марией Медичи. Есть, однако, сведения, что в тот день ее видели в аббатстве.

Отметим, что после развода Марго и Генрих IV состояли в дружеской, «почти любовной» переписке. Он ей писал: «Мне хочется, как никогда раньше, заботиться о Вас и доказать, что нас связывают не только родственные чувства, но и уважение»[65]. От него она получала хорошую пенсию, он оплачивал ее долги, требовал, чтобы к ней относились с уважением. Иногда Генрих навещал ее, но она была уже совсем не та: некогда очаровательная стройная женщина превратилась в дородную даму. Король целовал ей руки и назвал «сестрой», но интимной близости между ними не было.

Последние годы своей жизни Марго провела в Париже, собрав вокруг себя молодых поклонников и диктуя весьма интересные мемуары, которые потом много раз переиздавались.

Глава IX
Смерть Генриха IV

Вдруг на подножку кареты вскочил какой-то рыжий здоровяк с длинными волосатыми руками и, наклонившись над королем, нанес ему два удара кинжалом, вонзив его в живот монарха по самую рукоятку[66].

Андре Кастело

Согласно традиции, празднества, связанные с коронацией, должны были длиться четыре дня. На следующий день, 14 мая 1610 года, Генрих IV сел в карету, намереваясь отправиться в арсенал для осмотра новых орудий.

– Какой сегодня день? – вдруг спросил король.

– Пятнадцатое, – ответил кто-то.

– Нет, четырнадцатое, – поправил всегда и во всем точный герцог де Ла Форс.

– Четырнадцатое… Мне в свое время нагадали, что смерть настигнет меня в карете именно четырнадцатого числа… Но это же глупо – верить предсказаниям астрологов и прочих шарлатанов!

День был жаркий, и шторки, закрывающие окна, были открыты. Едва карета выехала со двора, как путь ей неожиданно преградили какие-то телеги. В ту же минуту к карете подбежал рослый рыжеволосый человек. Он быстро вскочил на подножку и всадил в грудь Генриха кинжал.

Находившиеся в карете придворные в первую минуту ничего не поняли.

Король, за секунду до этого читавший какое-то письмо, тихо сказал:

– Кажется, я ранен…

Герцог де Монбазон испуганно переспросил (удивительно, он сидел рядом, но ничего не заметил):

– Что такое, сир?

Генриху едва хватило сил пробормотать:

– Ничего, ничего…

Лишь когда из горла короля хлынула кровь, все поняли, что произошло.

– Сир! Молитесь богу! – крикнул герцог де Л а Форс, бросаясь в погоню за убийцей. Его примеру последовали и другие мужчины.

Незнакомец отбивался так ловко, что его никак не могли одолеть. Но силы были неравны, и убийцу удалось повалить на землю.

Вскоре подоспели гвардейцы, раненого злодея связали (герцог де Бассомпьер успел проткнуть его своей шпагой) и отконвоировали во дворец на допрос.

В карете с умирающим королем остался герцог де Монбазон. Он накрыл его своим плащом, задернул шторки и, отгоняя любопытных, крикнул на всю улицу:

– Всем сохранять спокойствие! Король только ранен!

Генрих и в самом деле умер не сразу. Когда его выносили из кареты, он пришел в себя. Случилось это под лестницей, ведущей к покоям королевы. Короля тотчас же попытались подкрепить вином. Голову ему поддерживал лейтенант де Серизи, который впоследствии подтвердил, что Генрих несколько раз поднял и опустил веки.

Тело Генриха отнесли в кабинет и положили на диван. Комната вскоре оказалась переполненной; восковой лоб, сомкнутые глаза и широко раскрытый рот не оставляли сомнений – все закончено, но надежда, тем не менее, еще теплилась.

Наконец тишина стала невыносимой; кто-то подошел и прикрыл королю рот орденским крестом.

– Короля больше нет с нами, – прозвучали горькие слова. – Помолимся за упокой его души…

* * *

Мария Медичи, услышав шум, подошла к окну и увидела огромную толпу, собравшуюся у ворот Лувра. Удивленная, она повернулась к своим придворным дамам:

– Что там такое происходит? Пошлите кого-нибудь узнать.

Через несколько минут слуги объявили, что прибыл господин де Бассомпьер, и он просит разрешения предстать перед королевой.

– Пусть войдет, – кивнула Мария. – Может быть, он объяснит нам, что случилось…

Крики на улице усилили ее беспокойство, а вид влетевшего в покои герцога де Бассомпьера превратил беспокойство в панический страх.

– Король! – закричала она. – Что с ним? Что случилось? Говорите же скорее, господин де Бассомпьер, я вам приказываю!

– Мадам…

– Вы меня убиваете, Бассомпьер! Не тяните! Именем всего святого, говорите, где король? Что с ним?

Герцог набрал в грудь побольше воздуха:

– Король умер…

– Как… – пораженная, Мария опустилась на бархатные подушки.

– Да, мадам, короля больше нет с нами…

– Боже праведный! – воскликнула она. – Как это – нет с нами? Что за чушь вы несете?

– Он убит… Только что… Кинжалом… Прямо в грудь…

– Убит? Но кем? За что?

– Пока неизвестно, мадам.

– О боже… Теперь все кончено… Что же теперь со всеми нами будет…

– Мадам, – сказал Франсуа де Бассомпьер, пораженный отчаянием королевы, – ваше большое и доброе сердце… Мы все… Вы всегда можете… И я, и другие военные… Они находятся в соседней комнате… Мы ждем ваших приказаний.

– Король умер! Король умер! – продолжала шептать Мария.

Придворные испуганно молчали, и лишь герцог де Люинь осмелился ослабить напряжение.

– Короли не умирают во Франции, – громко сказал он и показал королеве дофина, которого привел с собой. – Вот он, живой король, мадам!

* * *

Отвлечемся теперь от нашего повествования и порассуждаем немного о числах. Предчувствуя скорый конец, король говорил, что смерть четырнадцатого числа якобы предсказал ему астролог. Как бы то ни было, это число сопровождало его всю жизнь. Генрих IV известен как Генрих де Бурбон (*Henri de Bourbon)* и Генрих Наваррский (*Henri de Navarre)*. Во французском написании каждое из этих имен состоит из четырнадцати букв. Он родился в ночь на 14 декабря в 1553 году – сумма четырех цифр года (1 + 5 + 5 + 3) равна четырнадцати.

В 1554 году (первый год жизни Генриха) с начала эры Христа

прошло четырнадцать веков (1400), четырнадцать десятилетий (1400 + 140 = 1540) и четырнадцать лет (1540 + 14 = 1554).

Его жену звали Мария Медичи *(Marie deMedicis),* имя которой во французском написании также состояло из четырнадцати букв. А его первая жена, Маргарита де Валуа, родилась 14 мая 1553 года, сумма цифр которого равна четырнадцати.

И наконец, день 14 мая стал для Генриха роковым.

На коронацию Марии он согласился после длительных сомнений. Беседуя с близкими ему придворными, он не раз говорил о дурных предчувствиях и об опасности, которая, возможно, грозит ему во время коронации. «Он назначил церемонию на 13 мая и приказал приготовить въезд новой королевы в Париж к 16 мая, то есть после дня рождения прежней королевы. Здесь проявилось присущее Генриху чувство такта, а также некий фатализм, а может быть, и то и другое»[67].

Утром четырнадцатого числа Генрих молился дольше обычного. После обеда он на короткое время вдруг стал очень весел и заявил:

– Не мешало бы подышать воздухом. Подать мне экипаж!

Карета Генриха свернула на узкую улочку Ферронри (по-французски *Rue de la Ferronneńe*), «имевшую в названии 14 + 4 буквы, причем лишние четыре буквы приходились на предлоги «de 1a», которые иногда опускались в названиях улиц. […] По некоторым свидетельствам, 14 мая 1554 года был издан указ о расширении *Rue de la Ferronneńe,* но он так и остался на бумаге»[68].

Похоже, отправляясь в арсенал, Генрих решил испытать судьбу. В результате случилось то, чего и следовало ожидать…

Убийца достиг своей цели только благодаря узости улицы. Если бы ему пришлось пройти еще несколько шагов, то сопровождавшая короля свита смогла бы помешать нападению, как это бывало раньше. Правление Генриха IV сопровождалось многочисленными заговорами. Например, 27 декабря 1595 года к нему подбежал юноша и попытался ударить кинжалом в грудь. Генрих в этот момент наклонился, чтобы поднять с колен одного из придворных. Это спасло ему жизнь, а покушавшегося, некоего Жана Шателя, действовавшего при подстрекательстве иезуитов, схватили гвардейцы. После этого, кстати, иезуиты были изгнаны из Франции, но ненадолго. В 1603 году Генрих разрешил им вернуться и даже взял себе духовника-иезуита.

Однако на сей раз все, по-видимому, было предопределено…

* * *

На допросе убийцу короля так и не смогли заставить заговорить. Все, что удалось узнать, – его имя: Франсуа Равальяк…

Как потом выяснилось, этот человек был школьным учителем из Ангулема и несколько раз безуспешно пытался вступить в католический монашеский орден. Якобы было видение, после которого он счел, что его миссия – убедить короля обратить всех гугенотов в католицизм. Как известно, Генрих IV сам был гугенотом, но, чтобы получить французскую корону, перешел в католичество. О том, что насильственное обращение гугенотов в иную веру никак не входило в его планы, свидетельствует Нантский эдикт 1598 года, завершивший религиозные войны. Согласно этому документу католицизм объявлялся во Франции господствующей религией, но гугеноты получили свободу вероисповедания и могли свободно вести богослужение почти во всех городах королевства (Париж в их число не входил). Вероятно, Франсуа Равальяка не устраивала такая лояльность, и он решил убить «недостойного» короля, «терпевшего в государстве две религии и хотевшего воевать с папой». При этом он был уверен, что совершает богоугодное дело.

Как писал потом верный советник и министр финансов Генриха IV герцог де Сюлли, «природа наградила государя всеми дарами, только не дала благополучной смерти»[69].

Простые французы, узнав о смерти своего правителя, были ошеломлены. Торговцы позакрывали свои лавки, многие плакали прямо на улицах.

Полтора месяца гроб с забальзамированным телом Генриха IV стоял в Лувре. В этом нет ничего удивительного – многие хотели проститься с королем, и его бывшие подданные добирались в Париж пешком либо на лошадях из самых отдаленных провинций.

Похороны состоялись в королевской усыпальнице аббатства Сен-Дени лишь 1 июля. В день похорон весь Париж высыпал на улицы. Толпа была так велика, что началась давка, – каждый желал пролезть вперед и взглянуть на траурный кортеж.

Присутствующих в соборе растрогал поступок юного дофина. Мальчик опустился на колени и поцеловал пол у гроба своего отца. Пол был грязен от множества ног, но Людовика это нисколько не смутило.

Придворные дамы в черных одеяниях плакали. Мария Медичи, одетая в темно-фиолетовый бархат, сказала своим детям:

– Молитесь вместе со мной. Здесь покоится наше счастье и слава Франции. Попросим же Бога, чтобы наши надежды не умерли вместе с ним. Если несчастье один раз переступило порог

дворца, оно редко останавливается в прихожей… Огромное дерево упало, а его побеги еще так слабы… Дети мои, молитесь за вашего августейшего отца…

Чуть позже она почти шепотом, обратилась к дофину:

– Видишь, сын мой, эту огромную толпу? Они все плачут, потому что мы плачем… Но большинство из них только и мечтают, чтобы отодвинуть нас и захватить корону… Но ты должен знать: твоя мать – лучшая поддержка и опора. Поклянись же на могиле отца, что никогда не предашь ее и позволишь ей заботиться о том, что принадлежит нам по праву!

Девятилетний мальчик положил руку на могильную плиту и твердо сказал:

– Клянусь, мама!

* * *

Франсуа Равальяк был казнен 27 мая 1610 года на глазах у разъяренной толпы. Он не отрицал своей вины, но даже под пытками не назвал ни одного имени, утверждая, что к покушению на жизнь короля его никто не подстрекал, что убийство было совершено им по личному усмотрению, без чьего-либо наущения или приказания.

Неужели он не лгал?

Судьи терялись в догадках. Но в конце концов их мысль пошла по привычному пути: Равальяка подстрекал к злодеянию сам дьявол, известный враг рода человеческого. Нашелся и свидетель, некий Дюбуа; некоторое время он ночевал в одной комнате с Равальяком и утверждал, что видел однажды сатану, приходившего к его соседу в виде «огромного и страшного пса».

Убийцу четвертовали в центре Парижа, на Гревской площади.

В те времена с приговоренными к казни не церемонились. «В глаза преступника можно бросать все – «грязь и другие нечистоты без камней и других вещей, которые могли бы ранить»[70], – гласил Королевский ордонанс 1347 года.

Естественно, всевозможным оскорблениям со стороны толпы подвергся и Равальяк – чтобы довести его до места казни целым и невредимым, потребовалась военная сила.

Даже стоя на эшафоте, под угрозой отказа в отпущении грехов, он «снова и снова повторял, что действовал в одиночку. Он был искренне убежден, что от этих слов, сказанных им за минуту до начала варварской казни, зависело спасение его души»[71].

Равальяка положили на спину и крепко привязали цепями.

Затем «ему отрезали руку, терзали калеными щипцами… лили на него раскаленный свинец»[72]. Наконец конечности Равайяка привязали к четырем сильным лошадям. Палачи подрезали осужденному сухожилия и кнутами заставили лошадей двигаться в разные стороны.

По окончании четвертования парижане стали глумиться над останками. Окровавленные части тела таскали по улицам, и это не только не было запрещено, но даже поощрялось властями.

Затем, когда народ натешился в своем кровавом остервенении, то, что удалось собрать, бросили в костер, а прах развеяли по ветру.

Ужасная картина…

Что касается родителей убийцы, то их изгнали из Франции, а всем прочим его родственникам было велено сменить фамилию.

* * *

Сразу скажем, что в 1610 году судьи Равальяка явно не имели особого желания докапываться до истины, да и Мария Медичи не настаивала на проведении всестороннего расследования. Но уже тогда многие стали задавать себе вопрос: а не приложили ли руку к устранению короля те, кому это было особенно выгодно?

Через некоторое время вдруг начала давать показания некая Жаклин д'Экоман, служившая у маркизы де Верней, фаворитки короля. Эта женщина утверждала, что она пыталась сообщить королю о готовившемся на него покушении. Рассказывая об этом, она уточнила, что, помимо маркизы де Верней, в готовившемся заговоре принимал участие влиятельный герцог д ' Эпернон, интриговавший против Генриха IV и мечтавший о главной роли в государстве.

В подтверждение своих слов Жаклин представила во Дворец правосудия документ, в котором было написано:

> «Я поступила на службу к маркизе… и заметила, что кроме короля она принимает и других лиц, внешне похожих на французов, но по духу не французов. В 1608 году маркиза стала часто присутствовать на проповедях патера Гонтье. Однажды, войдя вместе со мной в церковь Сен-Жан-ан-Грев, она направилась к скамье, на которой сидел герцог д'Эпернон, села рядом с ним, и они долго говорили на протяжении всей службы»[73].

Жаклин стала подслушивать разговор и быстро поняла, что речь идет о подготовке убийства короля.

Далее она пишет:

> «Через несколько дней маркиза де Верней прислала ко мне Равальяка, приехавшего из Маркусси с запиской: "Мадам д'Экоман, посылаю вам этого человека от Этьенна, слуги моего отца; рекомендую Вам его и прошу о нем позаботиться". Я приняла Равальяка и, не задавая никаких вопросов, накормила его и отправила на ночлег в город, к некоему Ларивьеру, доверенному лицу моей госпожи. Однажды, когда он обедал у нас, я поинтересовалась, что связывает его с маркизой. На мой вопрос он ответил, что его и маркизу связывает общее с герцогом д'Эперноном дело. Видя, что человек он грамотный, я отлучилась, чтобы принести бумаги одного интересующего меня дела, в котором он пообещал мне помочь, но, когда вернулась, его уже и след простыл. Удивившись его странному поведению, я решила войти к ним в доверие, чтобы разузнать побольше о том, что они замышляют»[74].

Она утверждала также, что попыталась доложить обо всем этом королю через Марию Медичи, но та, как назло, уехала из Парижа в замок Фонтенбло. Духовника погибшего короля – отца Коттона, к которому она решила обратиться после этого, также не оказалось в Париже, а другой священник, имени которого она не знала, прогнал ее, посоветовав не вмешиваться в дела, которые ее не касаются.

Вскоре Жаклин д'Экоман вдруг арестовали по какому-то весьма странному обвинению и насильно отправили в монастырь.

В январе 1611 года Жаклин удалось выйти из монастыря, и она вновь предприняла попытку разоблачения заговорщиков. Только теперь она стала утверждать, что они поддерживали связь с людьми испанского короля.

Маркизу де Верней попытались подвергнуть допросу, но Ашилль де Арле, председатель суда, быстро закрыл дело, сказав:

– Доказательств слишком много, но избави нас Бог от доказательств такого рода…

После этого он приказал вновь задержать Жаклин д'Экоман. Через пятнадцать дней он вдруг подал заявление об отставке. А еще через четыре месяца, 30 июля 1611 года уже его преемник подтвердил законность ареста, приговорив лжесвидетельницу к пожизненному заключению в одиночной камере.

Таким образом, Жаклин д'Экоман «испытала на себе судьбу многих людей, по неосторожности решивших бросить вызов сильным мира сего»[75].

Кстати, примерно об этом же сообщал в своих «Мемуарах» и некий уроженец Руана Пьер Дюжарден, именовавшийся капитаном Лагардом. Эти «Мемуары» были написаны в Бастилии, куда Дюжарден был брошен в 1616 году (отметим, что освободиться ему удалось лишь после окончания правления Марии Медичи). Так вот, этот Дюжарден – Лагард узнал о связях заговорщиков, находясь в Италии, откуда представитель испанского короля в Милане граф де Фуэнтес руководил тайными интригами, направленными против Франции. Приехав в Париж, капитан Лагард якобы сумел предупредить короля о готовившемся покушении, но тот не стал ничего предпринимать.

В «Мемуарах» Лагарда содержится масса деталей: о том, что он видел в Неаполе человека, одетого во все фиолетовое, – якобы этот человек говорил, что, «вернувшись во Францию, убьет короля»; Лагарду сказали, что этого человека зовут Равальяк, что он «служит герцогу д'Эиерноиу и привез сюда письма от него»[76].

Более того, Лагард утверждал, что ему самому предложили поучаствовать в покушении на короля.

На эти свидетельства официальные власти также не обратили никакого внимания. Более того, Людовик XIII торжественно поклялся, что не будет производить новых расследований по факту смерти своего отца.

Историк Анри Мартен по этому поводу пишет:

> «Согласно Дюжардену, Неаполь в то время был очагом заговоров против Генриха IV, и он был предупрежден об опасностях, которые ему угрожали. "Манифесты" д'Экоман и Дюжардена дошли до нас: не исключено, что они оба и делали Генриху IV заявления против герцога д'Эпернона; также возможно, что они примешали сюда Равальяка лишь для того, чтобы придать себе значимости. Судьба Дюжардена оказалась более счастливой, чем судьба д'Экоман: он некоторое время просидел в тюрьме, но Людовик XIII в 1619 году выпустил его на свободу и даже даровал ему пенсию. Возможно, он действительно заинтересовал короля, а может быть, это его фаворит де Люинь воспользовался обвинениями Дюжардена, чтобы использовать их в качестве оружия против д'Эпернона»[77].

* * *

Не исключено, что Генрих IV и в самом деле пал жертвой

«испанского заговора». В пользу этого предположения говорят настойчивые слухи об убийстве французского короля, ходившие за пределами страны еще *до* 14 мая. Говорит об этом и то, что в государственных архивах Испании чья-то заботливая рука изъяла важные документы, относившиеся к периоду от конца апреля и до 1 июля 1610 года.

Что французский король пал жертвой заговора, руководимого испанцами, впоследствии утверждали такие осведомленные лица, как герцог де Сюлли, личный друг и советник Генриха IV, а также кардинал де Ришельё. Последний, в частности, писал, что за несколько дней до рокового 14 мая в кулуарах шептались, что король будет заколот ударом кинжала, и «испанцы в Брюсселе передавали это друг другу по секрету»[78].

Что же касается разговорчивой Жаклин д'Экоман, то ее в 1611 году, как мы уже сказали, снова бросили в тюрьму и предали суду. Однако процесс над ней принял нежелательный для властей оборот. Слуга некоей Шарлотты дю Тийе, которая была близка к маркизе де Верней и находилась в придворном штате королевы, показал, что не раз встречал Равальяка у своей госпожи. Это подтверждало свидетельство Жаклин, также служившей некоторое время у Шарлотты дю Тийе, которой ее рекомендовала маркиза де Верней. Судебное следствие тут же прервали, «учитывая достоинство обвиняемых».

У всех складывалось впечатление, что дело явно старались замять. Председатель суда в конце концов оставил свой пост, а на его место назначили близкого человека Марии Медичи. После этого высший суд вынес свое решение: с герцога д'Эпернона и маркизы де Верней снималось выдвинутое против них обвинение, а вот Жаклин д'Экоман в июле 1611 года была приговорена к пожизненному тюремному заключению. Заметим, что ее продолжали держать за решеткой и после падения Марии Медичи – настолько опасны были показания «лжесвидетельницы».

Историк Анри Мартен в связи с этим пишет:

> «Герцог д'Эпернон и мадам де Верней, со своей стороны, стали утверждать, что их оболгали, и потребовали смерти своей обвинительницы. Процесс длился шесть месяцев и закончился оправданием всех, кого обвиняла д'Экоман, ее же саму приговорили к пожизненному заключению. […] Но в головах у многих остались большие сомнения»[79].

Интересно, что примерно в это же время некий *прево* (королевский чиновник, обладавший судебной властью) из Питивье, преданный слуга маркизы де Верней, был арестован за

то, что говорил об убийстве короля, когда оно еще не было совершено. Но во время суда его не удалось допросить, так как он был найден в камере задушенным.

* * *

Все эти факты выглядят так странно, что невольно напрашивался вывод: Франсуа Равальяк был лишь орудием в руках маркизы де Верней и герцога д'Эпернона, а возможно, и самой Марии Медичи, поскольку в конечном счете «инициатива прекращения судебного разбирательства в отношении подозреваемых исходила именно от нее»[80]. Кстати, а разве редки случаи, когда две соперницы мирятся, основываясь на обоюдном желании уничтожить мужчину, который их обманывает? Вне всякого сомнения, маркиза де Верней думала о том, что Шарлотта-Маргарита де Монморанси могла занять ее место (уже заняла – в сердце короля!) и при благоприятном стечении обстоятельств стать женой Генриха. Она не забыла ни одной из своих погубленных надежд. Разделяя с королем ложе, она люто ненавидела его. Разве этого недостаточно для вынашивания планов убийства?

Свои резоны были и у Марии Медичи.

В книге «Пять столетий тайной войны» специально исследовавший этот вопрос Ефим Черняк пишет:

> «Почему же Мария Медичи уклонилась от встречи с Жаклин д'Экоман? У этой упрямой и взбалмошной женщины и особенно у ее фаворитов – супругов Кончини – были свои причины желать устранения короля. Генрих сильно увлекся молоденькой Шарлоттой Монморанси, ставшей женой принца Конде. Этот бурный роман вызвал серьезные опасения флорентийки. Зная характер Генриха, она допускала, что он может пойти на развод с ней или приблизить принцессу Конде настолько, что та приобретет решающее влияние при дворе. В случае смерти Генриха Мария Медичи становилась правительницей Франции до совершеннолетия ее сына Людовика XIII, которому тогда было всего девять лет. Фактическая власть досталась бы супругам Кончини, которые имели огромное влияние на Марию Медичи (так оно и произошло впоследствии, хотя герцог д'Эпернон в первые дни после смерти Генриха IV также стремился прибрать к своим рукам бразды правления)»[81].

У него же читаем:

> «Показания д'Экоман были опубликованы при правлении Марии Медичи, когда она боролась с мятежом крупных вельмож и хотела обратить против них народный гнев. Характерно, что эти показания не компрометировали королеву-мать. Мемуары Лагарда были написаны после падения Марии Медичи и явно имели целью очернить королеву и ее союзника герцога д'Эпернона. Таким образом, оба эти свидетельства могут внушать известные подозрения»[82].

А вот мнение историка Андре Кастело:

> «Кто же стоял за спиной убийцы? Кто невидимой рукой направил его длинную волосатую руку с кинжалом в чрево Генриха IV? На сей счет у историков и биографов нет единого мнения.
>
> Подозрение, конечно, в первую очередь падает на Марию Медичи, которой очень хотелось поскорее короноваться, чтобы стать регентшей при малолетнем сыне Людовике и сохранить для него трон. По мнению французского историка и писателя Филиппа Эрланжера, главным лицом в заговоре против короля был его приближенный, герцог д'Эпернон, бывший фаворит Генриха III, который так и не смог простить Генриху IV, этому беарнцу, того, что слепая судьба выбрала его. Бурбона, чтобы править Францией вместе с Валуа. Интересно отметить, что убийца короля Равальяк был родом из Ангулема, где герцог был губернатором многие годы. Герцог д'Эпернон, конечно, знал Равальяка и даже как-то посылал его к своей любовнице в Париже Шарлотте дю Тийе с тайным письмом. Приложила к кровавой расправе, очевидно, свою нежную ручку и маркиза де Верней, эта жадная до власти фаворитка короля, которая ради достижения собственных честолюбивых целей в течение десяти лет плела нити заговора против бывшего любовника, который изгнал ее из дворца.
>
> Все это происходило если и без прямого участия Марии Медичи, то при ее молчаливом согласии; она преследовала свою заветную цель – стать регентшей при сыне, чтобы до его совершеннолетия в течение нескольких лет пользоваться неограниченной властью и наслаждаться ею.

Как бы там ни было, но два удара кинжалом, нанесенные Равальяком, разрешили все проблемы, с которыми сталкивались заговорщики.

Теперь всем во дворце заправляла "испанская партия" во главе с Марией Медичи, которой все же удалось осуществить свою давнишнюю мечту – стать регентшей, то есть временной королевой. Д'Эпернон с ее приближенным Кончини становились могущественными временщиками. Что касается Генриетты де Верней, то опальную фаворитку Мария почему-то вернула во дворец.

Две прежде непримиримые соперницы, которых примирила преждевременная смерть короля, стали вдруг неразлучными подружками, что само по себе не может не вызывать определенных подозрений. И еще один поразительный, просто неслыханный факт, говорящий в пользу интриг испанского короля Филиппа III. Посол Испании в Париже теперь получил право принимать участие в заседаниях Государственного совета Франции, проводимых под председательством регентши – Марии Медичи»[83].

* * *

Вполне возможно, что Мария Медичи просто не в силах была вынести того, что стала посмешищем всей Европы, и мечтала взять реванш, став регентшей.

Таким образом, две вышеназванные женщины с большой для себя пользой могли объединить свою злобу. В этой связи весьма красноречивым выглядит тот факт, что после смерти короля маркиза де Верней попросила узнать у Марии, можно ли ей вновь появиться в Лувре. Как ни странно, Мария, которую никогда не отпускало чувство ревности, передала в ответ:

– Я всегда буду относиться с уважением ко всем, кто любил короля, моего мужа. Она может вернуться ко двору, ей здесь всегда будут рады…

Однако Генриетта де Бальзак д'Антраг, маркиза де Верней во дворце прожила недолго. В один прекрасный день она исчезла из Лувра, перебравшись в свой дом в Вернёйе, где вела угрюмое существование и где, забытая всеми, умерла 9 февраля 1633 года. Ей не было и шестидесяти лет…

Остается отдать должное Франсуа Равальяку, который даже под пыткой не выдал никого из людей, так вероломно

использовавших его фанатизм; он унес свою тайну в могилу.

* * *

А может быть, и эту версию поддерживают многие историки, Франсуа Равальяк банально был лишен рассудка. В частности, биограф Генриха IV Андре Кастело пишет:

> «Он не был полностью сумасшедшим, скорее он был неуравновешенным. Он достиг физического расстройства, которое часто выражается в патологических галлюцинациях. Когда его спросили, кто он по профессии, он ответил, что "призван усовершенствовать процессы, происходящие при дворе»[в4].

В самом деле, Равальяк трижды пытался добиться аудиенции у короля, чтобы объяснить ему: жить и управлять государством нужно совсем не так. Ярый католик, неудачно пытавшийся вступить в орден иезуитов и не скрывавший недовольства той терпимостью, которую проявлял Генрих к своим бывшим единоверцам-гугенотам, Равальяк стремился предостеречь короля от опасного, как ему казалось, курса, но его, естественно, и близко не подпускали ко дворцу. По словам Андре Кастело, «результатом его рефлексии стало решение убить короля, так как ему не удалось поговорить с ним от имени Бога»[85]. Считая себя посланником Божьим, Равальяк просто перешел ту границу, которая отделяет нормального человека от помешанного.

С другой стороны, тот же Андре Кастело констатирует:

> «Нужно признать, что кинжал Равальяка способствовал реализации всех чаяний возможных заговорщиков: армия была распущена, договор с герцогом Савойским расторгнут, де Сюлли снят с должности. Победила про-испанская партия, королева стала регентшей, д'Эпернон и Кончини на какое-то время стали хозяевами в королевстве. […] Франция оказалась вывернута наизнанку, как перчатка»[86].

В любом случае (и в этом следует отдавать себе отчет), несчастный Равальяк, может, и считавший себя благородным орудием Провидения, на самом деле был лишь жалкой игрушкой в руках гнусных махинаторов. Это тем более верно, что никто еще не отменял и такой прописной истины, что людьми легче

управлять, воздействуя на их пороки и слабости, чем взывая к их добродетели.

Глава X
Регентство Марии Медичи

Все сошлись в том, что регентство королевы – самое верное средство спасения будущего короля и королевства[87].

Кардинал де Ришелье

После убийства Генриха IV на престол под именем Людовик XIII вступил его старший сын Луи. Однако мальчику едва исполнилось девять, а посему фактической правительницей должна была стать его мать, Мария Медичи.

По французским законам одной коронации, которой так добивалась Мария, для оформления регентства было недостаточно – требовалось соответствующее решение парламента (не представительного органа, а судебной палаты, надзирающей за соблюдением законодательства), но тридцатипятилетнюю вдову это не беспокоило, поскольку в парламенте огромным влиянием пользовался ее сторонник, пятидесятишестилетний герцог д'Эпернон. Полное имя этого человека – Жан-Луи де Ногаре, сеньор де Ла Валетт и де Шомон герцог д'Эпернон.

Как бы там ни было, в день, когда проходило специальное заседание, посвященное «ее вопросу», Мария с самого утра не находила себе места. Наконец, ближе к обеду, герцог появился во дворце. По его довольному лицу она поняла, что все прошло именно так, как ей и хотелось. Герцог зачитал следующий документ:

> «В связи с тем, что король умер в результате жестокого и бесчеловечного покушения на свою священную персону стало необходимым для государства, чтобы управление в нем осуществлялось королевой, его вдовой, вплоть до достижения совершеннолетия ее сына, наследника королевства. […] Мать нового короля провозглашается регентшей Франции, и она будет руководить всеми делами королевства вплоть до

вхождения ее сына-короля в соответствующий возраст, имея для этого все прерогативы, всю полноту власти и ответственности»[88].

Темпераментная флорентийка готова была расцеловать д'Эпернона, но вовремя сдержала свой порыв – придворные могли растолковать его неправильно. Единственное, что она позволила себе, – счастливую улыбку. Теперь ее могущество было официально подтверждено и закреплено законодательно. Она достигла вершины власти, и перед ней открывались огромные возможности. Отныне она единоличная правительница Франции, и так будет, пока ее сын не достигнет совершеннолетия!

Как ни странно, перспектива управления такой огромной страной не пугала самоуверенную женщину. Ее покойный муж иногда посвящал ее в свои (читай – государственные) дела, и она не раз присутствовала на заседаниях Государственного совета. Положа руку на сердце, она мало что понимала из того, что там говорилось, но сочла, что быстро приобретет нужный опыт. Правда, мысль о том, что опыт обычно приобретается ценой ошибок, а в управлении государством ошибки порой оплачиваются кровью, ей не приходила в голову.

Французский драматург Пьер Декурсель, родившийся через два с половиной века после описываемых событий, говорил, что власть – это плащ, который всегда слишком широк на чужих плечах и слишком тесен на своих собственных. Более того, власть – это большая обуза, и нет ничего опаснее власти в неумелых руках.

Очень скоро Мария осознает это, а пока… А пока она вдруг обнаружила, что Францией правит не только она. А вернее – совсем не она. С одной стороны, существовал специально учрежденный Регентский совет, состоявший из герцогов д'Эпернона, де Гиза и де Майенна, а эти люди не спешили отдать ей в руки бразды правления. С другой, она по-прежнему испытывала сильнейшее давление со стороны алчной пары – Кончино Кончини и его жены Леоноры Галигаи.

После смерти Генриха IV Кончино Кончини сумел выманить у Марии баснословную сумму – восемь миллионов экю (эти деньги годами собирал в казну герцог де Сюлли, в правление Генриха занимавший пост сюринтенданта – министра финансов). Кончини немедленно купил себе Анкрский маркизат в Пикардии. Затем, став маркизом д'Анкром, он добился назначения суперинтендантом (управляющим) королевского дома, губернатором нескольких городов и, наконец, получил звание маршала Франции, хотя в своей жизни и шпаги-то в руках не

держал!

Осознав свое «величие», фаворит, тем не менее, стал бояться за свою жизнь: теперь он никогда не выходил из дворца один – повсюду его сопровождала свита из обедневших дворян, которым он платил жалованье в размере тысячи ливров[89] в год; своих телохранителей он презрительно называл «продажными олухами».

Мудрый де Сюлли впал в немилость и был снят со всех должностей. Трудно сказать, чье это было решение – Марии Медичи, которой не нравились его заносчивость и самоуверенность, или ее «советчиков». Теперь финансами стали управлять три человека, хотя, как показывает опыт, три головы не всегда лучше, чем одна. Высокий пост разделили Пьер де Жаннен, Шарль де Шатонёф и Франсуа-Огюст де Ту. В правительство также вошли Николя Брюлар де Сийери и Николя де Вильруа. Вне всякого сомнения, это были люди, весьма искушенные в политике, и Мария очень скоро поняла, что власть все более ускользает из ее рук – хотя бы потому, что она перестала понимать, что вокруг происходит. Лувр всегда был средоточием интриг, и разобраться, кто кому приходился другом, а кто – врагом, было действительно трудно. По словам герцога де Кастри, «Вильруа, Сийери и Жаннен вели себя так мудро, что можно было подумать, будто они являются хозяевами ситуации»[90]. Но, увы, они заблуждались. Герцог Савойский гнул свою линию: он вдруг решил завладеть Женевой. Гугеноты на юге, возглавляемые герцогом Буйонским, все громче заявляли о себе. Герцоги д'Эпернон и де Гиз плели интриги в Париже. Принца де Конде переполняли амбиции. (Вы еще не забыли о том, что он в свое время был наследником?)

Принц стал заклятым врагом регентши. При каждом удобном случае он осуждал ее правительство и едва ли не в открытую намекал на возможность низвержения не только самой Марии, но и малолетнего короля Людовика XIII. Для этого он намеревался объявить брак Марии Медичи с теперь уже покойным Генрихом IV недействительным, а ее сына – незаконным.

Ссора произошла при следующих обстоятельствах. Однажды принц де Конде вызвал на поединок некоего дворянина. Мария, узнав об этом, запретила дуэль. Тем не менее принц подговорил своих слуг и те избили его обидчика. Королева-мать поручила парламенту расследовать это дело, и принц де Конде был вызван в суд.

– Не могу поверить, – сказала Мария принцу, – чтобы такой благородный человек, как вы, мог дать своим людям столь позорное поручение.

– Мадам, – нагло ответил ей де Конде, – насколько я помню, при покойном короле с принцами крови обходились куда почтительнее.

– Это правда, но при нем и принцы вели себя иначе, – поджала губы Мария.

– Если вы имеете в виду этого фанфарона, то я поступил с ним так, как он того заслуживает.

– Говоря так, месье, вы лишний раз доказываете свое бесстыдство.

– Как, мадам? Вы называете принца крови бесстыдным человеком!..

На следующий день принц демонстративно уехал из Парижа; за ним последовали герцог де Лонгвилль, герцог Вандомский и еще несколько представителей знати, объявив, что теперь они с оружием в руках будут «отстаивать общественное благо».

* * *

И все же Мария, как могла, пыталась править. В своих «Мемуарах» кардинал де Ришельё написал:

> «Чтобы втайне вершить важные дела, ей было вполне достаточно узкого круга самых близких людей, составлявших Тайный совет, однако и Большой совет был необходим, ведь все сановники желали туда войти, и всех их нужно было приласкать, не исключая никого, кто мог бы помочь или навредить»[91].

Влиятельные люди неоднократно пытались поучать новоиспеченную регентшу. Общий смысл был таков: в каком бы возрасте ни находился король, пусть даже в младенческом, управление государством должно вестись только и только от его имени. Но Мария приняла следующее решение: все документы подписывались от имени короля, но с припиской: «С согласия королевы-матери».

При активном содействии д'Эпернона парижский парламент, а вслед за ним и парламенты провинций, города и общины Франции принесли клятву верности юному королю и подчинились королеве-матери. Разумеется, это повысило ставки герцога при дворе. Как пишет кардинал де Ришельё, «герцогд'Эпернон, вошедший в большой почет, смотрел королеве в рот»[92]. Кончино Кончини (маршал и маркиз д'Анкр) и его супруга, к которым Мария все так же благоволила, не уставали заверять, что будут руководствоваться лишь интересами короны.

Казалось, что и с принцем де Конде удастся договориться: главным образом, потому, что по возвращении в Париж (ведь когда-то он должен вернуться!) принц мог бы убедиться, что изменить установленный порядок вряд ли возможно.

Считается, что регентство Марии Медичи прошло за время своего существования четыре этапа. В частности, их выделяет в своих «Мемуарах» кардинал де Ришельё:

> «Первый: какое-то время сохранялось величие, оставшееся от правления Генриха Великого, и королеве служили те же самые министры, не выступавшие открыто друг против друга. Этот период длился до тех пор, пока не впал в немилость и не отошел от дел герцог де Сюлли.
>
> Второй: еще сохранялась некая видимость силы при уже заметном ослаблении власти. Союз канцлера, президента Жаннена и Вильруа при чрезмерной расточительности президента Жаннена – человека неплохого, но не способного сопротивляться неоправданно завышенным запросам – привел к тому, что вельможи, удерживаемые непомерным вознаграждением, некоторое время вели себя послушно, но лишь до тех пор, пока не оскудела казна.
>
> Третий: полный беспорядок и смятение при дворе, причина которых кроется в открытом противостоянии министров, в разрыве союза между канцлером и Вильруа. Этого не случилось бы, будь канцлер и его брат менее неосторожны и тщеславны, и не захоти они понравиться маршалу д'Анкру и потакать его необузданным страстям, многим из которых они прежде противостояли и могли бы продолжать это делать, когда бы раздоры между ними не ослабили их. Верх одержали придворные, Вильруа пал, канцлер на время уцелел, подпав под влияние тех, кто прежде противился примирению с его сторонниками. После свадьбы короля, по возвращении из путешествия, предпринятого с этой целью, после того, как одни вознеслись, а другие были ниспровергнуты, каждый из них был разжалован и удален, и повинно в том не столько всесилие маршала д'Анкра и его супруги, сколько их собственное недобросовестное поведение.
>
> Четвертый: правление маршала и его жены, частенько своим могуществом ниспровергавших добрые советы, получаемые королем»[93].

Это время было отмечено множеством событий, о которых вы

узнаете ниже.

* * *

Вступив в права регентства, Мария приказала ослабить налоговое бремя. Но это было не единственным благим деянием. Она повелела остановить деятельность четырнадцати специальных судов, казавшихся ей бесполезными. По ее распоряжению на четверть была уменьшена цена на соль. Кроме того, она распорядилась продолжить строительные работы, предпринятые ее покойным супругом, и начала обустройство Венсенского замка, где во времена религиозных войн некоторое время был заключен Генрих IV.

Пятнадцатого июля принц де Конде вернулся в Париж в сопровождении огромной свиты, и Марии пришлось, следуя совету министров, щедро одарить всех, дабы завоевать симпатии и обеспечить стране мир. Кардинал де Ришельё по этому поводу пишет:

> «Многие сочли, что разумнее было бы проявить сдержанность, что страх гораздо надежнее любви, да к тому же благодеяния забываются скорее, чем наказания. Впрочем, совет держать в некоторых случаях, сходных с регентством, слишком неуемные умы при помощи золотых цепей также не плох, правда, при этом можно и потерять достигнутое»[94].

Его последнее предположение сбылось: распри между дворянами еще более усилились, ибо благодеяния, получаемые от Медичи, скорее разожгли, чем утолили их аппетиты.

Если первый год регентства еще сохранил следы величия, присущего правлению Генриха IV, то потом все пошло прахом, и раздоры сыграли в этом не последнюю роль. Все тот же кардинал де Ришельё охарактеризовал обстановку так:

> «Если уж собирались вместе три министра, то лишь для того, чтобы сговориться, как половчее изгнать четвертого»[95].

В подобных условиях управление любой страной зайдет в тупик, и Франция не стала исключением. Знать мечтала об одном: заполучить побольше независимости, коей они лишились в годы правления Генриха. И во главе этого движения встал неугомонный принц де Конде.

* * *

Как мы уже говорили, финансами государства стали управлять три человека: Пьер де Жаннен, Шарль де Шатонёф и Франсуа-Огюст де Ту. Относительно последнего можно сказать, что он в этой тройке явно претендовал на первенство. Как пишет в своих «Мемуарах» кардинал де Ришельё, «чтобы добиться удаления де Ту, министры убеждали королеву в том, что от его жестокости пострадают многие, что, помимо его характера, толкавшего его обращаться неучтиво с теми, кто выше его, он вел себя так, чтобы иметь право быть весьма невежливым и с ней, что он так же вел себя и с покойным королем, который терпел его в силу своей необычайной доброты»[96].

Возможно, Мария вняла наущениям, и решила не назначать де Ту на должность главы парламента (для него эта должность была ожидаемой и желанной). В ответ он отошел от государственной жизни и вплоть до своей смерти, последовавшей 7 мая 1617 года, почти безвыездно жил в своем дворце.

Избавившись от серьезного противника, в 1614 году Пьер де Жаннен стал суперинтендантом финансов, и все вопросы казны решались только с его ведома.

* * *

1612-й год ознаменовался тем, что Мария решила прощупать возможность браков между французским и испанским королевскими домами. Она поставила этот вопрос на обсуждение и получила такое многообразие мнений, что поначалу даже растерялась. Большинство считало союз с Испанией необходимым, но немало было и тех, кто выступал против, и выступал категорически. Выслушав все доводы, королева решила действовать по собственному разумению. Для начала она направила посланцев разузнать о настроениях папы, английского короля (в то время там правил Яков I) и других союзников Франции. Заручившись их косвенной поддержкой, она заключила двойной свадебный контракт: договорилась о браке своего сына Людовика XIII с инфантой Анной, дочерью испанского короля Филиппа III из династии Габсбургов, а также своей старшей дочери Елизаветы с сыном Филиппа III (будущим королем Филиппом IV).

Возвестить об этом она собиралась 25 марта. Но принц де Конде и граф Суассонский[97] в тот день демонстративно удалились, не пожелав присутствовать на церемонии.

Кардинал де Ришельё в своих «Мемуарах» по этому поводу пишет:

> «Согласие на брачные союзы означало обмен именитыми посольствами: герцог де Пастран прибыл во Францию, герцог дю Мэн отправился в Испанию, контракты были торжественно подписаны и скреплены обеими сторонами; чтобы потрафить Франции, король Испании приказал отмечать в Испании праздник великого святого, имя которого носил наш король»[9в].

Граф Суассонский отправился в Бланди, решив побыть там несколько дней, но заболел краснухой, от которой скончался на одиннадцатый день. Произошло это 1 ноября 1612 года.

После смерти графа Кончино Кончини, желавший усилить свои позиции, решил заручиться поддержкой принца де Конде и сблизиться с ним и его сторонниками. С этой целью он замыслил «провернуть» несколько браков, но его интрига до конца не удалась.

* * *

Внезапная кончина графа Суассонского принесла принцу де Конде определенную выгоду. Теперь его власть не могла быть оспорена или поделена, ведь, как ни крути, граф был его конкурентом. Кардинал де Ришельё пишет:

> «Для Франции эта смерть была скорее благом, ведь теперь и запросы принца, казалось, должны были бы стать умереннее, но опыт показал обратное – он счел, что, оставшись один, может претендовать на большее»[99].

Будучи человеком хитрым и осмотрительным, принц не сразу обнаружил свои аппетиты, а стал дожидаться удобного случая, совершенно справедливо рассчитывая на трусость и взаимную неприязнь министров.

Кончино Кончини и его жена готовы были поддержать принца де Конде, но этим только навредили себе, ибо министры доложили Марии об их намерениях. Однако флорентийцы, у которых повсюду имелись шпионы, сумели избежать гнева, ибо, предупрежденные заранее, успели придумать лживое объяснение переговорам с принцем.

Как видим, «подковерная» борьба не прекращалась ни на минуту. Даже кардинал де Ришельё, великий мастер всякого рода

козней, не удержался и написал по этому поводу:

> «Времена были настолько злосчастными, что такие люди были самыми ловкими и самыми изобретательными по части интриг, а интриги их были таковы, что министры были более озабочены тем, как упрочить собственное положение, чем тем, что необходимо государству»[100].

Но, несмотря ни на что, вдовствующая королева, как настоящая женщина, успевала подумать обо всем. Вернее, обо всем, что ей было интересно и понятно. Например, об украшении Парижа. Она, в частности, приобрела особняк герцога Франсуа Люксембургского в предместье Сен-Жермен и несколько соседних садов и домов, чтобы разбить парк и заложить новый прекрасный дворец. По ее приказу были посажены фруктовые деревья, а еще, чтобы обеспечить парк водой, она велела провести водоток от источников Ронжи, что в четырех льё от Парижа.

Появлялись в ее голове и другие идеи. Например, королеве вздумалось наладить внутренне судоходство так, чтобы из Средиземного моря можно было попасть в Атлантический океан. Идея, конечно, интересная, но, как говорится, всему свое время. Во Франции тогда имелось множество гораздо более серьезных проблем, и этот проект так и не был реализован.

* * *

Так прошло еще двенадцать месяцев и наступил 1614 год. Мария вступила в пятый год своего регентства. Щедрые подарки придворным в значительной степени утолили их корыстолюбие, но не совсем – людям такого рода всегда мало, однако государственная казна была пуста, и на новые подарки Марии не хватало денег. К тому же ее окружение мечтало не о деньгах и драгоценностях, а о власти.

Безусловно, удручало и то, что молодой король, порой проявлявший удивительное упрямство, оказался человеком слабохарактерным. Но «наихудшим, – как отмечает в своих “Мемуарах” кардинал де Ришельё, – было то, что исчезла боязнь проявить неуважение к священному величию монарха»[101]. Придворных волновало одно: как бы подороже продаться, «и это уже не было неким дивом; ведь если можно, используя все честные способы, сохранить скромность и искренность между обычными людьми, то как сделать это посреди разгула пороков, когда перед испорченностью и алчностью распахнуты двери,

когда самым высоким уважением пользуются те, кто продавал свою верность по самой высокой цене?»[102].

Жесткие слова и во многом справедливые, но, как ни странно, исходят они от человека, который любил говорить: «Дайте мне всего шесть строк, написанных рукой самого честного человека, и я найду, за что его можно повесить»[103]. Говорил и такое: «Купить верность, раздавая направо-налево должности и деньги, – неплохое средство обеспечить себе спокойствие»[104].

Но что же Мария? До совершеннолетия Людовика оставалось совсем немного, и она начала беспокоиться. Важно, однако, что в это сложное время она не допустила открытой войны между различными партиями.

Чтобы укрепить свои позиции, Мария снова решила опереться на герцога д'Эпернона. Кроме того, она дала надежду герцогу де Гизу на то, что он встанет во главе армии.

Безусловно, это не понравилось Кончино Кончини, который не пылал любовью к этим господам. Маркиз д'Анкр (Кончино Кончини) все еще вынашивал планы сблизиться с принцем де Конде, но тот, возможно из осторожности, не предлагал флорентийцу принять участие в своих замыслах.

Уставшая от интриг, Мария уже стала подумывать, а не отречься ли ей от регентства, но нашлись люди, сказавшие ей, что этого делать не стоит, так как в случае отказа от регенства она подвергнет опасности своего сына, Людовика XIII.

Противники Марии усиленно распространяли грязные слухи. Так, она узнала, что в Бретани, где было много сторонников Конде, на каждом углу говорят о том, что регентша хочет отравить короля, дабы получить всю полноту власти. Понятно, что это была клевета, но вспомним Пушкина:

> Бессмысленная чернь
> Изменчива, мятежна, суеверна.
> Легко пустой надежде предана.
> Мгновенному внушению послушна.
> Для истины глуха и равнодушна,
> А баснями питается она[105].

Это писалось о другой стране и о другом правителе, но чернь действительно питается баснями, а басни порождают недовольство, способное перерасти в открытый бунт. И право же, надо отдать должное Марии Медичи: как бы ни хулили ее современники (и, добавим, историки), в годы своего регентства она проявила решимость, считая своей главной целью служение королю и Франции.

А в Государственном совете в это время наблюдался явный раскол: одни считали, что надо наконец приструнить сторонников принца де Конде (кардинал де Жуайёз, Пьер де Жаннен и Николя де Вильруа настаивали на том, что для усмирения амбиций достаточно одного гвардейского полка), другие же были уверены, что все вопросы надо решать путем переговоров.

Двадцать первого февраля 1614 года Марии Медичи передали манифест от принца де Конде, в котором говорилось, что растущее недовольство, на грани восстания, – это результат преступной наивности королевы-матери и ее правительства. В ответ последовало предложение пойти на компромисс, подкрепленное обещаниями и обильными субсидиями. При скудости казны Мария распорядилась, чтобы принцу де Конде выделили 450 тысяч ливров серебром, а герцогу де Лонгвиллю – 100 тысяч ливров. Кроме того, принц получил Амбуаз (он хотел стать губернатором этого города пожизненно, но ему отдали Амбуаз лишь во временное управление).

Третьего августа в Париже скончался принц де Конти, он же Франсуа де Бурбон, брат покойного графа Суассонского. После своего племянника, принца де Конде, он был вторым принцем крови, соответственно, одной проблемой для Марии стало меньше. А через несколько дней в Париж прибыл сам принц де Конде, чтобы сопровождать Людовика XIII в парламент, где того должны были объявитиь совершеннолетним в связи с достижением тринадцати лет.

Второго октября 1614 года, через неделю после дня рождения короля, парижский парламент признал Людовика XIII совершеннолетним.

На официальной церемонии, в которой принимали участие двор и многочисленные высокие гости, юный Людовик заявил:

– Господа, я пришел в свой парламент, чтобы сказать вам: по закону моего государства я беру правление в свои руки. Я надеюсь на милость Божью и обещаю, что буду править со страхом Божьим и по справедливости.

Затем он повернулся к матери и добавил:

– Я желаю, чтобы вы были в Совете *после* меня.

Мария чуть не задохнулась от возмущения. Этот

мальчишка отодвигал ее и оставлял ей место «после себя»! Отодвигал ее! Представительницу великого рода Медичи! Да еще вчера это жалкое существо забавлялось тем, что ловило бабочек и отрывало у них крылья!

Справившись со своими чувствами, она решила, что, скорее всего, кто-то подговорил его сказать именно так… Но кто? С этим

предстояло незамедлительно разобраться.

* * *

1614 год запомнился также тем, что оппозиция с оружием в руках потребовала созыва Генеральных штатов[106], последний раз заседавших в 1593 году.

Генеральные штаты собрались 27 октября 1614 года, но ничего не дали из-за склок между депутатами третьего сословия и высшей знати, и потому Медичи распорядилась прекратить дебаты. И тогда с места вдруг поднялся молодой епископ Люсонский. Начав с перечисления требований духовенства, он неожиданно изменил тон и принялся в чрезмерно льстивых выражениях восхвалять заслуги королевы-матери.

– В интересах государства, – заключил он, – я умоляю вас всех сохранить регентство!

Это был Арман Жан дю Плесси (будущий кардинал де Ришельё, которого мы уже несколько раз цитировали); в числе прочих он стремился к власти и страстно желал занять место фаворита.

Этот человек родился 5 сентября 1585 года в семье Франсуа дю Плесси, дворянина из Пуату, и Сюзанны де ля Порт, дочери преуспевающего деятеля парижского парламента.

Оскар Егер в своей «Всемирной истории» пишет о нем так:

> «Отец его принадлежал к сторонникам Генриха III и сначала готовил своего сына к военной карьере. Но молодой человек предпочел духовное поприще, открывавшее более широкую арену для его блестящих дарований. В двадцать два года он был уже епископом»[107].

В 1604 году Арман Жан дю Плесси стал епископом Люсонским; в Риме он был представлен папе Павлу V. В Париже молодой епископ получил степень бакалавра теологии и написал небольшую книгу с претенциозным названием «Воспитание христианина». Теперь он был готов делать карьеру при дворе и ждал только удобного случая, чтобы обратить на себя внимание.

Конечно, он мог бы стать образцовым епископом, но его амбиции распространялись гораздо шире. Шанс вырваться из тихой провинции дю Плесси предоставило убийство Генриха IV. Когда Мария Медичи официально вступила в права регентши, Арман Жан дю Плесси объявился в Париже. Он прочитал несколько проповедей, но они не произвели особого эффекта, – в

те времена многие владели искусством риторики. Наедине с собой епископ, возможно, думал о том, что его время еще не пришло – хотя влиятельный герцог де Сюлли и отправлен в отставку, другие министры все так же прочно сидят в своих креслах.

Он вернулся в Люсон и оттуда стал следить за развитием событий в столице. Но это было не пассивное наблюдение – при каждом удобном случае епископ, стараясь снискать расположение высокопоставленных лиц, предлагал им помощь и раболепно уверял в своей лояльности.

В конце 1613 года Арман Жан дю Плесси снова приехал в Париж и свел знакомство с Кончино Кончини, маршалом Франции, маркизом д'Анкром, правителем Перонны, Руа и Мондидье и генерал-лейтенантом Пикардии. Несложно догадаться, что столь стремительное возвышение флорентийца чрезвычайно не нравилось французской знати. Но епскоп повел себя по-другому: он тщательно маскировал презрение, которое испытывал к этому выскочке.

> «Монсеньор, – писал он Кончино Кончини, – так как я всегда чту тех, кому обещал служить верой и правдой, так и вам я подтверждаю свою преданность; и я скорее выкажу реальную преданность вам в наиважнейших случаях, чем продемонстрирую ее в другое время»[108].

* * *

Рассмотрим еще раз ситуацию, сложившуюся к 1614 году во Франции. Некоторые историки считают, что Мария Медичи была способной правительницей и старалась, насколько возможно, продолжать политику своего погибшего мужа. Подобная точка зрения весьма спорна. На самом деле королева-регентша, никогда не изменявшая католичеству, была сторонницей союза с Испанией. Герцог де Сюлли, один из ближайших советников Генриха, не разделял ее взгляды, и именно поэтому впал в немилость. Как уже говорилось, в 1611 году его заменили шестидесятишестилетний Николя Брюлар де Сийери (канцлер), шестидесятивосьмилетний Николя де Вильруа (государственный секретарь) и семидесятилетний Пьер де Жаннен (интендант финансов); последнего, так как он занимал пост президента дижонского парламента, все звали «президент Жаннен». Несмотря на свой возраст, эти люди не обладали достаточным авторитетом для поддержания порядка среди высшей французской знати.

В результате за отставкой Максимильена де Сюлли последовало всеобщее «ослабление строгого контроля», и на «нужных людей» посыпался поток беспрецедентных даров. Известно, например, что между 1610 и 1614 годами Мария Медичи истратила почти 10 миллионов ливров на различные подкупы. Деятельность Кончино Кончини и Леоноры Галигаи еще больше осложняла ситуацию в стране, и это привело к волне возмущений со стороны французской знати.

Многие надеялись на то, что спасти страну от окончательного развала могут только Генеральные штаты.

Принц де Конде продолжал расшатывать и без того слабую конструкцию французской монархии. Он возражал против всего, в том числе и против намерения Марии Медичи женить своего сына Людовика XIII на испанской инфанте. Чтобы избежать открытого мятежа (а такие угрозы имели место), 15 мая 1614 года правительство было вынуждено подписать с принцем соглашение в Сент-Менегу. Брак с инфантой откладывался, зато в Париже должны были начать свою работу Генеральные штаты.

Впоследствии, уже став кардиналом Ришельё, Арман Жан дю Плесси писал:

> «Времена были настолько злосчастными, что люди были самыми ловкими и самыми изобретательными по части интриг, а интриги их были таковы, что министры были более озабочены тем, как упрочить собственное положение, чем тем, что необходимо государству»[109].

* * *

Контроль над выборами в Генеральные штаты имел решающее значение для сохранения регентства. Королевские послания, отправленные губернаторам в начале июня, требовали скорейшего созыва съездов трех сословий (духовенства, дворянства и так называемого податного населения) провинций. Предполагалось, что депутаты будут выбраны из числа самых честных и умных людей, искренне заинтересованных в благополучии Франции. Одним из таких депутатов стал епископ Люсонский – 24 августа 1614 года он был избран от духовенства провинции Пуату. После официального провозглашения совершеннолетия Людовика XIII депутаты Генеральных штатов начали прибывать в Париж. Во «Всемирной истории» Оскара Егера читаем:

> «Повсюду господствовало брожение и недовольство.

> Парижский университет и парламент выражали открытую оппозицию папе и иезуитским доктринам. Впрочем, дело не доходило еще до применения оружия. Правительство заключило в Сент-Менегу соглашение с главами оппозиции и созвало съезд сословных чинов, на который явились 140 представителей от духовенства, 132 от дворянства и 192 от третьего сословия. Это собрание состоялось в Париже, в октябре 1614 года. Оно было последним в истории старой Франции, вплоть до рокового собрания 1789 года, положившего начало новой эпохи. Необходимость реформ и благоприятная для этого ситуация были очевидны»[110].

Приехавших в Париж депутатов (464 человека) разместили в монастыре августинцев, расположенном на левом берегу Сены, близ Нового моста.

Торжественное открытие Генеральных штатов состоялось 26 октября 1614 года. Депутаты всех сословий (заседавших отдельно) понимали необходимость выработки единой и последовательной программы реформ. Арман Жан дю Плесси лично участвовал в переговорах с представителями других групп. В частности, депутатам третьего сословия он предложил принести клятву «действовать во имя славы Господа, служения королю и помощи людям». Епископ также стал посредником в спорах между знатью и третьим сословием по поводу прекращения выплат ежегодной пошлины.

Много споров вызывала статья, требовавшая провозгласить, что король Франции является единственным повелителем в своей стране, и никакая другая власть не может иметь силы в его королевстве. На самом деле, это был серьезный вызов церковной власти, и формулировка статьи вызвала яростное сопротивление представителей духовенства.

Заседания Генеральных штатов планировалось закрыть 23 февраля 1615 года. Этот день и стал шансом честолюбивого епископа. В своем выступлении он обратил внимание на финансовое состояние королевского двора.

– Необходимо, – сказал он, – уменьшить количество бесполезных даров и налоговых освобождений. Необходимо улучшить материальное и моральное положение духовенства. Французская Церковь оказалась лишена достоинства и авторитета, ограблена и осквернена. Это затруднило ее миссию, и было потеряно много душ, за которые королю придется держать ответ перед Господом. Есть четыре способа исправить положение: первое – он мог бы дать духовенству долю в управлении

королевством. Подтверждение этому было в истории: в прошлом все народы, и язычники и христиане, отдавали духовенству ведущую роль в делах государства. Давшие обет безбрачия и потому свободные от мирских интересов священнослужители идеально подходят для этой роли. Второе – Церковь должна быть освобождена от налогов, ибо ее единственный достойный вклад в дела государства – молитва. Третье – она должна быть защищена от посягательств мирских судей и других чиновников. Гугеноты, которые прибегают к насилию, должны сурово караться. И последнее – если король будет черпать вдохновение только в Евангелии, будет установлено Царство разума. Справедливость вновь восторжествует, зло будет наказано, а добро вознаграждено, литература и искусство будут процветать, финансы государства пополнятся, а религия вновь займет подобающее ей место[111].

Затем епископ повернулся к Марии Медичи и с пафосом произнес:

– Счастлив король, кому Господь дал мать, преисполненную любви к нему, усердия к его государству и опыта по ведению дел. Вы достигли многого, мадам, но не должны на этом останавливаться.

После этого он попросил Марию прислушаться к просьбам прибавить титул «Мать королевства» к славному имени Мать короля.

Если в начале речи дю Плесси в зале стоял сильный гул, то к концу он значительно ослаб – епископ не только сумел овладеть всеобщим вниманием, но и заслужил дружные аплодисменты.

В ответной речи Людовик XIII поблагодарил депутатов за их усилия и обещал обратить самое пристальное внимание на поднятые вопросы.

Большая часть депутатов третьего сословия хотела дождаться конкретных решений, но им было приказано возвращаться домой. Правительство объяснило, что подготовка законопроектов займет много времени. Не говорить же «черни», что Генеральные штаты созывались не для того, чтобы провести реформы, а лишь для срыва планов принца де Конде и одобрения политики Марии Медичи.

Позже Арман Жан дю Плесси написал:

> «Эти Генеральные Штаты закончились, как и начались. Собрались они под благовидными предлогами, без какого-либо намерения извлечь выгоду для короля и народа, работа их оказалась бесплодной, вся эта ассамблея имела следствием лишь обременение

провинции податью, которую следовало платить ее депутатам, а также показала всем, что недостаточно знать болезнь, если отсутствует воля излечить от нее»[112].

* * *

После закрытия Генеральных штатов молодой епископ Люсонский (ему было тридцать лет), хорошо зная, какое неотразимое впечатление произвела его речь на тщеславную королеву, начал всеми способами пробиваться ко двору.

Прежде всего он нашел человека, представившего его Леоноре Галигаи, о могуществе которой был прекрасно осведомлен.

Познакомившись, он начал ухаживать за ней и даже, как уверяют некоторые, стал ее любовником. Впрочем, это, скорее, выдумка, ибо подобная активность могла закончиться для епископа не самым лучшим образом.

Тем временем Мария Медичи приказала схватить мятежного принца де Конде и заключить его в тюрьму. Произошло это так.

Ничего не подозревавшего принца де Конде пригласили на заседание Государственного совета. Мария, уже обо всем договорившаяся с Кончини и Галигаи, заметно нервничала с самого утра.

– Где же он, этот ваш надежный человек, которого вы мне рекомендовали? Что-то он не торопится…

– Он будет с минуты на минуту, мадам.

– А он и вправду достаточно амбициозен и смел? Не отступится в последний момент?

– Можете нам поверить, Ваше Величество, он и смел, и амбициозен. Даже сверх всякой меры. И он сделает все так, как мы ему велели, в лучшем виде.

– А как его имя, напомните еще раз…

– Понс де Лозьер, маркиз де Темин.

– Ну и где же он, этот ваш маркиз де Темин?

Наконец человек, которого все так ждали, появился. Он был уже немолод, но держался уверенно и сразу понравился королеве.

– Я ждала вас с нетерпением, – сказала она. – Заседание скоро откроется. При вас есть смелые и надежные люди, господин де Темин?

– Конечно, мадам, я взял с собой двух своих сыновей. Смелее и надежнее людей не сыскать во всем королевстве.

Мария величественно протянула ему руку для поцелуя, а потом удалилась. Детали намеченного ее не интересовали, а за

результат отвечали Кончино Кончини и Леонора Галигаи.

Вскоре со двора раздался шум и громкие крики:

– Да здравствует господин принц! Да здравствует Генрих де Конде!

Леонора Галигаи подошла к окну и злобно процедила сквозь зубы:

– Он ведет себя, словно уже король Франции. Ну, ничего, пусть потешит свое самолюбие, осталось недолго…

Мария, находясь в своем кабинете, тоже услышала крики и сказала своим сыновьям Людовику и Гастону:

– Молитесь Богу, чтобы Он помог нам. С сегодняшнего дня можно будет править спокойно. Через час принц де Конде будет в Бастилии.

– Может быть, то, что вы затеваете… – неуверенно начал Людовик, но тут же осекся под гневным взглядом матери. – Господин де Люинь сказал мне, что персона принца крови неприкосновенна. Но, раз так надо, раз вы этого хотите, что ж, я тоже этого хочу…

– Ваш де Люинь, мой дорогой сын, черт знает что говорит. Не забывайте, принц – ваш враг, и у него полно сторонников, которые только и мечтают, чтобы лишить вас короны. – После признания Людовика совершеннолетним Мария обращалась к сыну исключительно на «вы».

– Возможно, вы и правы, – пожав плечами, пробормотал Людовик.

– Я уже почти научился владеть шпагой! – воскликнул восьмилетний Гастон. – Когда я вырасту, сделайте меня маршалом, и я буду отвечать за безопасность в королевстве! Уж тогда наши враги и носа не посмеют высунуть из своих нор!

– Но… надеюсь, его все-таки не убьют… – пробормотал Людовик, имея в виду принца.

– Перестаньте, никто никого не собирается убивать! – возмущенно повысила голос Мария. – Просто мы должны нейтрализовать своих врагов. Иначе они нейтрализуют нас. Или вы этого и добиваетесь, несносный мальчишка?

А принц де Конде уже шел по галереям Лувра к залу, где должно было проходить заседание Государственного совета.

Когда он увидел маркиза де Темина, двинувшегося к нему наперерез, он ничего не заподозрил. Ну, мало ли чего хочет этот человек… Но когда с другой стороны к нему направились два плечистых сына маркиза, принц растерялся. Сообразив наконец, что происходит нечто ряда вон выходящее, он попытался оказать сопротивление, но его схватили за руки и отобрали шпагу.

Попавший в ловушку принц де Конде был выведен из дворца

и препровожден в заранее подготовленную камеру в Бастилии.

К обеду маркиз де Темин вернулся в Лувр и доложил о выполнении порученного ему задания. Впервые за последнее время Мария почувствовала себя по-настоящему счастливой. В порыве чувств она обнимала Гастона и Леонору, и всем было понятно, что она снова полна радужных надежд. Близкие к ней придворные поздравляли ее, словно она только что одержала победу из побед. Да она и выглядела как настоящая победительница.

Повернувшись к Людовику, Мария сказала:

– Вот, сын мой, взгляните! Перед вами храбрый господин де Темин! Он только что спас нас от грозившей нам опасности! Не желаете ли вы что-нибудь сделать для него в знак признательности? Он, например, еще не маршал Франции…

– Приветствую вас, господин маршал, – вяло ответил король. – Через час я подпишу соответствующий указ.

* * *

Новость об аресте принца де Конде распространилась по Парижу мгновенно.

В своих «Мемуарах» Арман Жан дю Плесси пишет:

> «Сразу после ареста господина принца большая толпа дворян явилась в Лувр, стараясь попасться на глаза Их Величествам и засвидетельствовать им свою верность. Кто-то поступал искренне, кто-то – исходя из совершенно иных намерений, однако не было ни одного человека, кто не одобрил бы поступка Ее Величества. Многие уверяли, что завидуют счастливой судьбе господина де Темина, коему довелось принять участие в осуществлении сего замысла; однако на самом деле двор был настолько развращен, что трудно было найти кого-то, действительно готового спасти государство своей верностью и мужеством»[113].

Сторонники арестованного принца поспешили убраться из Парижа, и в стране возникла опасность возобновления гражданской войны.

Глава XI
Людовик XIII и Анна Австрийская

Корона Франции была достаточной компенсацией за то, что пришлось выйти замуж за юношу, которого она никогда раньше не видела, и, как сразу же обнаружилось, за то, что он оказался совсем не таким, как она ожидала[114].

Эвелин Энтони

Почти все дни Мария проводила в обществе своего фаворита Кончино Кончини, а юный Людовик XIII жил в своих апартаментах один.

Мать приходила к нему только затем, чтобы отругать, а то и высечь за какую-нибудь провинность. Нередко бывало и так, что она приказывала сделать это кому-то из придворных дам.

– Королей надо воспитывать в строгости. Более того, их следует наказывать гораздо более сурово, чем простых людей, – любила повторять она.

Как утверждает писатель XVII века Жедеон Таллеман де Рео, за все годы регентства Мария ни разу не обняла своего сына. Понятно, что он возненавидел ее.

Только один человек проявлял внимание и даже нежность к заброшенному ребенку – шестидесятилетняя Маргарита Валуа, первая жена покойного короля Генриха IV, известная вам королева Марго.

Нельзя сказать, чтобы она так уж способствовала доброй славе королевской семьи, однако в отличие от флорентийки королева Марго всегда вела себя без фальши. Кроме того, у нее не было иных дурных советчиков, кроме собственных страстей, зато они сохранились в полной мере.

Людовик был одним из немногих, кого она по-настоящему любила. Маргарита часто заглядывала к нему, дарила подарки, рассказывала сказки и… ласково улыбалась. Когда она

собиралась уходить, Людовик становился грустным и умолял ее поскорее прийти вновь. Марго в такие минуты казалось, что ее сердце вот-вот разорвется от жалости, и она осыпала маленького короля поцелуями.

Но всему на свете приходит конец. Двадцать седьмого марта 1615 года Маргарита Валуа умерла от воспаления легких, завещав все свое состояние Людовику, к которому она относилась как к сыну.

Людовик воспринял ее смерть как личную трагедию. Он прекрасно понимал, что потерял единственного в мире человека, который относился к нему с искренними чувствами. Он проплакал несколько дней, отказываясь даже от еды и игр. Чтобы приободрить юного короля, придворные дамы решили напомнить ему о свадьбе с испанской инфантой. Но подобная перспектива опечалила Людовика еще больше.

– Я ее совсем не знаю, – сказал он со вздохом. – А между тем у меня нет выбора. Будет ли она уродлива или красива, я все равно должен буду уложить ее в свою постель, обнимать и любить, как положено, до конца жизни…

* * *

Да, все именно так и обстояло. В августе 1612 года его мать, Мария Медичи, и испанский король Филипп III из династии Габсбургов подписали брачный контракт, соединявший Людовика с Анной Австрийской, которой было тогда всего одиннадцать лет.

Юный король думал об этой незнакомой ему девочке без всякого энтузиазма. Чтобы утешиться в своем горе после смерти Марго, он тесно сошелся с человеком, который здорово умел ловить ласточек. Звали этого человека Шарль д’Альбер, герцог де Люинь (вы уже встречали это имя на страницах нашего повествования). Раньше он был пажом Генриха IV, а теперь его приставили к Людовику.

В своих «Мемуарах» кардинал де Ришельё рассказывает о нем следующее:

> «Его отец – капитан Люинь – был сыном мэтра Гийома Сегюра, каноника кафедрального собора в Марселе. Он прозывался Люинем по названию дома, принадлежавшего этому канонику и расположенного между Эксом и Марселем, на берегу реки Люинь. Он взял себе имя Альбер по матери, горничной каноника.
>
> Все свое скудное имущество его отец [то есть отец

герцога де Люиня. – *Примеч. ред.*] оставил его старшему брату, ему же досталось немного денег. Он пошел в солдаты и стал стрелком в отряде охраны при дворе, зарекомендовал себя малым неробкого десятка, дрался на дуэли в Венсеннском лесу, что принесло ему известность, со временем получил губернаторское место в Пон-Сент-Эспри, где женился на девушке из дома Сен-Поле, владевшего землями в Морна. Они приобрели там домик президента д'Ардайона, из Эксан-Прованса, которого называли также господином де Монмирайем, – поместье Брант, весьма скромное, расположенное на скале, где разбили виноградник, а также остров Кадене, почти затопленный Роной. […] Все их имущество и их доходы оценивались приблизительно в 1200 ливров ренты […].

От этого брака на свет появились три сына и четыре дочери: старшего звали Люинь, второго – Кадене, третьего – Брант. Старший был пажом графа дю Люда, а затем остался при нем и следовал за ним некоторое время с двумя своими братьями. Они отличались ловкостью, преуспевали в игре в мяч […]. Господин де Ла Варенн, который их знал, поскольку дом Люда находился в Анжу, его родной провинции, а он сам был губернатором столицы, взял их на службу еще при покойном короле, положив старшему брату 400 экю содержания, на которые они жили втроем. Позже это содержание увеличилось до 1200 экю. Их тесный союз вызывал всеобщее уважение; король определил их на службу к дофину, и тот проникся к ним доверием за старательность и ловкость, с которой они дрессировали птиц.

Король рос, росло и его расположение к старшему из братьев, тот становился уже фигурой при дворе»[115].

Увлекшись дрессировкой птиц, Людовик и вовсе перестал интересоваться приготовлениями к свадьбе.

Однако 7 октября 1615 года ему пришлось усесться в карету и поехать в Бордо навстречу «жене».

Анна Австрийская оказалась на редкость хорошенькой. Она была высокого роста, с гибкой, но уже хорошо сформировавшейся фигуркой. У нее была ослепительно белая кожа без малейших следов веснушек, которые обычно портят девушек подобного типа, глаза пронзительно-голубого цвета, тонкие пальцы, усыпанные бриллиантами, и классические черты лица,

окаймленного сверкающими ярко-рыжими волосами. Когда Анна приехала во Францию, двор, где всегда было полно красавиц, признал, что юная испанка скоро затмит их всех.

Двадцать пятого ноября молодожены (каждому из них было по четырнадцать лет) получили благословение и в тот же день официально стали мужем и женой.

Роль королевы Франции привела юную Анну в восторг. Она даже готова была полюбить Людовика. Но ей пришлось бы сделать над собой усилие… Мрачный темноглазый юноша, похоже, избегал ее общества. Когда бы они ни встречались, он всегда приводил с собой герцога де Люиня, а Анне успели нашептать, что она должна презирать его, поскольку тот был низкого происхождения.

Напомним, что Шарль де Люинь, родившийся в 1578 году, первоначально был пажом короля Генриха IV. А кто такой паж? – всего лишь слуга, хоть и личный. В Испании такого рода людям не позволили бы находиться в близких отношениях с правителем. А де Люинь был повсюду, и вскоре Анна поняла, что во Франции бал правят фавориты. Ей пришлось смириться; вскоре она научилась быть любезной с ненавистным ей герцогом, а также с не менее отвратительным Кончино Кончини, который был тенью Марии Медичи.

Но… королева-мать родилась во Флоренции, и Анне не казалось странным, что она предпочитает общество своего соотечественника. И все же юная испанка никак не могла понять, почему такая могущественная женщина повинуется воле своего фаворита. У себя в Испании она слышала, что право монарха заключается в том, чтобы даровать милости, если у него есть к тому желание. Придворные же должны эти милости почтительно принимать и, что немаловажно, полностью отдаваться выполнению воли правителя. Во всяком случае, именно так на ее родине смотрели на королевскую власть, и Анна была глубоко проникнута таким ее пониманием.

Впрочем, ее недоумение не имело особого значения. Перед ней стояла совсем другая задача – родить наследника престола и наслаждаться жизнью во Франции, которая была куда веселее, чем в Мадриде. Действительно, корона Франции была достаточной компенсацией за то, что ей пришлось выйти замуж за юношу, который оказался совсем не таким, как она ожидала.

* * *

Церемония венчания закончилось в пять часов. После этого

уставшие новобрачные отправились в опочивальню, но – каждый в свою. Однако Мария настаивала, что Людовик непременно должен исполнить свой супружеский долг. Посреди ночи она разбудила его и тоном, не допускающим возражений, сказала:

– Сын мой, обряд венчания узаконил ваш брак. Теперь вы должны отправиться к королеве. Она ждет вас.

– Хорошо, но я пойду вместе с вами, если вам так угодно, – ответил Людовик.

Ничтоже сумняшеся Мария зашагала впереди него.

Юная Анна Австрийская вовсе не ждала их прихода. Она уже спала и была очень напугана, увидев перед собой две темные фигуры со свечами в руках.

– Дочь моя, – сказала Мария, – я привела к вам короля, вашего супруга. Прошу вас, примите его и любите, как должно любить своего законного мужа. Ведь одного церковного благословения недостаточно, чтобы стать мужем и женой. Вы же меня понимаете, брак не держится одними лишь молитвами священника…

Анна покраснела, потом сжалась в комок, но не подчиниться не решилась.

– Ваше Величество, – грустно прошептала она, – все ваши замечания проникнуты материнской любовью, и я возьму на себя смелость доказать вам, что король действительно мне муж.

Людовик лег рядом с ней, и Мария принялась и долго занудно объяснять «суть впроса». Слушая ее, Анна готова была разрыдаться, а Людовик был белее простыни.

У Жюльетты Бенцони читаем:

> «Что же сказала толстая флорентийка двум робким подросткам? Какой совет… или приказ она бесцеремонно дала им? Ей были неведомы нежность, стыдливость и деликатность, ее поведение всегда граничило с грубостью и вульгарностью, и хотя на этот раз – возможно, впервые в жизни – Мария Медичи руководствовалась благими намерениями, результатом ее усилий стала выросшая между королем и королевой Франции стена непонимания. Скорее всего, Мария, не затрудняя себя выбором слов, назвала вещи своими именами и в нескольких фразах объяснила, что требуется сделать.
>
> Часа через два король вернулся в свою опочивальню и объявил Эроару, что он часик вздремнул и два раза сделал "это" со своей женой. Лекарь засомневался и попросил короля раздеться, чтобы осмотреть его. Как

выяснилось, Людовик XIII по крайней мере пытался лишить жену девственности. В свою очередь кормилицы, остававшиеся в спальне новобрачных, заверили, что король дважды подтвердил свои супружеские права»[116].

Тем не менее на следующее утро король и королева не могли без смущения взглянуть друг на друга. Они даже не разговаривали между собой.

Жюльетта Бенцони пишет:

> «На вторую ночь Людовик не заикнулся о том, что хочет пойти к жене. Физическая близость с женщиной вызвала в нем отвращение, будни брака показались ему грязными и полными унижения. Он, наверное, был очень неловким, и юной королеве пришлось выдержать ужасное испытание, если вообще допустить, что Людовику удалось лишить ее девственности. Ведь простыни-то никто не осматривал! Ясно одно: Анна не влюбилась в своего супруга после первой брачной ночи. Совершенно очевидно, что оба так и не смогли забыть неудачный финал этого торжественного дня. Понадобилось очень много времени, чтобы неприятные воспоминания стерлись из памяти… целых четыре года»[117].

Возвращаясь к эпизоду с доктором Эроаром, добавим, что он написал целый отчет о произошедшем – пожалуй, самый удивительный из всех «медицинских» отчетов. Вот он:

> «Отдав последние распоряжения, королева и все, кто был в спальне, оставили молодоженов, чтобы дать им возможность исполнить то, что им предписано делать после церемонии бракосочетания. И король это исполнил дважды, как он признался сам и что подтвердили кормилицы. Потом король уснул и проспал в постели королевы около часа. Проснувшись, он позвал свою кормилицу, та надела на него теплые туфли и ночную рубашку и проводила до двери спальни, за которой его ожидали господа де Сувре, Беренгьен и другие, чтобы проводить его в спальню. Там он, попросив попить, выразил большое удовлетворение по поводу своего брака, лег в постель и крепко проспал всю ночь. Молодая королева, в свою очередь, встала с брачной постели после того, как король удалился, вошла в свою маленькую спальню и легла в свою кровать» [118].

* * *

Через два года после бракосочетания Анна Австрийская вполне созрела физически, но, находясь замужем уже довольно долго, так и не изведала, что такое *настоящее* прикосновение мужчины. Людовик появлялся у нее в спальне раз или два. Об этом знали все во дврце, и испанскому послу было над чем задуматься. Что же касается дам из свиты Анны, то они только и говорили о том, почему король игнорирует свой супружеский долг.

Шел уже 1617 год, а Людовик, повсюду появлявшийся в сопровождении герцога де Люиня, продолжал проявлять к своей жене вызывающее равнодушие. Конечно, обсуждали это и Мария со своим фаворитом, Кончино Кончини, которого теперь все называли маршалом д'Анкром, но, признаться, без всякого почтения. Какое уж тут почтение, когда маршал д'Анкр, чей дом находился рядом с Лувром, приказал соорудить деревянный мост над оврагом, чтобы легче было добираться до дворца и… оставался там до утра. Парижане окрестили этот мост «мостом любви».

Самые смелые из придворных позволяли себе довольно рискованные шуточки в присутствии королевы-матери. Однажды, когда она попросила даму из своей свиты подать ей вуаль, один граф не удержался и воскликнул:

– Корабль, стоящий на якоре, не нуждается в парусе.

Чтобы было понятно: этот каламбур основан на игре слов: якорь по-французски будет *ancre,* а парус *voile.* Таким образом, фразу можно растолковать и так: «Связанная с д'Анкром, не нуждается в вуали».

А вот Франсуа де Бассомпьер (после смерти Генриха IV он приобрел расположение Медичи, сделавшей его начальником швейцарских наемных войск) пошел еще дальше.

– Поверьте мне, – заявил он как-то вечером, – все женщины – потаскухи.

– Даже я? – спросила Мария.

– О, мадам, – ответил он, церемонно поклонившись, – вы королева!..

Глава XII
Возвышение Армана Жана дю Плесси

Мария была привязана к вернейшим своим слугам, и епископ Люсонский долгое время был ее любимцем[119].

Франсуа Блюш

При дворе молодого Людовика XIII на епископа Люсонского наконец обратили внимание. Его несомненные таланты произвели впечатление на королеву-мать, которая и после достижения сыном совершеннолетия по-прежнему оставалась у власти. По выбору Марии дю Плесси был назначен духовником Анны Австрийской. Ему также удалось добиться расположения фаворита королевы-матери Кончино Кончини. В ноябре 1615 года он получил должность чиновника, ведающего раздачей милостыни при дворе Анны, супруги Людовика. По словам историка Энтони Леви, «жалованье составляло всего триста ливров, но обязанности были необременительными, а сама должность обеспечивала ее владельцу достаточно надежное положение при дворе»[120].

Забегая вперед, скажем, что в 1617 году дю Плесси продаст эту должность за 60 тысяч ливров наличными.

Как видим, поначалу этот человек не играл заметной роли в камарилье, но уже в мае 1616 года он был назначен государственным советником, а 25 ноября того же года Мария Медичи назначила его министром (государственным секретарем), ответственным за ведение иностранных и военных дел. «Это принесло ему 17 ООО ливров, к ним следует добавить 2000 ливров, которые он получал как член Королевского совета, и специальный пенсион в 6000 ливров, выплачиваемый королем»[121].

Первый год дю Плесси во власти совпал с началом войны между Испанией, которой тогда правила династия Габсбургов, и Венецией, с которой Франция состояла в военном союзе. Эта

война грозила Франции новым витком религиозных распрей, ибо Венеция в то время конфликтовала с Ватиканом, отрицая абсолютную власть папы Римского.

Как венецианцы, так и испанцы посчитали назначение дю Плесси победой испанцев и папы, поскольку в их представлении епископ прочно ассоциировался с прокатолическим крылом, хотя сам дю Плесси старался выказывать беспристрастное отношение как к католикам, так и к гугенотам.

Как министр, он обязан был блюсти интересы Франции на севере Италии, но – при сохранении мира. С этой целью (сохранить мир) дю Плесси предлагал французское посредничество в разрешении конфликтов, но и венецианцы, и савойцы отказались от подобных услуг, не веря в силу и стабильность администрации Кончино Кончини.

В результате его деятельность сводилась лишь к заверениям соседних государств в том, что «политика французских властей всегда будет оставаться открытой».

Важно указать, что в 1616 году еще не было явных размолвок между юным королем и его матерью, но вот неприязнь Людовика XIII к Кончино Кончини становилась все более и более очевидной.

Биограф будущего кардинала де Ришельё Энтони Леви пишет:

> «С какой бы силой дю Плесси ни стремился к признанию, богатству и возможности применить свои таланты на практике, он посвящал себя укреплению *de facto u de jure* власти законного монарха, чьи личные недостатки, по-видимому, он уже хорошо видел. В связи с этим он совершенно обоснованно ищет общества Клода Барбена, генерального контролера финансов, который убедил его не отказываться от Люсонского прихода после назначения министром в 1616 году, чего, в свою очередь, сильно желал Кончини, поскольку эта отставка сделала бы дю Плесси в высшей степени зависимым от него самого»[122].

Правда, маршал д’Анкр не особо стремился вмешиваться в политические решения, принимаемые Марией Медичи. Его интересы, главным образом, «заключались в деньгах и власти, а не в управлении, и большую часть первой половины 1617 года он провел в Нормандии»[123].

Арман Жан дю Плесси, избегавший открытых нападок на Кончино Кончини, тем не менее имел достаточную свободу действий, хотя его «Мемуары» свидетельствуют о том, что он находил постоянные смены настроений итальянца

утомительными.

Он, в частности, писал:

«Досадно иметь дело с тем, кто жаждет слышать лишь речи льстецов, как и с тем, кому нельзя служить, не обманывая, и кто предпочитает, чтобы его гладили по шерстке, нежели говорили правду… В эпоху правления фаворитов у любого, кто поднимается так высоко, непременно закружится голова, и он пожелает превратить слугу в раба, а государственного советника в заложника собственных страстей; попытается располагать, как своим, не только сердцем, но и честью подчиненного.

Итак, поскольку месть кует свое оружие из того, что находится под рукой, маршал попыталсяубедить королеву в том, что я нахожусь в тайном соглашении с принцами. […]

Продолжая подобным образом нападать на меня, он не прекращал попыток использовать меня и Барбена для того, чтоб выпрашивать для себя Суассон, который вот-вот должен был пасть. Мы чинили ему препятствия из опасения, что он через королеву насоветует королю воевать, дабы обогатиться на ссорах и распрях.

Чтобы лишить нас возможности предупредить Их Величества, он поспешил переговорить на эту тему с королевой, однако государыня сочла его просьбу нескромной и отказала ему, так отчитав его в нашем присутствии, что он не смог даже скрыть, до какой степени уязвлен. Однако, не совладав со своим лицом, не удержавшись от упреков, он был обижен не столько самим отказом, сколько обстоятельствами, в которых это случилось, то есть при свидетелях. Ему было досадно, что кто-то увидел, что его влияние на королеву лишь видимость и что он действует наглостью, не имея ее настоящего доверия. Доказательством тому служит последовавшая затем сцена: королева в гневе удалилась в свои покои, и он последовал за ней, но тотчас появился вновь и стал уверять нас, что добился желаемого, хотя было ясно, что он не успел произнести ни слова. Мы ему не поверили и оказались правы, в чем убедились позже, когда королева сама высказала нам свое возмущение его наглостью и заверила, что ни за что на свете не согласится на его просьбу. Вместо того, чтобы заручиться нашей поддержкой, он все более укреплялся в мысли

удалить нас от государыни.

Единственным нашим прегрешением была репутация людей, ревностно служащих королю. Некоторые льстецы представили это таким образом, что будто бы, когда разговор касался Франции, о маршале речь и не заходила, а вся слава принадлежала нам, и этим играли на его слабостях; он бывал обескуражен и заявлял, что не станет больше вмешиваться в дела, когда же дела шли хорошо, желал вести их сам»[124].

В итоге Арман Жан дю Плесси и Клод Барбен решили отойти от дел. Они вместе отправились к Марии Медичи и объявили ей о своем желании.

Мария была удивлена и спросила, что их не устраивает. Барбен ответил, что они оба вызывают явное недовольство Кончино Кончини и его супруги Леоноры Галигаи. На это королева ответила, что удовлетворена их службой, а это – главное.

Далее Арман-Жан дю Плесси пишет:

«Это не помешало ему [Кончини] и дальше строить нам козни, придумывая для королевы множество оправданий, вплоть до того, что мы – я и Барбен – предаем ее, хотим отравить. Вся эта черная злоба, которой было заполнено его сердце, делала его беспокойным, и оттого он то и дело переезжал с места на место: из Кана – в Париж и обратно. […]

Тем не менее на людях он был с нами столь любезен и так скрывал свои чувства, что никому бы и в голову не пришло, как он нас ненавидел. Однако его показная доброта не смогла обмануть меня, я был предупрежден, что ему почти удалось обратить мысли королевы против нас, и принял бесповоротное решение уйти в отставку. Барбен явился ко мне, умоляя выпросить отставку и для него тоже, опасаясь, как он говорил, что у него не хватит духу настоять на своем в присутствии королевы. […]

Я явился в Лувр, говорил с королевой, изложил ей нашу настойчивую просьбу уйти в отставку. Королева признала, что ее настраивали против нас, и пообещала в течение недели разобраться с нашим делом, а до тех пор просила потерпеть. Ее обещание остановило меня»[125].

Глава XIII
Рост недовольства действиями Кончино Кончини

Его грубая политика, ставившая целью восстановление монархической власти, ослабленной регентством, его алчность, игнорирование обычаев страны и невиданное высокомерие сделали его ненавистным для французов[126].

Бенедетта Кравери

Кончино Кончини не делал ничего, чтобы хоть как-то скрыть свою связь с Марией Медичи. Скорее, наоборот, «когда он выходил из спальни Ее Величества в часы, когда она должна была находиться в постели, – утверждает в своих “Мемуарах” Николя Амело де ля Уссэ, – то всегда делал вид, будто застегивает свой камзол, давая всем понять, что только что покинул ее»[127].

Как это расценить? Как еще один факт, свидетельствующий о его дурном воспитании!

Всеобщее недовольство поведением итальянца росте как на дрожжах.

В своих «Мемуарах» Арман-Жан дю Плесси пишет:

> «В жестоком преследовании маршалом министров, в использовании им подчас вероломных средств проглядывает хитрость, основанная на честолюбии, которое он не мог одолеть. Королева же, то ли устав от его поступков, которые она более не могла оправдывать, то ли боясь, что с ним что-нибудь случится, настойчиво советовала ему ехать в Италию… Но он никак не мог смириться, заявив кому-то из своих людей, что желает узнать, насколько высоко может подняться человек, делая карьеру. […]
>
> Так своим нравом и поступками маршал всех настроил против себя. Де Люинь не любил его не от того,

что тот когда-то помог ему стать другом короля, а от того, что завидовал его состоянию. Это была ненависть, основанная на зависти, – самая страшная из всех. Каждый из поступков маршала он представлял королю в черном свете, убеждал короля, что маршал наделен непомерной властью, противостоит воле Его Величества и участвует в борьбе с принцами только для того, чтобы прибрать к рукам их власть и уж тогда располагать короной монарха, не встречая сопротивления ни с чьей стороны; что маршал владеет мыслями королевы-матери, что он втерся в доверие к брату короля; что он обращался к астрологам и колдунам; что Совет подпал под его влияние и действует только в его интересах; что когда у Совета просят деньги на мелкие удовольствия короля, их обычно не находят»[128].

Герцог де Люинь наговаривал Людовику XIII не только на Кончино Кончини, но и на Марию Медичи, вызывая в короле ревность к той власти, которой она владела и которую могла получить. По словам ненавидевшего герцога дю Плесси, «для вероломного де Люиня было мало того, что он поднялся до таких высот, – он стал бороться и с королевой, невзирая на то, что именно она заложила основы его карьеры»[129].

Плетя свои интриги, де Люинь успокаивал Марию, что Людовик доверяет ей безгранично и что уговорам выступить против ее воли никогда не поддастся. Но на самом деле юный король не доверял матери. А еще больше он ненавидел Кончино Кончини.

* * *

Недовольство действиями Кончино Кончини росло, и он, понимая это, вынашивал планы раз и навсегда покончить со своими врагами. Понятно, что бури было не миновать.

И вот во время расширенного заседания правительства она наконец разразилась.

Маршал де Бриссак объявил заседание открытым, но противники Кончино Кончини продолжали шуметь. Не зная, что предпринять, Людовик растерянно смотрел то на мать, то на герцога де Люиня.

Мария сделала знак Франсуа де Бассомпьеру, начальнику швейцарских наемных войск. Тот удалился из зала и вскоре вернулся в сопровождении роты солдат, вооруженных

алебардами.

Это позволило восстановить порядок, после чего королева-мать сказала:

– Господа, я – регентша Франции и имею право на то, чтобы мой голос был услышан. После смерти Генриха, моего благородного мужа, я несу на себе все тяжести, связанные с управлением государством. Вы все знаете, как это непросто. Повсюду идет гражданская война, а я вынуждена заботиться еще и о безопасности короля и других моих детей, ибо, не забывайте, что в любых, даже самых трудных обстоятельствах, я остаюсь матерью и никогда не забуду об этом. Многие из здесь присутствующих готовы обвинить меня в чем угодно. Но я знаю одно – что бы я ни делала, все это делается в интересах Франции. Если я когда и совершаю ошибки, а кто их не совершает, мои добрые и верные советники поправляют меня. Повторюсь, главное для меня – это интересы государства. Франция – великая страна, а те, кто позволяет себе действовать против ее интересов, получат достаточно времени подумать о своем поведении в Бастилии.

После этих слов в зале вновь поднялся шум, но Марию это не смутило. Ее глаза заблестели, и она продолжила:

– Послушайте, вы хотите конфликта? Вам не нравится мир? Вы считаете, что шпаги эффективнее слов?

Хорошо! Если кто-то не хочет прислушаться к голосу королевы, он услышит грохот пушек! Я не желаю, чтобы мою доброту принимали за слабость! Господа, неужели вы не знаете, что есть женщины, которые умеют постоять за себя и за своих детей? Неужели вы забыли о том, как правила в Англии королева Елизавета Тюдор? Вам угодно, чтобы Мария Медичи правила так же? Когда лев спит, он не опасен, но он знает свою силу, и не надо его будить! Я тоже знаю свою силу! На вашу войну я отвечу своей войной! На ваши крики, восхваляющие принца де Конде, раздадутся крики, восхваляющие короля Людовика и Гастона Орлеанского! Если потребуется, я сама встану во главе армии! Де Бассомпьер, де Бриссак, д'Орнано, все мои верные полководцы, как один, встанут на защиту короны, и тогда ее враги не посмеют поднять головы!

Шум еще больше усилился. Тогда Франсуа де Бассомпьер дал знак маршалу де Бриссаку, чтобы тот объявил заседание оконченным.

Когда председатель встал и поднял руку, с улицы вдруг донеслись громкие крики:

– Смерть Кончини! Смерть Галигаи!

– Что там такое происходит? – Мария обеспокоенно повернула голову к окну.

Через минуту ей доложили:

– Мадам, это народ поджег апартаменты маршала д’Анкра и господина Корбинелли, его секретаря.

– Боже! Какое несчастье! – воскликнула Леонора Галигаи, стоявшая рядом с королевой.

– Вы говорите, народ поджег? – злобно зашипела Мария. – Я не верю, что народ Франции, это сделали какие-то жалкие проходимцы! Господин де Бассомпьер, возьмите ваших швейцарцев и разгоните их!

Глава XIV
Устранение Кончино Кончини и Леоноры Галигаи

Людовик XIII, охваченный безумной радостью, показался в окне и крикнул: «Спасибо! Большое спасибо вам! С этой минуты я – король!»[130]

Бенедетта Кравери

п осле выступления Марии на заседании правительства в стране ничего не изменилось. По-прежнему срывались все договоренности, по-прежнему все боялись и ненавидели друг друга… По словам будущего кардинала Ришельё, «вельможи погрязли в распрях», а слабый король объявил своих вчерашних врагов «своими верными слугами и желал, чтобы они снова пользовались его милостью»[131]. Но главное – оставался Кончино Кончини, как считалось, источник всех проблем.

В «Мемуарах» Ришельё можно найти такую оценку сложившейся обстановки:

> «Еще не стихли возмущение и удивление, вызванные арестом господина принца де Конде, как маршал д'Анкр вернулся ко двору. Его возвращение не сулило ни малейшей надежды на то, что он будет править хоть немного лучше»[132].

Людовик уже не просто ненавидел маршала д'Анкра – он его на дух не переносил.

В один из дождливых дней король пребывал в скверном расположении духа. Он сидел и смотрел в окно, как вдруг увидел, что через двор идет Кончино Кончини со своими «продажными олухами».

Людовик не смог сдержать вздоха.

– Терпеть не могу этого жалкого авантюриста, – сказал он, обращаясь к герцогу де Люиню. – В самом деле, Шарль, этот флорентиец распоряжается здесь, как у себя дома!

Глаза де Люиня недобро блеснули. Он решил, что настало время подлить масла в огонь:

– Да, сир, этот человек ведет себя недопустимо… Но вот послушайте, что я вам прочитаю. Это – история Франции, и ее авторы ничего не придумали. Екатерина Медичи, супруга короля Генриха II, отравила своего нелюбимого сына Карла IX, чтобы посадить на трон другого сына, любимого, – Генриха III. Екатерина была дочерью Лоренцо Медичи из Флоренции. Ваша мать тоже из Флоренции, и ее фаворит – из Флоренции, а у них там принято решать свои проблемы именно так. История, сир, это не только рассказ о том, что было, но и предвестие того, что будет. В этом смысле история очень поучительна.

– Что вы хотите этим сказать? – насторожился Людовик.

Герцог задумался.

– Этот проклятый итальянец довел Францию до такого состояния, что единого королевства больше не существует! – с горечью произнес он.

– Но, Шарль, мой народ всегда со мной…

– Ваш народ все больше отдаляется от вас, Ваше Величество. Знаете, что говорят в народе? Что всем заправляет королева-мать и ее итальянские приспешники!

– Но король Франции – это я! Это невозможно!

– Мне нет никакого смысла выдумывать, сир. Могу поклясться на кресте…

– Хорошо, мой верный друг, а что еще говорят?

– Говорят, что над Францией довлеет проклятие Екатерины Медичи. Да, кстати… Королева Изабелла Баварская в свое время предпочла видеть на французском троне своего любовника, а не законного сына, дофина Карла VII…

– Прекратите! – вскричал Людовик. – Изабелла Баварская умерла почти двести лет назад! Времена изменились, и теперь никто не посмеет помешать законному королю! А на недовольных всегда найдется управа! Послушайте, Шарль, у вас есть на примете верный человек, который помог бы нам решить эту проблему?

– Конечно, сир. У меня есть такой человек…

– Так позовите его сейчас, немедленно!

* * *

Надежным человеком оказался Николя де Витри, маркиз де л’Опиталь, капитан королевских гвардейцев.

На него действительно можно было положиться. Де Витри

отличался крепкой хваткой и сообразительностью, но самое главное – он умел повиноваться без лишних рассуждений. Ему недоставало только случая, чтобы проявить себя, и вот наконец такой случай представился: юный Людовик XIII отдал ему приказ схватить самого Кончино Кончини, этого безродного выскочку, возомнившего себя всевластным правителем!

Герцог де Люинь полностью поддержал короля. Вдвоем они составили план: сначала арестовать маршала д'Анкра, а потом судить его. Всё – по французским законам, которые итальянец нагло попирал. Арест, решили они, лучше всего произвести в Лувре, ибо только там фаворит королевы-матери иногда показывался один, без сопровождения своих охранников.

У Николя де Витри возник лишь один вопрос:

– А если он начнет сопротивляться?

На это герцог де Люинь не колеблясь ответил:

– Тогда вам следует убить его.

Услышав это, Людовик вздрогнул, но возразить не решился.

Так или иначе, его молчание было воспринято как согласие.

Николя де Витри поклонился и решительно щелкнул каблуками:

– Все будет исполнено, сир!

Арест был намечен на воскресенье, 24 апреля 1617 года.

В этот день Кончино Кончини явился в Лувр, одетый во все серое. Накануне шел дождь, и было очень грязно. Фаворит шел быстрыми шагами, на ходу читая какое-то письмо. Его сопровождали лишь несколько человек из его свиты. Капитан де Витри ждал в заранее намеченном месте. Он был не один – рядом с ним стояли его бравые гвардейцы. Своего капитана они обожали и повиновались ему беспрекословно.

Когда Кончино Кончини приблизился, капитан де Витри неожиданно вышел из тени и сказал, крепко схватив за правую руку:

– Именем короля, вы арестованы!

– Я? Арестован?! – удивлению фаворита не было предела. – Да я… Да вы…

Пораженный, маршал «отступил на шаг, чтобы выхватить шпагу, но не успел. Одновременно три пистолетные пули поразили его: одна угодила в лоб, другая в щеку, третья в грудь. Он рухнул прямо в грязь и был тут же затоптан людьми Витри. Друзья Кончино Кончини не сделали даже попытки вступиться за него. Они просто сразу обратились в бегство, справедливо полагая, что было бы грустно вот так умереть прекрасным апрельским утром»[133].

Пока гвардейцы пинали ногами мертвое тело Кончино

Кончини, господин д'Орнано явился к королю и, отвесив поклон, доложил:

– Сир, дело сделано!

– Сделано…

Людовик не мог скрыть радости. Он приказал открыть окно, вышел на балкон, перекрестился, а затем воскликнул:

– Вот он – первый день моего настоящего владычества!

В ответ снизу закричали:

– Да здравствует король!

* * *

Примерно в это же время в покои юной Анны Австрийской вбежал Франсуа де Бассомпьер в сопровождении полудюжины придворных. Дамы, окружавшие Анну, испуганно вскочили.

– Ваше Величество, – выдохнул де Бассомпьер, – прошу прощения, но меня прислал король. Вы должны пойти со мной и немедленно присоединиться к нему. Ради вашей собственной безопасности!

– Что случилось? – удивленно спросила Анна. – Я не двинусь с места, пока вы не объясните мне…

– Маршал д'Анкр убит, – ответил де Бассомпьер. – Десять минут назад его застрелили. Во дворце революция, мадам! Вот почему король хочет, чтобы вы были рядом с ним. Уже отправлены солдаты с целью арестовать королеву-мать, но возможно сопротивление…

– Иду немедленно, – решительно ответила Анна и в сопровождении де Бассомпьера и его людей направилась в личные покои своего супруга.

Там царило возбуждение. Сонный Лувр проснулся. Вдруг возникло общее движение к окнам.

– Вон там, мадам. Смотрите вниз. Видите, что мой дорогой Шарль сделал для меня!

Анна и не заметила, как к ней подошел Людовик. Его черные глаза возбужденно сверкали, на болезненном лице горел румянец. Казалось, его лихорадит.

– Сир, что это? Что случилось? Кончини убит?

– Да, убит! – Едва ли не впервые за долгие месяцы Анна услышала смех мужа. – Смотрите вниз! Смотрите, *насколько* он убит!

Дворцовый двор был полон народу. Несколько человек волокли что-то по булыжной мостовой. Анна присмотрелась. Да это же… Маршал д'Анкр! Кровавый след, тянувшийся за телом,

окрашивал камни в грязнобордовый цвет… Анну передернуло, и она в ужасе закрыла лицо руками, чтобы не видеть этого отвратительного зрелища.

– Собака и впрямь мертва, Ваше Величество… – шепнул ей кто-то прямо в ухо.

Анна повернулась и увидела рядом с собой герцога де Люиня.

– Так будут уничтожены все враги короля, – сказал герцог.

* * *

Королеве-матери, конечно же, сообщили о трагическом происшествиии Она побледнела и спросила:

– Кто его убил?

– Николя де Витри, маркиз де л'Опиталь, по приказу Его Величества.

Понимая, что власть ускользает из ее рук, Мария в отчаянии опустилась в кресло. Для нее все было кончено.

– Я царствовала семь лет, – простонала она. – Теперь меня ждет венец только на небе…

Удивительно, но она не проронила ни слезинки. Похоже, все чувства в ней заглушил страх. Кто-то из придворных дам сказал, что новость надо сообщить Леоноре Галигаи, но Мария лишь отмахнулась:

– Уж не хотите ли вы, чтобы я этим занялась? У меня достаточно проблем. И… Маршал сам виноват! Я столько раз советовала ему вернуться обратно в Италию. Всё, достаточно! Слышать ничего не хочу об этих людях!

Мария прекрасно понимала, что значит лично для нее смерть фаворита. Она лишилась поддержки. Кончино Кончини был олицетворением ее власти, и больше ей надеяться не на кого.

Немного поразмыслив, она попросила аудиенции у своего сына. Но Людовик велел ответить, что у него нет времени принять ее.

Мария настаивала, но… Людовик сказал камергеру, пришедшему доложить о ее приходе:

– Теперь я очень занят, в другой раз… Передайте моей матушке, что я, как добрый сын, и впредь буду уважать ее, но я король, и я сам буду управлять государством. Да, и скажите ей еще, что я не желаю, чтобы у нее были другие стражники, кроме моих…

Выслушав унизительный отказ, Мария решила солгать: она попросила сказать сыну, что «если бы она знала заранее о его ненависти к Кончини, то передала бы его королю связанным по

рукам и ногам»[134].

На этот раз ответа вообще не последовало, зато явился капитан Николя де Витри и запретил ей покидать свои апартаменты.

И если бы дело обошлось одним запретом… Очень скоро каменщики замуровали все двери, кроме одной, и королева-мать поняла, что превратилась в пленницу.

Что же сталось с телом Кончино Кончини? – спросите вы. Дворцовая стража завернула его в старую скатерть и без лишнего шума отвезла в Сен-Жермен-де-л'Оксерруа, чтобы похоронить в уже вырытой могиле.

Прибывшие по приказу короля рабочие принялись разрушать «мост любви». Стук топоров привлек внимание Марии Медичи, и она подошла к окну. Увидев, что происходит, она вдруг почувствовала себя до дурноты плохо. Каждый удар топора отзывался в ее сердце…Все эти годы Кончино Кончини был единственно близким ей человеком. И что теперь?

Конечно, рюмка хорошего коньяка помогла ей снять физическую боль, но боль душевная не отпускала. Мария и сама не заметила, как по ее щекам полились слезы.

* * *

Королева-мать плакала, а вот большинство парижан убийство ненавистного Кончино Кончини страшно обрадовало.

– Известно ли вам, что случилось в Лувре, и не далее как вчера? – говорили те, кто уже все знал. – Там убили самого Кончино Кончини!

– Кончини? В это невозможно поверить!

– И тем не менее это так!

– Отлично! Надо пойти и плюнуть трупу в лицо!

Когда же выяснилось, что фаворит королевы-матери спешно погребен, многие были разочарованы: парижанам хотелось в полной мере насладиться событием.

Таверны в тот вечер были переполнены. Горожане распевали непристойные куплеты про Марию Медичи и ее любовника. На рассвете кому-то в голову пришла мысль «пойти и сплясать на могиле этого мерзавца».

В семь часов утра две сотни перевозбужденных мужчин и женщин явились в Сен-Жермен-де-л'Оксерруа.

«Первым делом они стали плевать на могилу и топтать ее, – рассказывает Оноре д'Альбер, сеньор де

Кадене, младший брат герцога де Люиня. – После чего разгребли землю руками и добрались до каменной кладки»[135].

То, что произошло дальше, можно назвать вакханалией.

«Вскоре надгробный камень был поднят, и кто-то из толпы наклонился над раскрытой могилой. Он привязал веревку к ногам трупа, уперся ногами и начал тащить. Несколько священников, выбежавших из церковной ризницы, попытались вмешаться. Толпа накинулась на них так яростно, что им пришлось спасаться бегством. После исчезновения священников человек снова взялся за веревку, дернул в последний раз, и тело маршала оказалось на плитах. Толпа издала радостный вопль, и тут же шквал палочных ударов обрушился на труп, и без того изрядно изуродованный гвардейцами Витри. Бывшие в толпе женщины, истошно крича, принялись царапать мертвеца ногтями, бить по щекам, плевать в лицо. Затем его протащили до Нового моста и там привязали за голову к нижней части опоры. Опьяненный собственной смелостью народ стал отплясывать вокруг повешенного трупа безумный танец и на ходу сочинять непотребные песни. Дьявольский хоровод длился полчаса. И вдруг какой-то молодой человек подошел к трупу, держа в руках маленький кинжал, стрезал нос и в качестве сувенира сунул себе в карман. Тут всех охватила настоящая лихорадка. Каждому из присутствовавших захотелось взять себе хоть что-то на память. Пальцы, уши и даже "стыдные части" исчезли в мгновение ока»[136].

Каждый желающий получил свой кусок, затем озверевшая толпа отвязала труп и с безумными криками потащила его через весь Париж.

«Какой-то человек, одетый в ярко-красный камзол, – рассказывает сеньор де Кадне, – обезумев от злобы, запустил руку внутрь истерзанного трупа, вытащил ее всю в крови, слизал кровь и проглотил вырванные кусочки внутренностей. Все это происходило на виду у множества добрых людей, выглядывающих из окон. Кому-то удалось вырвать сердце, которое тут же было поджарено на костре и съедено всенародно с приправой из уксуса»[137].

Наконец останки Кончино Кончини вновь притащили на Новый мост и там сожгли в присутствии веселящегося люда.

* * *

Леонора Галигаи ненадолго пережила своего мужа. Ее предупредили, что за ней должны вот-вот прийти.

– Что такое? – не поняла она.

– За вами уже послали! Надо бежать! Нельзя терять ни минуты!

Но было уже поздно: в покоях флорентийки появился капитан де Витри в сопровождении группы вооруженных людей.

– Мадам, – сказал он. – Извольте следовать за мной. Вы арестованы.

Бросив взгляд на испачканный кровью мундир, Леонора все поняла. Собрав остатки сил, она все-таки спросила:

– А мой муж, что вы с ним сделали?

После этого она зарыдала, заставив людей де Витри содрогнуться. Это было похоже на истерику, которую никто не смог бы остановить. Бормоча что-то по-итальянски, Леонора бросилась к столику, на котором лежали ее драгоценности. Окрыв шкатулку, она начала запихивать кольца и ожерелья под матрас. Гвардейцы де Витри с ужасом наблюдали за ней. Чтобы положить конец тягостной сцене, капитан подошел к ней, но она набросилась на него и принялась царапать ему лицо. Только после этого гвардейцы схватили ее под руки и поволокли за собой.

В отношении Галигаи все уже было решено. Герцог де Люинь, мечтавший не только о власти, но и о том, чтобы завладеть имуществом Кончино Кончини и его супруги, решил, что она должна умереть. Но если Кончини просто убили, то Леонору планировалось предать суду. Однако существовало серьезное препятствие – в процесс могла вмешаться Мария Медичи. Ни герцог, ни король не могли допустить подобного. И тогда Леоноре Галигаи было предъявлено обвинение в колдовстве.

Естественно, никакой колдуньей она не была. Но тут же нашлись «свидетели», которые «своими глазами видели», как она гадала на черном петухе и внутренностях животных, а кое-кто даже утверждал, что она с помощью магических средств пыталась воздействовать на ход событий.

Несчастная женщина была брошена в Бастилию.

Капитан Николя де Витри на следующий день после ее ареста был провозглашен маршалом Франции. Можно сказать, ему

повезло – он был простым солдатом и всего лишь выполнял приказ, за что был щедро вознагражден. Дальнейшая судьба новоиспеченного маршала богата на повороты. Придя к власти, Ришельё отправит де Витри в Бастилию, после смерти кардинала этот человек будет выпущен на свободу и вскоре пожалован титулом герцога и пэра Франции, уже от имени короля Людовика XIV.

Девятого мая 1617 года Людовик XIII подписал указ о начале слушаний по делу Леоноры Галигаи. Через два дня она была перевезена из Бастилии в тюрьму Консьержери.

Во время переезда Леонора предложила сопровождающим за организацию ее побега двести тысяч дукатов. Без результата. Ее заперли в небольшой камере, охраняемой двумя гвардейцами. И вот настал день суда. На все вопросы она отвечала ясно и четко, не допуская двояких толкований своих слов. «Свидетелями» были некий конюший и каретник самой Леоноры. Они заявили, что их хозяйка имела целую коллекцию талисманов, восковых кукол и гороскопов королей и королев; что она неоднократно служила ночью обедни, принося в жертву черного петуха; что она, убивая голубей, пила их кровь; что она совещалась с колдуньей Изабеллой и чернокнижником евреем Монталло…

Прокурор спросил, что подсудимая может сказать в свое в оправдание.

Леонора горько усмехнулась:

– Вместо ответа позвольте спросить вас, где мы находимся – в просвещенной Франции или в средневековой Испании? В королевском парламенте или на суде инквизиции?

– Занимались ли вы гаданиями? – ровным тоном повторил прокурор.

– Да, занималась. Точно так же, как ими занималась королева, как занимаются тысячи придворных дам и простых людей.

– У вас были талисманы и гороскопы?

– Да, если считать таковыми восковые фигурки, найденные у меня. Но это – печати с изображением Агнца Божьего, полученные мною из Рима от Его Святейшества. Между ними и чародейством, я уверена, не может быть ничего общего.

– Сознавайтесь, вы приворожили королеву Марию Медичи, чтобы властвовать над нею?

– Если и так, – кивнула Леонора, – то все мои чары заключались исключительно в превосходстве моего ума над умом королевы и в очевидной пользе моих советов. Вы это хотели услышать?

– А откуда взялись ваши богатства?

– Богатства были пожалованы мне и моему покойному мужу самой королевой. А она, я полагаю, вольна использовать свою собственность так, как ей хочется.

Когда первое заседание закончилось, мнения судей разделились: самые благоразумные (их было меньшинство) находили, что обвинения, а главное – «доказательства» не выдерживают никакой критики. Господин Пайен даже просил уволить его из числа членов суда.

У Кондратия Биркина (таков псевдоним известного в XIX веке историка П. П. Каратыгина) по этому поводу читаем:

> «Следующее заседание происходило в Турнелле, здесь при допросах Леонора выказывала то же мужество и непреклонную твердость. На этот раз она обращалась к здравому смыслу своих судей, из которых весьма многие были обязаны ей или ее покойному мужу своим возвышением. Она требовала над собою суда правого и неподкупного. Заметим здесь, что женщина всегда и повсюду несравненно смелее перед законом, нежели мужчина; в деле тяжебном она терпеливее, настойчивее и доходчивее, не задумываясь ни перед какой инстанцией; заметив криводушие судей, она, не обинуясь, уличает их и, дав волю языку, не щадит кляузников. Эта гражданская отвага свойственна женщинам всех стран и веков, и чтобы убедиться в этом, стоит только перебрать несколько уголовных процессов, в которых главную роль играли женщины»[138].

В частности, Леонора сказала:

– Перед лицом Господа клянусь, что никогда не занималась колдовством. Я всегда была доброй католичкой и не имела никаких контактов с дьяволом.

Ее вновь спросили, откуда у нее столько драгоценностей:

– У меня нет ничего, – ответила она. – Говорят, что у меня множество сокровищ, но это лишь подарки королевы-матери. Все, что у меня есть, принадлежит ей, а я служила ей верой и правдой много лет.

Выслушав обвинение в преступных связях с Кончино Кончини, она сказала:

– Если мой муж и совершил какие-то ошибки, я за них не могу нести ответственность. К тому же он не жил со мной на протяжении последних четырех лет.

Когда допрос закончился, Леонора, понимая, к чему все идет, воскликнула:

– Пощадите меня! Я ни в чем не виновна! Я всего лишь

несчастная слабая женщина!

Но решение суда было предопределено заранее. Вот его подлинный текст:

> «Палата объявила и объявляет Кончино Кончини, при жизни его маркиза д'Анкра, маршала Франции, и Элеонору Галигаи, вдову его, виновными в оскорблении величества Божественного и человеческого, в воздаяние за каковое преступление приговорила и приговаривает память помянутого Кончини к вечному позору, а помянутую Галигаи к смертной казни обезглавлением на эшафоте, воздвигнутом на Гревской площади, а тело ее к сожжению с обращением в золу; движимое их имущество – к конфискации в пользу короны, все же прочие пожитки – в пользу короля. Сына преступников[139], рожденного ими в брачном сожительстве, палата объявила и объявляет лишенным честного имени и права занимать какие бы то ни было должности; дом, в котором преступники жили, срыть до основания и место его сровнять с землею»[140].

Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал.

Несчастная!

Осужденной дали немного хлеба и вина. Потом ее посадили в повозку и повезли к месту казни. В толпе кричали:

– Проклятая колдунья! Она – гугенотка, на ней нет креста!

Услышав это, Леонора достала из выреза нательный крест и поцеловала его. На эшафоте она крикнула, что прощает всех – короля, королеву, всех французов… Госпожа д'Анкр приняла смерть мужественно. Кондратий Биркин пишет:

> «Казнь эта происходила на Гревской площади 9 июля 1617 года. Весь Париж сбежался на давно не виданное зрелище, и не только улицы были наводнены народом, но любопытными были унизаны кровли домов и колокольни церквей. Ходила молва, что осужденная выслушала свой приговор с удивительным мужеством, не унизив себя ни мольбами о пощаде, ни проклятьями на судей и главного виновника своей гибели – де Люиня. Эту твердость большинство приписывало помощи бесовской; многие жалели, что колдунью не пытали при допросах; иные опасались, чтобы она с помощью чар не обратилась перед казнью в ворону или сову и не улетела от достойного наказания.
>
> В полдень процессия тронулась из Бастилии на

Гревскую площадь. Леонору везли на позорной телеге, одетую в длинный холщовый балахон, с восковою свечою в руках. Несчастная была бледна, глаза ее горели лихорадочным огнем, но лицо было почти спокойно, и на нем даже появлялась порой презрительная усмешка. Ропот и дерзкие крики толпы не доходили до ее слуха. В течение семилетнего владычества она убедилась многократным опытом, что любовь народная изменчива и непостоянна, как осенняя погода. Было время, этот самый народ приветствовал маршала и жену его восторженными криками, выражал им свою благодарность, тешась праздниками, которые они давали народу… Теперь все он же, все тот же народ, напутствует Леонору в вечность проклятьями и оскорблениями. Ему велели признать ее за колдунью, и он ее признал за таковую: если бы маршалу удалось возвести де Люиня на эшафот, парижане, проклиная де Люиня, благословляли бы маршала. В глазах толпы прав и достоин похвалы всегда тот, кто взял верх, хотя бы соперником его был сам праведник. Смерть маршала и жены его могла служить примером временщикам будущим… Но кто из них обратил внимание на этот пример? Да и сами Кончини, муж и жена, думали ли когда об измене счастия?

Твердой поступью Леонора взошла на эшафот, склонила голову на плаху… Топор сверкнул, и голова флорентинки рухнула на помост. Подхваченное железными крючьями, тело ее было брошено на костер, и через несколько минут его охватили клубы дыма и огненные языки. Народ рукоплескал и возглашал многие лета правосудному королю Людовику XIII»[141].

Даже сам кардинал де Ришельё в своих «Мемуарах» отзывается о Леоноре весьма положительно. Он, в частности, рассказывает:

«Отец ее был столяром, мать – кормилицей королевы; таким образом, она являлась молочной сестрой Ее Величества, старше той месяцев на пятнадцать или двадцать. Они росли вместе, с годами их дружба крепла: ее верность, заботливость, стремление услужить госпоже не знали себе равных; та платила ей нежной привязанностью, к тому же она [Леонора] так хорошо разбиралась в том, что увеличивает красоту девиц – нарядах и украшениях, что ее госпоже казалось,

будто другой такой же не сыскать в мире, и что если она потеряет эту, замены ей не найдется.

Это привело к тому, что она знала все секреты своей повелительницы. […]

Прибыв во Францию, Леонора немедленно была признана фавориткой королевы, которой без особого труда удалось добиться согласия на это у короля. Склонность к Кончино, зародившаяся в душе Леоноры еще во Флоренции, вкупе с недоверчивостью к французам, привели к тому, что она вышла замуж за Кончино, ставшего первым метрдотелем королевы; сама же Леонора была ее фрейлиной. […]

Леонора и ее супруг взлетели на вершину власти, заняв такие должности, которые до них и не снились чужестранцам.

Она держалась на вершине славы с такой простотой, что не заботилась о том, будут ли считать основным действующим лицом ее или ее супруга. При этом именно она была главной причиной и основой их удачного продвижении вверх, и потому, что именно ее любила королева, и потому, что пламя честолюбия ее супруга заставляло его поступать столь рьяно и неосторожно по отношению к королеве, что порой маршалу не хватало необходимой ловкости, дабы достичь чего-то желаемого. Она же легко доводила дело до конца; она не сообщала королеве о своих замыслах, не подготовив ее заранее, не подослав к ней одного за другим нескольких бывших на ее стороне лиц; кроме того, она использовала и министров, что нередко оборачивалось против них самих.

С самых первых своих шагов, скорее по причине низменности своего ума, которая определялась незнатностью ее происхождения, чем умеренностью ее добродетелей, она более стремилась к богатству, нежели к почестям, и какое-то время сопротивлялась неумеренным аппетитам супруга. […] Величие королевы, желавшей, чтобы роль ее ставленников в государственных делах была соотносима с ее собственным могуществом, а может быть, и злая судьба, устилавшая розами их путь, ведущий к падению, привели к тому, что их желания были полностью удовлетворены, и они получили все, о чем могли мечтать, – богатство, титулы, должности.

Однако росло недовольство ими: принцы, вельможи,

министры, народ ненавидели их и завидовали им. Первой лишилась былой смелости и стала подумывать о возвращении в Италию Леонора; ее супруг не желал этого. […] Разногласия и домашние ссоры с супругом, чьи устремления были противоположны ее собственным и пожеланиям окружающих, так подействовали на нее, что она лишилась здоровья. Разум ее пошатнулся: ей стало казаться, что все, кто смотрит на нее, желают ее сглазить. Она впала в такую тоску, что не только отказывалась беседовать с кем-либо, но и почти не виделась со своей госпожой. […]

Известие, что супруг решил отделаться от нее и уже подумывает о новой женитьбе на мадемуазель де Вандомм, добила ее окончательно. Поначалу маршал скрывал свои намерения, нанося ей краткие визиты по вечерам и одаривая маленькими подарками… Однако в конце концов он почти совсем перестал ее навещать, тем более что уже не зависел от нее, и оба они воспылали такой ненавистью по отношению друг к другу, что общались не иначе как взаимными проклятиями – скрытый знак несчастья, которое должно было свалиться на их головы.

Они были бы счастливы, если бы прожили в согласии и любви, если бы супруг благосклонно внимал советам жены, внушающей ему, что он поднял слишком большой парус для их маленького суденышка, и был бы способен спуститься с небес, куда взлетел из самых низов. […] Однако Господь, узревший в их поступках соблюдение ими собственных интересов вместо службы Государыне, пожелал, чтобы эти тщания стали причиной того, что их общее благо оказалось разрушено, а жизнь обоих оборвалась.

Думали, что преследование вдовы маршала должно было завершиться вместе с гибелью несчастной; однако сколь сложно измерить незаконно приобретенную власть, столь же трудно развеять злобу по отношению к той, которая превратилась из служанки в госпожу»[142].

Была ли Леонора Галигаи полностью невиновной? Конечно, нет! Невинны только младенцы и святые. Но и те, кто желал ее смерти, а потом обогатился за ее счет, были виновны в не меньшей степени. Уже на эшафоте у Леоноры спросили, каким колдовским путем она подчинила себе королеву. Понимая, что никаких шансов на спасение у нее не осталось, осужденная гордо

ответила:

– Превосходством, которое существо, сильное духом, всегда имеет над другими…

Глава XV
Ссылка Марии Медичи

Она оказалась пленницей в одном из королевских замков, а потом решилась бежать, выдавая себя за жертву перед европейскими дворами[143].

Бенедетта Кравери

Лишь после физического устранения фаворитов – Кончино Кончини и Леоноры Галигаи – наступила эпоха *настоящего* правления Людовика XIII, хотя королем он был провозглашен еще осенью 1614 года.

Его мать находилась под домашним арестом в Лувре, но это не могло длиться вечно. И дело не в том, что она досаждала сыну своим присутствием – содержать ее во дворце было опасно с политической точки зрения, ибо сторонники Марии (а их еще оставалось немало) только и ждали сигнала, чтобы приступить к активным ответным действиям, грозившим ввергнуть страну в новую кровопролитную войну.

Мария неоднократно пыталась встретиться с Людовиком, но всякий раз получала отказ. У нее не было никакой возможности переговорить и с Анной Австрийской (через свою невестку она надеялась хоть как-то воздействовать на сына) – герцог де Люинь бдительно следил за тем, чтобы у опальной королевы-матери не было никаких контактов с внешним миром. Оставалось дожидаться случая – Мария не верила, что Людовик останется равнодушным к ее мольбам.

И он не остался равнодушным – их встреча все-таки состоялась.

Однажды королева-мать увидела, что лица окружавших ее придворных угрюмы, казалось, они испытывают неловкость. Она догадалась, в чем дело, но постаралась совладать с собой.

– Не знаю, – сказала она дрогнувшим голосом, – угодны или нет мои действия Его Величеству, моему сыну… Если они ему не угодны, что ж, остается только сожалеть, но я уверена, придет

день, когда он убедится, что деяния мои были не бесполезны. Что же касается бедняжки Кончини, то я сожалею о душе его и о способе, которым королю предложили от него избавиться. А вот относительно дел государственных я скажу одно – я сама давно уже просила меня от них освободить…

Затем она обратилась к графу де Бриенну, новому государственному секретарю:

– Если мне придется уехать… Надеюсь, господин де Бриенн, вы будете доставлять мне все письма, которые государь, сын мой, будет писать в ответ на мои. Надеюсь, вы не позабудете, что я королева и мать вашего государя.

Де Бриенн молча поклонился.

В эту минуту громко объявили о появлении короля. Людовик вошел рука об руку со своим любимцем – герцогом де Люинем. Увидев сына, Мария Медичи не смогла удержаться от слез и закрыла лицо платком.

– Мадам, – сказал король, искоса бросив взгляд на де Люиня, – я пришел сюда проститься с вами. Я хочу уверить вас, что буду о вас заботиться, как должно заботиться о матери. Но я желал бы избавить вас от заботы участвовать в моих делах. Таково решение мое: чтобы кроме меня не было иных властителей в моем государстве. Прощайте…

Низко присев в поклоне, Мария ответила:

– Досадую, Ваше Величество, если во время моего регентства я не управляла государством так, как вам было бы приятно. Тем не менее, поверьте, я прилагала все возможные усилия и старания, а посему прошу вас считать меня всегда вашей покорной и послушной служанкой. Куда же ехать мне, в Мулен или в Блуа?

– Куда вам будет угодно.

– Хорошо, я уеду. Но перед отъездом смею ли я просить о милости, в которой, надеюсь, вы не откажете мне?

– Конечно, а в чем дело?

– Возвратите моего интенданта Барберини…

Король нахмурился. Освободить арестованного недавно Барберини и разрешить ему находиться подле Марии Медичи означало дать возможность итальянской партии усилиться.

Не дождавшись ответа сына, Мария обратилась к его фавориту:

– Герцог де Люинь, может быть, вы позволите отпустить Барберини со мной?

Герцог подошел и молча поцеловал край ее платья. Он не сказал «нет», но Мария поняла, что ее просьба не будет исполнена.

Сборы заняли не много часов, хотя по меркам того времени ехать предстояло довольно далеко. Замок Блуа (именно на нем остановила свой выбор Мария) стоял на берегу Луары, примерно в ста сорока километрах к юго-западу от столицы.

* * *

Первое упоминание об этом замке относится к IX веку. В течение двух с половиной веков им владели графы де Блуа, но в 1230 году он перешел к семейству де Шатийон, которое произвело кардинальную реконструкцию строений. После этого Фруассар, летописец XIV века, отмечал, что Блуа стал одним из самых прелестных мест в королевстве.

В1391 году Ги де Шатийон продал графство герцогу Людовику Орлеанскому. Его сын Карл устраивал в Блуа поэтические состязания, открытые для всех желающих, на которых бывал сам Франсуа Вийон, один из лучших французских поэтов. Сын Карла в 1498 году унаследовал французский престол под именем Людовика XII.

Именно он решил возвести в Блуа новую королевскую резиденцию – без тяжеловесных башен и брустверов, состоявшую из трех флигелей с аркатурными галереями. Большая часть комплекса была построена за десять лет. Его кузен и преемник Франциск I вновь перестроил замок.

Позднее замок Блуа стал сценой празднеств, драм и интриг времен Генриха II и Екатерины Медичи, а также трех их детей – королей Франции.

В одном из темных коридоров замка 23 декабря 1588 года был убит по приказу короля Генриха III глава Католической лиги герцог де Гиз[144].

Великие планы относительно Блуа были и у короля Генриха IV, однако ему не удалось воплотить их в жизнь.

Но каким бы прекрасным ни был замок, для Марии это была ссылка…

Королева-мать отправилась в ссылку 4 мая 1617 года. Как написал потом в своих «Мемуарах» кардинал де Ришелье, она «покинула Париж, чтобы снова быть запертой в другом месте, хотя и более просторном, чем то, которое она занимала в столице»[145].

Все утро того печального дня ей наносили визиты. Сторонники королевы-матери жалели ее, многие (в основном женщины) плакали, и эти слезы были красноречивее любых слов.

После завтрака Мария закрылась в своих покоях с самыми

близкими людьми – Франсуа де Боном (герцогом Ледигюйером, маршалом Франции), герцогиней д'Эльбёф, графом Луи де Марильяком (будущим маршалом Франции) и Франсуа де Бассомпьером.

– Что король? – спросила Мария Медичи у Бассомпьера.

– Он все о чем-то шепчется со своим *дрессировщиком птиц,* и вид у него вполне счастливый.

– Счастливый? Но, может быть, он поменял свое мнение? Может быть, он вышел из-под влияния этого ничтоженства? Ох! Если бы так и было, как бы я отблагодарила вас всех, мои верные друзья!

– Наш король – добрый человек, и я не верю, что он может забыть все то, что вы сделали для него, – сказал Луи де Марильяк.

– Да услышит Бог ваши слова, граф.

– И Он нас услышит! – воскликнул Франсуа де Бон.

В этот момент объявили о приходе Людовика.

Зная о том, что Мария хочет остаться с сыном наедине, придворные поспешили уйти.

Увидев короля (он, кстати, пришел не один, а в сопровождении своего фаворита), Мария зарыдала. Для нее это было необычно – ведь она была скупой на проявления чувств. Справившись с собой, она произнесла:

– Сын мой, нежная забота, которую я проявляла о вас, пока вы были совсем ребенком, трудности, которые я преодолевала, чтобы сохранить ваше государство, оправдывают меня перед Богом и людьми и свидетельствуют, что у меня не было иной цели, кроме соблюдения ваших собственных интересов. Я не раз просила вас принять на себя заботу о государстве, но вы сами настаивали на том, тобы я продолжала править. Я повиновалась исключительно из уважения к вашей воле, а также потому, что было бы низостью оставить вас в беде. Если вы считаете, что я недостойна места, куда могла бы с почетом удалиться, вы все равно не сможете отрицать, что я всегда стремилась обрести покой лишь в вашем сердце и славе своих дел. Я знаю, что мои враги превратно истолковали вам мои намерения и мысли; однако дай Бог, чтобы после того, как они воспользуются вашим малолетством, чтобы изгнать меня, они не постарались причинить вам зло. Только бы они не тронули вас… Что же касается меня, то я охотно забуду, что они сделали…

Слушая мать, Людовик молча кивал, но потом, наученный герцогом де Люинем, в который раз сказал, что как добрый сын будет уважать мать и впредь, но править государством отныне станет сам.

– Если мое присутствие в делах государства стало для вас

таким непереносимым, хорошо, я обещаю не появляться больше на заседаниях Совета! – еще громче зарыдала Мария.

Людовика эта сцена стала утомлять. Мария говорила с сильным итальянским акцентом, резавшим слух. Ища поддержки, он бросил взгляд на герцога де Люиня. Тот кивнул, и этого было достаточно. Решение о ссылке в Блуа обжалованию не подлежало.

– Но умоляю вас, – крикнула Мария, – я не переживу разлуку, ведь я так люблю вас! Люблю больше всего на свете!!!

Людовик, не знавший материнской ласки, горько усмехнулся. В словах Марии не было ни толики правды. В возрасте одного месяца Людовик был отправлен в Сен-Жермен-ан-Ле, на попечение кормилицы, и только когда ему исполнилось полгода, мать впервые соизволила обратить на него внимание. Как пишет историк Франсуа Блюш, она «открыто проявляла свою благосклонность к младшему сыну Гастону»[146]. Недостаток материнской любви (а вернее, ее полное отсутствие) сказался на психике Людовика. Начиная с отроческих лет, его влекло исключительно к мужчинам, и одна только мысль о пусть даже невинном физическом контакте с женщиной вызывала у него отвращение.

Когда Мария бросилась вперед, выказывая желание в последний раз обнять сына, Людовик ловко увернулся и отошел к двери. Говорить больше было не о чем.

И все же Мария не могла позволить сыну уйти просто так.

– Мой бедный сын, – гневно сказала она, – вы еще слишком молоды, и моим врагам удалось завлечь вас в свои сети! Вам не стыдно так обойтись со своей матерью! Это позор! Позор перед людьми и перед Богом! Что же, давайте, добивайте меня! Я поеду в вашу ссылку! Возможно, для меня это последнее путешествие… Прощайте, мой сын, и на пагубном пути, на который вас толкнули, постарайтесь не забывать, что я – ваша мать, и я ношу великое имя Медичи!

Когда Людовик ушел, Мария насухо вытерла слезы и вышла к ждавшим ее людям.

– Если мои поступки не понравились королю, моему сыну, то я уверена, что очень скоро он поймет, что они были направлены на его же благо, – произнесла она.

Потом она заговорила о том, что жалеет Кончино Кончини, и в этот раз ее слова были искренними. Также она заверила всех, что ее отъезд – это вовсе не ссылка, что она сама давно хотела удалиться от дел. Понятно, мало кто этому поверил, но все сделали вид, что именно так все и обстоит.

Садясь в приготовленную для нее карету, Мария сказала:

– Не хочу, чтобы мой народ видел во мне униженную

женщину. Я все-таки королева!..

После этого она отправилась в путь.

Ее кортеж выглядел достойно – никто бы и не подумал, что она едет в ссылку. Падкие до зрелищ парижане махали и кричали что-то приветственное. Мария была удовлетворена.

– Это же почти триумф! – сказала она сопровождавшей ее фрейлине.

Прощаясь с придворными, она не показывала каких-либо внешних признаков сожаления. Почему? Это объясняли по-разному. Одни тем, что королева-мать была потрясена обрушившимся на нее ударом; другие – свойством нации, к которой она принадлежала; третьи – силой ее ума и характера. Некоторые утверждали, будто Мария была сама бесчувственность, а герцог де Люинь, например, счел, что пламя мести сожгло ее сердце до такой степени, что вытеснило чувство жалости к самой себе.

Вместе с королевой-матерью в Блуа поехали ее дочери, Кристина и Генриетта-Мария. Первой было одиннадцать лет, второй – неполных восемь.

Кардинал де Ришельё впоследствии в своих «Мемуарах» описывал сцену отъезда Марии Медичи несколько иначе:

> «Она вышла из Лувра, одетая просто и в сопровождении всех своих слуг, с печатью грусти на лицах; и не было никого, кого бы эта скорбь, сродни похоронной, не потрясла бы. Видеть государыню, незадолго до этого полновластно правившую большим королевством, оставившей трон и следующей среди бела дня – а не ночью, когда темнота могла бы скрыть ее несчастье, – через толпу, на виду у всего народа, через сердце ее столицы, было поистине удивительно. Однако отвращение, испытываемое народом к ее правлению, было столь стойким, что в толпе даже слышались непочтительные слова, и это было солью для ее душевных ран»[147].

* * *

Одновременно с решением о ссылке Марии в Блуа отставку получил и дю Плесси, семья которого на тот момент владела лишь небольшим имением Ришельё в провинции Пуату. Прощаясь с будущим кардиналом, король не удержался и сказал:

– Наконец-то мы избавились от вашей тирании!

Самонадеянный юноша, разумеется, и представить не мог, что этот худощавый человек с остроконечной бородкой станет одним из самых знаменитых людей Франции, подлинным хозяином страны, и в мировой истории полностью затмит его, Людовика, своим сиянием.

Но до этого было еще очень и очень далеко.

В своих «Мемуарах» кардинал писал:

> «Я сопровождал королеву на выезде из Парижа, сострадая ее печалям, и не мог принять того, чем ее враги хотели одарить меня. Мне требовалось письменное разрешение короля ехать вместе с государыней, поскольку я опасался, что завистники сочтут меня виновным в пристрастии к ней, и то, что я сделал по собственной воле, будет свидетельствовать против меня. Я хорошо знал, сколь сложно удержаться от порицаний и зависти окружающих, находясь возле королевы, однако надеялся вести себя искренне и простодушно, дабы рассеять злобу, которую вызвал своим поступком» [148].

Как «искренне и простодушно» он будет вести себя рядом с Марией Медичи, мы очень скоро узнаем.

Пока же Арман Жан дю Плесси отважился возглавить Совет при опальной королеве, а также стать ее хранителем печати и интендантом. Собственно, «отважился» – это не то слово, ибо назначение он получил с одобрения двора. Будущий кардинал вообще имел смелость довольно специфическую. Пожалуй, ее можно назвать *благоразумной* смелостью, ибо он всегда продумывал детали и никогда не замахивался на дела, заведомо невозможные. В данном случае, он, например, надеялся на скорое примирение сторон и на возвращение вместе с королевой-матерью в Париж. Подобное примирение казалось более чем вероятным, а это значило, что ему оставалось лишь проявить терпение и ждать. К тому же роль главного посредника между королевой-матерью и королем была весьма выгодна и перспективна – хотя бы по той причине, что любое смягчение напряженности в их отношениях с неизбежностью ставило под угрозу положение главного противника дю Плесси – герцога де Люиня.

В Блуа Мария вела себя тихо и смиренно, и при дворе это было воспринято как полное признание поражения с ее стороны.

Герцог де Люинь вполне разделял общее мнение. Единственным человеком, который очень быстро разгадал, на что способна эта мстительная женщина, был Арман Жан дю Плесси.

Думая исключительно о своем собственном положении и

предвидя возможные последствия развития событий, он вступил в тайное сотрудничество с фаворитом короля. Из Блуа герцогу регулярно отсылались подробные отчеты о передвижениях и высказываниях Марии Медичи. Вы ошибаетесь, думая, что дю Плесси, развивая такую интригу, фактически шел по лезвию бритвы, – этот человек даже рисковать умел благоразумно, а в данном случае сила явно была на стороне короля. Что же касается Марии Медичи, то епископ был уверен, что она, как и все женщины, окажется снисходительной.

Сам он потом объяснял свои неблаговидные действия следующим образом:

> «Как только мы добрались до Блуа, я поспешил уверить господина де Люиня, что он не будет иметь поводов для недовольства Ее Величеством, и что все ее помыслы связаны лишь с благом государя, что случившееся больше не занимает ее мысли и что она совершенно оправилась от потрясения. Позже я время от времени отправлял ему отчеты о поступках королевы, чтобы у него не было никаких сомнений в ее лояльности»[149].

Вот, оказывается, как! Чтобы не было «поводов для недовольства Ее Величеством», чтобы «не было никаких сомнений в ее лояльности»! Право же, под личиной лицемерия порок и добродетель могут стать трудноотличимы друг от друга.

Всегда думавший лишь о своих собственных интересах, Арман Жан дю Плесси писал де Люиню ежедневно. Он, в частности, докладывал, что королева-мать каждый вечер ходит в один дом, стоящий на окраине Блуа. В этом доме, по данным епископа, жил некий пожилой господин. Дю Плесси рекомендовал арестовать этого господина, а заодно и молодого человека, всегда находившегося при нем. Предположительно это был ученый-астролог, с которым Мария регулярно консультировалась по поводу своего будущего. Существует, однако, и другая версия: что Мария посещала господина де Руврэ, ее парижского сторонника, тайно приехавшего в Блуа, чтобы уговорить королеву совершить побег.

В любом случае, когда люди герцога де Люиня пришли за ним, этого таинственного господина в доме не оказалось. В результате вся злоба была вымещена на королеве, которой запретили вечерние прогулки. Теперь за Марией следили постоянно, не оставляя ее без внимания ни днем, ни ночью.

Вскоре королеве-матери стало известно о соглядатайстве дю Плесси, и она совершенно справедливо назвала это «гнусным

шпионством». В результате ситуация в Блуа стала столь сложной и опасной, что уже 11 июня 1617 года будущий кардинал предпочел тайно удалиться к себе в Люсон.

Как водится, он нашел слова, чтобы объяснить свой поступок:

> «Любой ценой они желали удалить меня от государыни; однако их робость и неизобретательность, вызванные страхом, помешали им принять решение приказать мне устами Его Величества оставить государыню. Все их ухищрения прибавили к их недостаткам еще и дерзость; они решили отправить моему брату гонца, дабы он тут же отписал мне, прося уехать. Так он и поступил. Я поверил ему и рассудил, что лучше будет опередить их, и отпросился у королевы на некоторое время в Курсэ – приход, который был у меня возле Мирбо. Они нашли повод отправить мне туда 15 июня письмо от короля, в котором Его Величество заявлял, что доволен моим решением удалиться в свое епископство, и велел оставаться там до тех пор, пока он снова не призовет меня»[150].

Как видим, у таких людей, как Ришельё, во всем всегда виноваты ОНИ. ОНИ желали, ОНИ решили, ОНИ нашли повод…

У Марии Медичи по этому поводу было иное мнение. Узнав о бегстве главы Совета, она потребовала, чтобы он немедленно вернулся, но дю Плесси сказался больным, и что ему, дескать, нужно время для восстановления здоровья. Помогло интригану и то, что он получил приказ короля оставаться в епископстве (то самое, от 15 июня 1617 года).

Последующее объяснение Ришельё достойно того, чтобы привести его полностью:

> «Когда королева узнала о моем удалении, она отправила к королю епископа Безьерского с поручением передать следующее: она не может смириться с тем, что меня удалили от нее только для того, чтобы сделать ей неприятное и вопреки ее пожеланиям удержать меня. Она заявила, что очень удивлена, ибо знала: в течение всего этого времени я не давал повод быть удаленным; что ее окружают подозрительные люди, уверенные, будто в мыслях матери есть нечто против ее сына; что если Его Величество желает показать, что не доверяет этим наговорам и не стремится умножать их, то она умоляет его не поступаться его собственной славой и вернуть меня к ней; что эта просьба – одна из самых больших, с

коими она только могла к нему обратиться: выполнив ее, он явит себя послушным сыном, а его враги не смогут оскорбить ее, заявив, что она лучше умрет, нежели станет терпеть, и ее разум сможет отдохнуть – а именно отдыха она желает всеми силами, ибо после того, как она правила во всеобщее благо, она более ни в чем не нуждается в этом мире»[151].

Потрясающе! Как говорится, комментарии излишни…

Впрочем, один комментарий мы все же приведем. Вот, например, что пишет биограф кардинала де Ришельё Франсуа Блюш:

«Королева-мать, что говорит в ее пользу, поощряла и поддерживала своих сторонников. Вокруг нее вились всячески угождавшие ей дворяне из ее родни, которые позже разделили с ней черные дни (ссылку в Блуа, войны матери с сыном и т. п.). Сама Мария также была привязана к вернейшим своим слугам, и епископ Люсонский долгое время был ее любимцем. В мае 1617 года в Блуа он уже являлся главой Совета королевы-матери и хранителем ее печати; два года спустя (июнь 1619 года) он становится по совместительству сюринтендантом ее дворца и финансов. […] Поступая так, Мария Медичи имеет двойную мотивацию. Она хочет вернуться в правительство через парадный вход и рассчитывает иметь в лице епископа Люсонского безоговорочного союзника. Она – страстная натура, во всех отношениях легковерная и наивная; эмоции она мешает с серьезными планами; она либо любит, либо ненавидит. И недалек тот день, когда она возненавидит того, кого так любила и кто предаст ее»[152].

* * *

Как видим, предательство уже имело место, а до «возненавидит» пока еще было далеко.

Медичи отсылала письмо за письмом к Людовику XIII и к герцогу де Люиню. В письмах она возмущалась тем, что ей не доверяют. Она просила вернуть ей дю Плесси, думая, что тот поможет ей навести порядок в делах.

Эти страстные и одновременно полные разумных доводов послания ни к чему не привели, хотя прямого отказа (в том, что касается дю Плесси) Мария не получила. Герцог де Люинь

цинично сообщил ей, что королю-де наговорили про епископа столько дурных слов, что он не может согласиться на его присутствие возле матери. И вообще, король устал, и ему надо дать отдохнуть…

Все это было на руку будущему кардиналу. Мария торопила его с возвращением, а он, прикрываясь приказом короля, уверял королеву-мать, что и рад бы приехать, но боится навредить ей, и что он хочет «явить пример безусловного повиновения, чтобы заставить поверить всех, что его предыдущие поступки были искренними»[153].

Самым печальным было то, что большинство тех, кого Мария ранее осыпала деньгами и титулами, теперь выступали против нее. Действовали они так из банального страха, что их лишат пожалованного. Удивительно, но Арман Жан дю Плесси, человек, предавший королеву, потом скажет:

> «Среди людей, низких душой, такое поведение является обычным, однако недостойным истинного мужества»[154].

Не обладая еще реальной властью, но стремясь к ней, он вел себя, как слуга двух господ, ожидающий, что рано или поздно кто-то из них победит, и тогда он сможет сказать, что всегда поддерживал именно этого человека. Как любил говорить Наполеон, «неограниченная власть не нуждается во лжи»[155]. У дю Плесси неограниченной власти еще не было, и во лжи он нуждался. По большому счету, он был прав – цель оправдывает средства, а большая цель оправдывает не самые приглядные средства.

Марию Медичи в Блуа лишили практически всего. Если вдруг оказывалась вакантной какая-либо должность, ей не позволяли искать замену среди близких людей. Вместо дю Плесси, например, к ней приставили некоего господина де Руасси. В своих «Мемуарах» кардинал де Ришельё потом писал, что «это было сделано против ее воли, дабы он шпионил за всеми ее делами»[156]. Будто бы он сам не занимался тем же…

Господин де Руасси отмечал всех, кто входил к королеве-матери. Никто не мог побеседовать с ней без оповещения о теме беседы. Руасси приставлял к Марии ненавистных ей слуг, которые охотно свидетельствовали против нее. Естественно, все это делалось под прикрытием магической формулы: «Такова воля короля».

Королева-мать пыталась жаловаться сыну, но ей каждый раз отвечали, что король ничего объяснять не намерен. Что ж, короли действительно не обязаны разъяснять подданным свои решения. В

этом, собственно, и заключается их величие…

Что касается Армана Жана дю Плесси, то он пробыл в Люсоне до 7 апреля 1618 года, а потом получил приказ, инспирированный герцогом де Люинем, никогда не веривши в благие намерения епископа, выехать в ссылку в Авиньон, который тогда еще не входил в состав Франции, а был под властью папы Римского. А вот сам Рим, как вариант места ссылки, был отвергнут по причине того, что предоставлял слишком большой простор для возможных интриг.

В результате будущий кардинал покинул Люсон и потратил почти месяц на то, чтобы пересечь Францию с запада на восток. От Люсона до Авиньона по прямой – пятьсот пятьдесят километров. Преодолеть их за месяц – это надо было «постараться». Впрочем, недаром древние говорили: «Торопись медленно». Папская курия, с которой это перемещение даже не обсуждалось, явно была недовольна тем, что светская власть удалила епископа из его епархии, но в то же время опасалась быть втянутой во внутрифранцузские политические раздоры.

Итак, Мария Медичи оставалась в Блуа, а Арман Жан дю Плесси оказался в Авиньоне.

Биограф кардинала де Ришельё Энтони Леви пишет:

> «В начале 1619 года карьера дю Плесси достигла своей низшей точки, пусть даже его опала, как и у королевы-матери, была относительно мягкой. Ему было тридцать четыре года. Двор пренебрежительно называл его Люсоном и считал не более чем провинциальным епископом. Он был полезен несколько недель, в течение которых помогал королеве-матери обустроиться в изгнании, но эта деятельность, равно как и близость к Кончини, также делала его вызывающей подозрения, предположительно инакомыслящей и потенциально опасной фигурой для герцога де Люиня, который систематически унижал Марию Медичи. Хотя опасность, которую дю Плесси представлял для королевского фаворита, казалась не столь значительной и уравновешивалась возможностью того, что он мог принести пользу в любых переговорах с Марией Медичи, все-таки де Люинь предпочел отправить его в Авиньон и забыть о нем.
>
> Мы можем лишь приблизительно представить, каково было душевное состояние дю Плесси в то время. В Люсоне он целиком посвятил себя роли епископа-реформатора, церковного писателя и католического

полемиста. Даже после своего фиаско, закончившегося отъездом в Авиньон, он мог вполне обоснованно надеяться на выдающуюся карьеру церковного деятеля. Однако опала была вполне реальной, а регулярные отказы, которые он получал в ответ на свои просьбы о возвращении, – угнетающими. В конце концов он уже успел вкусить чувство глубокого удовлетворения, которое ему доставило пребывание в Совете, а опыт подсказывал ему, что его практические навыки как в политике, так и в дипломатии были гораздо более высокого уровня, нежели те, которые он проявлял, когда на первых порах навязывал свои услуги только что овдовевшей регентше. С другой стороны, он должен был понимать, что изгнание, которому вряд ли суждено было продлиться вечно, все-таки оставляет ему некоторую свободу выбора.

У него не конфисковали имущества, и худшее, чего мог ожидать дю Плесси, – это оставаться не у дел до тех пор, пока не рассеется недоверие де Люиня, а это, несомненно, должно было произойти – после того как со временем королева-мать и ее сын примирятся друг с другом. Даже если бы де Люинь стал противиться возвращению дю Плесси в обозримом будущем, папа не мог бесконечно терпеть изгнание епископа, мешавшее ему выполнять свой пастырский долг, особенно учитывая заметную роль, которую дю Плесси, пусть и недолго, играл в делах своей страны»[157].

* * *

Между тем Людовик XIII в действительности не имел ни ума, ни подлинного желания для того, чтобы самому заниматься государственными делами.

Франсуа де Ларошфуко в своих «Мемуарах» характеризует его так:

«Король Людовик XIII отличался слабым здоровьем, к тому же преждевременно подорванным чрезмерным увлечением охотой. Недомогания, которыми он страдал, усиливали в нем мрачное состояние духа и недостатки его характера: он был хмур, недоверчив, нелюдим; он и хотел, чтобы им руководили, и в то же время с трудом переносил это. У него был мелочный ум, направленный

исключительно на копание в пустяках, а его познания в военном деле приличествовали скорее простому офицеру, чем королю»[15в].

В результате король полностью попал под влияние герцога де Люиня, который, в государственном масштабе, фактически заменил собой убитого Кончино Кончини, фаворита Марии Медичи.

По совету герцога Людовик вернул старых министров: Николя Брюлара де Сийери, Николя де Вильруа, Пьера де Жаннена и других.

Со временем герцог де Люинь стал обладателем самых высоких титулов Франции и даже вознамерился породниться с Людовиком, женившись на его сводной сестре – Екатерине-Генриетте, незаконной дочери Генриха IV и Габриэль д'Эстре, родившейся в 1596 году. Но этот дерзкий брак все-таки не состоялся, и фавориту в 1617 году пришлось довольствоваться другой женой, которая впоследствии стала весьма известной особой. Речь идет о изумительно красивой и авантюрной по натуре Марии де Роган де Монбазон, дочери герцога де Монбазона, владевшего огромными землями в Бретани и Анжу.

После смерти герцога де Люиня в 1621 году король вышлет ее из Парижа, но через некоторое время Мария вернется, выйдя замуж за Клода Лотарингского, герцога де Шеврёз. Став главной фрейлиной и ближайшей подругой Анны Австрийской, она отдаст много сил борьбе против короля и кардинала де Ришельё. По сути, она была одной из центральных фигур в водовороте придворных интриг Франции первой половины XVII века.

Глава XVI
Война между матерью и сыном

Она страстная натура, во всех отношениях легковерная и наивная; эмоции она мешает с серьезными планами: она либо любит, либо ненавидит. И недалек день, когда она возненавидит того, кого так любила и кто предаст ее[159].

Франсуа Блюш

В феврале 1619 года Мария Медичи совершила побег из Блуа. План побега был задуман одним из ее сторонников, герцогом д'Эперноном.

В начале феврале герцог д'Эпернон покинул город Мец, где жил в изгнании, и направился на юго-запад страны, в сторону Ангулема. В Ангулеме он собрал войска, которые повел к Лошу, защищенной крепости в шестидесяти километрах от Блуа.

В Блуа один из людей д'Эпернона приставил с дороги к стене замка лестницу и сумел пробраться в покои королевы-матери, которые находились примерно в сорока метрах от земли.

Ночь с 21 на 22 февраля была мрачная и холодная. В комнатах и коридорах замка было темно, и охрана безмятежно спала. В покоях Марии Медичи царил такой же непроглядный мрак, как и во всем замке.

– Не будем терять времени! – прошептал посланец герцога.

Тучная королева-мать с его помощью кое-как выбралась из окна, спустилась по лестнице на вал, но не смогла заставить себя ступить на вторую лестницу, которая показалась ей шаткой. Тогда с помощью веревок, прикрепленных к плащу, наскоро было сооружено что-то вроде люльки. Марию усадили в нее и осторожно спустили вниз. В сопровождении двух людей д'Эпернона она преодолела несколько сотен метров до моста через Луару. По пути им встретились солдаты короля, но они приняли Марию за обыкновенную проститутку с парой подвыпивших клиентов. За рекой беглянку ждал герцог

д’Эпернон, сто пятьдесят всадников которого стоили целого полка королевских телохранителей.

Естественно, герцог д’Эпернон действовал не один. Его поддержал ряд видных дворян, недовольных возвышением герцога де Люиня. Среди них назовем герцога де Лонгвилля, готового поднять восстание в Нормандии, и герцога де Тремуйя из Бретани.

Почувствовав поддержку верных ей людей, Мария быстро собрала армию и двинулась на Париж. Так началась первая война между матерью и сыном, которую различные историки называют и «нелепым военным противостоянием», и «необычным столкновением», и «странным конфликтом», поразившим множество «благочестивых и добрых французов», как католиков, так и протестантов.

Но продвижения на Париж не получилось, ибо силы Медичи «оказались ничем по сравнению с королевской армией»[160].

Армия мятежников остановилась, затем развернулась на юго-запад и в течение целого года находилась сначала в Ангулеме, а потом в Анже, откуда Мария и ее сторонники призывали всех французов «повлиять на короля», чтобы тот изгнал герцога де Люиня и прекратил начатые им преобразования в стране.

Королевский двор, находившийся в Сен-Жермене, пришел в панику. С одной стороны, «гранды» (так называли мятежных представителей высшего дворянства) могли довести дело до гражданской войны; с другой – гугеноты тоже могли поднять восстание; к тому же поддержать опальную королеву могла Испания. Наконец, и это было бы самым страшным, могли реализоваться все указанные факторы.

* * *

Но… де Люинь посоветовал королю привлечь к разрешению конфликта Армана Жана дю Плесси.

Двадцать седьмого марта 1619 года состоялась примечательная встреча епископа с королевой. Ранее у нее уже побывали граф Филипп де Бетюн и ученый-богослов Пьер де Берюль. Перед ними стояла задача всеми правдами и неправдами отдалить Марию от герцога д’Эпернона, но очернить герцога в ее глазах не получилось. Мария написала несколько писем своему сыну, в которых оправдывала свой побег и излагала собственные взгляды на управление государством. При дворе, тем не менее, продолжали рассматривать ее бегство из Блуа как похищение, совершенное «проклятым д’Эперноном».

Окружение королевы смотрело на прибывшего епископа с нескрываемым подозрением. Они-то не покинули Марию в Блуа и вынуждены были сносить все унижения; понятно, что дю Плесси был для них «изменником», «человеком де Люиня», «представителем противоположного лагеря». Однако (и в этом следует отдать ему должное) епископ умел дипломатично «не замечать» косые взгляды.

При поддержке красноречивого Пьера де Берюля дю Плесси быстро достиг соглашения, которое не лишало королеву-мать надежды со временем вернуться в Париж.

Соглашение, фактически мирный договор, было подписано в Ангулеме. Заметим, что речь шла не об отступлении короля, чья армия уже стояла в нескольких километрах от города, убежища Марии Медичи, а лишь о желании сына примириться с матерью. Хитроумный дю Плесси выполнил свою миссию блестяще, да так, что обе стороны остались довольны, думая, что он отстаивает именно их позиции. В благодарность за эффективное посредничество король позволил матери сделать Армана Жана дю Плесси своим канцлером, а та с готовностью вновь приблизила к себе человека, которого еще совсем недавно все в ее окружении называли «гнусным шпионом».

Позже это соглашение было широко представлено в качестве триумфа епископа. В самом деле, по нему Мария получила право на так называемые «места безопасности»: города Анже, Шинон и Пон-де-Се, которые имели стратегическое значение благодаря мостам через Луару (правда, ей пришлось отказаться от Нормандии). Конечно, было бы лучше, если бы ей отдали крупный город Нант, в устье Луары, но договориться об этом не получилось. «Спаситель» Марии герцог д’Эпернон был восстановлен во всех правах.

Биограф кардинала Энтони Леви пишет:

> «Дю Плесси приободрил Марию Медичи, завершив меморандум заявлением о том, что если она, живя без интриг в выданном для нее месте, по-прежнему будет подвергаться гонениям, он первым заявит о том, что власть в государстве подчинена личным интересам, с явным намеком на то, что король в таком случае потеряет свой авторитет. Этот меморандум был важен потому, что, во-первых, успокаивал враждебные чувства в окружении королевы-матери, а, во-вторых, свидетельствовал о том, что дю Плесси, который вовсе не был жадным до власти заговорщиком, прежде чем исполнить свое обещание забыть о верности

> богоданному монарху, должен получить морально веские основания сделать это. Таким основанием могло стать упомянутое незаконное преследование. Между партией дю Плесси, теперь уверенно главенствовавшей, и старым окружением королевы-матери случались столкновения. Дю Плесси договорился о том, чтобы его брата Анри сделали губернатором Анже»[161].

Согласиться с утверждением, что Арман Жан дю Плесси «вовсе не был жадным до власти заговорщиком», трудно. Другой, не менее известный биограф кардинала, Франсуа Блюш, утверждает, что его постоянной заботой было «остаться верным своей благодетельнице, при этом максимально угождая Людовику XIII»[162]. Разве это не принято называть предательством? Относиться к Арману Жану дю Плесси можно по-разному, но то, что он всегда действовал, следуя принципу «цель оправдывает средства», – бесспорно.

Отметим также и то, что упомянутый брат епископа очень скоро повздорил с неким гвардейским капитаном Шарлем де Лозьером. Были обнажены шпаги, и в ходе поединка, больше похожего на уличную драку, Анри дю Плесси был смертельно ранен.

Едва пережив потерю, человек, который «вовсе не был жадным до власти заговорщиком», стал «подтягивать» наверх других своих родственников и друзей: Амадор де Ла Порт (брат матери) был назначен губернатором Анже, маркиз де Брезе (муж сестры) стал капитаном гвардейцев, а позже – маршалом Франции и т. д. Таким образом, дю Плесси формировал базу для того, чтобы и дальше диктовать свою волю при дворе.

Пятого сентября 1619 года в замке Кузьер, близ Тура, состоялась встреча Людовика XIII с матерью. Они обнялись, и Мария даже смахнула со щеки набежавшую слезу. В тот же день они вместе поехали в Тур, и последующие дни были отмечены охотой и пирами, сменявшими друг друга. Арман Жан дю Плесси находился среди почетных гостей. Герцог де Люинь вынужден был выказывать ему свое расположение, хотя прекрасно знал цену «этому пройдохе». Что же касается дю Плесси, то и он не питал в отношении де Люиня никаких иллюзий. «Свет не видал большего обманщика, чем месье де Люинь, – вспоминал он потом. – Он давал обещания, не только зная, что не будет их выполнять, но и заранее зная, чем это затем оправдает».

Шестнадцатого октября 1619 года Мария в сопровождении десятитысячного эскорта торжественно въехала в Анже. Ей был отведен один из самых красивых дворцов в городе.

А затем произошло событие, которое повергло двор Медичи в настоящее уныние: Людовик освободил принца де Конде и снял с него все обвинения. Репутация королевы-матери после этого оказалась запятнанной злоупотреблением властью, поскольку именно она заключила принца в тюрьму в 1616 году.

Принц де Конде тут же стал весьма воинственным союзником герцога де Люиня. Это тем более не понравилось королеве-матери, считавшей принца своим личным врагом.

Не радовали и новости, поступавшие из Парижа: в частности, новым воспитателем младшего сына Марии Гастона был назначен д'Орнано, человек де Люиня…

С этого момента напряжение между Людовиком XIII и его матерью вновь стало расти, более того, дело шло к вооруженному столкновению. Принять участие в разгорающемся конфликте выразили желание и гугеноты, заинтересованные в беспорядках любого рода. В окружении королевы-матери все чаще звучали призывы к решению всех проблем вооруженным путем. Арман Жан дю Плесси будет называть это принципом «демонстрации силы» или политикой «с позиции силы». В самом деле, ведь армию вовсе не обязательно приводить в боевую готовность исключительно для ведения войны. Желанной цели можно достичь и не прибегая к оружию – для этого нужно показать возможному противнику всю свою мощь и решимость сражаться.

В Анже с целью предотвратить столкновения с большой делегацией духовенства отправился кардинал Жак дю Перрон. Но и это не помогло. Установившийся династический мир закончился, и 7 июля 1620 года началась вторая война между матерью и сыном, которую историк Франсуа Блюш характеризует как «одну из самых коротких и наименее кровавых войн в мире»[163].

Герцог де Люинь, поддерживаемый советниками еще Генриха IV, настаивал на переговорах, а принц де Конде – на открытых военных действиях, и король склонился на его сторону.

В результате 10 июля войска Людовика взяли Руан, 17-го – Кан, а 7 августа мятежники, недовольные возвращением принца де Конде, были разгромлены королевской армией при Пон-де-Се.

В этом сражении Людовик XIII лично командовал войсками. Язвительный писатель XVII века Жедеон Таллеман де Рео не удержался от комментария:

> «Он был немного жесток, как и большинство замкнутых и малодушных людей, ибо правитель наш доблестью не отличался, хотя и желал прослыть отважным»[164].

На стороне Марии Медичи выступали герцог Вандомский (первый сын Генриха IV и его фаворитки Габриэль д'Эстре), герцог д'Эпернон, герцог де Рец, герцог Мэнский, герцог де Немур, герцог де Монморанси и граф де Суассон. Королю помогал маршал Шарль де Креки.

К несчастью для Марии, герцог де Рец со своим полуторатысячным отрядом ушел с поля боя. Таким образом, армия королевы-матери сократилась на треть. Оценив неравенство сил, герцог Вандомский также предпочел ретироваться. Дальнейшее для опытного маршала де Креки было, как говорится, «делом техники»: лишенная командования армия Медичи была рассеяна в течение пятнадцати минут.

Жедеон Таллеман де Рео описывает произошедшее следующим образом:

> «…Затем произошла смехотворная стычка при Пон-де-Се; барон де Фене довольно едко отзывается о ней, да и название, которое дали этому бесподобному походу, достаточно подтверждает, что все это была пустая затея. Ботрю командовал пехотным полком, выступившим на стороне королевы-матери; однажды он сказал ей: "Что до пехотинцев, государыня, то людей, твердых на ногу, нам хватает, а вот поди поищи таких, кто был бы тверд и духом"»[165].

Некоторые историки называют стычку при Пон-де-Се «беспорядочной перестрелкой», некоторые – «шалостью при Пон-де-Се».

На следующий день, 8 августа, Людовик XIII торжественно вступил в Анже, а еще через день в дело вмешался Арман Жан дю Плесси и вновь уладил все полюбовно: король помирился с матерью, что было зафиксировано договором от 10 августа 1620 года. После этого Марии было разрешено вернуться в Париж, где она поселилась в специально построенном для нее по образцу флорентийского дворца Питти Люксембургском дворце.

Строительство Люксембургского дворца велось довольно долго. Если вы еще помните, старый Лувр Марии сразу не понравился, и она озаботилась строительством более удобной резиденции, расположенной в живописном месте, на лоне природы. Ее выбор пал на владение герцога Люксембургского. О покупке особняка, окруженного прелестным садом, договориться удалось без труда. Однако особняк показался Марии недостаточно большими, и она сочла своим долгом расширить владения. Вскоре королева-мать отправила гонца к своей тетке, великой герцогине Тосканской, с просьбой прислать чертежи

дворца Питти, где прошло ее детство. Чертежи были переданы модному в то время архитектору Саломону де Броссу, и тот сумел увязать предложенную модель с французскими традициями.

Дворец получился очень красивым, но даже в нем Мария чувствовала себя как в тюрьме.

Биограф Марии Медичи Пьер-Викторьен Лоттен де Лаваль по поводу мира, заключенного между матерью и сыном, пишет:

> «Ришельё сыграл в этом деле постыдную роль. Королева была вновь предана и вновь вынуждена сдаться на милость своего гонителя… Она вновь стала заложницей своего сына»[166].

Помимо прочего, договор 1620 года ознаменовал новые отношения между герцогом де Люинем и Арманом Жаном дю Плесси. Демонстрируя всем «союз, основанный на общности интересов», они договорились о браке между племянником де Люиня Антуаном де Комбале и племянницей дю Плесси Мари-Мадлен (дочерью его старшей сестры Франсуазы). Пышная свадьба была отпразднована в конце ноября в Лувре; Мария Медичи щедро одарила новобрачную.

* * *

Весной 1621 года Государственный совет принял решение начать войну с протестантами, окопавшимися в Беарне, на родине Генриха IV. Дело в том, что Протестантская уния, созданная для противостояния католической партии, отказалась признать присоединение Беарна к французской короне. Более того, гугеноты на юго-западе Франции взялись за оружие под предводительством герцога де Рогана.

Людовик XIII, привыкший хвататься за шпагу, когда ему казалось, что его авторитету наносится ущерб, лично поехал в Беарн, дабы покончить с творившимися там беспорядками, наладить сбор налогов и возвратить отнятое имущество католическому духовенству.

Герцог де Люинь выступал за компромисс, но его влияние на короля начало ослабевать, а вот влияние принца де Конде, сторонника активных действий, напротив, возрастало. В результате 17 мая Людовик XIII выступил в поход. Восемнадцатого мая он начал осаду Сен-Жан-д'Анжели, и 24 июня город сдался.

Семнадцатого августа королевская армия начала осаду Монтобана. Удивительно, но командование было поручено

герцогу де Люиню, совершенно несведущему в военных делах. В результате протестантская армия, направленная на помощь Монтобану, смогла войти в город. Тогда герцог де Люинь попытался вести секретные переговоры с осажденными, но это лишь навлекло на него гнев короля.

Пятнадцатого ноября Людовик приказал снять осаду Монтобана, но остался на юге, чтобы завершить усмирение мятежников.

Двенадцатого ноября 1621 года герцог де Люинь осадил маленькую гугенотскую крепость Монёр на Гаронне, а через месяц он заболел «пурпурной лихорадкой» (вероятнее всего, скарлатиной или чумой, бродившей по армии) и умер буквально через несколько часов.

Считается, что Шарль д'Альбер, герцог де Люинь очень вовремя отошел в мир иной, так как король устал от него и больше не скрывал этого от своих приближенных.

Современники рассказывают, что никто даже не навестил заболевшего, а после похорон Людовик XIII признался одному из своих приближенных, что смерть де Люиня сделала его свободным. В результате о бывшем фаворите очень скоро все забыли.

* * *

В 1621 году, после смерти де Люиня, Мария снова заняла свое место в Государственном совете.

Кончина герцога облегчила путь наверх и Арману Жану дю Плесси, имевшему все причины ненавидеть фаворита короля и принижать его роль перед потомками. Поначалу епископ стал простым членом Государственного совета, но очень скоро выдвинулся на должность министра. Кроме того, 5 сентября 1622 года он наконец получил сан кардинала.

Косвенно этому способствовала Мария Медичи. Весной 1622 года Арман Жан дю Плесси выступил в защиту королевы-матери на Государственном совете. Влиятельные люди Франции слушали его с опаской, зная цену этому человеку. После заседания государственный секретарь маркиз Пьер де Пюизье подошел к Марии и стал убеждать ее отправить своего протеже в Рим. План де Пюизье был прост: отдалив дю Плесси от королевы-матери, лишить ее опытного подсказчика, без которого она была бы не так опасна, и одновременно убрать из Франции самого реального претендента на место рядом с троном. Арман Жан дю Плесси решил переиграть де Пюизье и заявил Марии о своем согласии

уехать. И… 5 сентября 1622 года он был возведен в Риме в кардинальский сан.

Как видим, даже самый заметный политик в истории Франции делал свою феноменальную карьеру с помощью женщины.

Историк Ги Шоссинан-Ногаре пишет:

> «Людовик перешел в наступление, и приверженцы его матери потерпели поражение в битве при Пон-де-Се 7 августа 1620 года. Последовало новое примирение, и ей позволили вернуться в Париж. Там, к собственному удовлетворению, ей удалось в 1622 году добиться у короля незначительной роли для себя. Это была первая брешь, через которую она надеялась (а вместе с ней и Ришельё) быстро ворваться во власть. И действительно, она добилась введения в Совет Ришельё, то есть, как она очень наивно полагала, себя самой. Когда Ришельё сделался главой Совета, она расценила это как собственный триумф. Но Ришельё, возвыситься которому помогла королева-мать, ради удовлетворения своих амбиций сделался слугой короля, его душой и телом»[167].

С известным историком можно согласиться лишь частично. В самом деле, взлетев на такую высоту, кардинал де Ришельё перестал нуждаться в еще более растолстевшей флорентийке. Однако он не «сделался слугой короля душой и телом» – он обратил свой проницательный взгляд на жену Людовика, королеву Анну Австрийскую.

Другое дело, что двадцатилетний король просто не мог долгое время обходиться без поводыря, а это значило, что в его окружении тут же началась борьба за место скончавшегося герцога де Люиня.

Глава XVII
Проблемы кардинала де Ришельё

Остаться верным своей благодетельнице, при этом максимально угождая Людовику XIII, – вот его постоянная забота […]. Ришельё претендует на то, чтобы убедить потомков, что именно ему Франция обязана быстрым и счастливым окончанием двух семейных войн. Обещание, а затем и получение кардинальской шляпы станет компенсацией за его осторожность и гибкость[168].

Франсуа Блюш

Наиболее реальным претендентом считался принц де Конде. Но ведь был еще и Арман Жан дю Плесси, теперь – великий кардинал де Ришельё!

Отныне положение этого человека изменилось. Он уже не был полуссыльным изгоем, как раньше. С ним были вынуждены считаться все, причем не только члены Государственного совета.

Что касается парижского общества, то в нем возвышение дю Плесси было встречено вполне доброжелательно. Известный придворный поэт Франсуа де Малерб писал одному из своих друзей:

> «Вы знаете, что я не льстец и не лжец, но клянусь вам, что в этом кардинале есть нечто такое, что выходит за общепринятые рамки, и если наш корабль все же справится с бурей, то это произойдет лишь тогда, когда эта доблестная рука будет держать бразды правления»[169].

Однако Людовик все еще присматривался к протеже матери, не доверяя ему полностью. Ришельё знал об этом и не сидел сложа руки. Тогдашний венецианский посол докладывал своему

правительству:

> «Господин кардинал де Ришельё здесь единственный, кто противодействует министрам. Он прилагает все усилия для того, чтобы возвысить себя в глазах короля, внушая ему идею величия и славы короны»[170].

Хорошо изучив характер Людовика, кардинал сделал упор на тщеславие молодого короля, на его желание походить на знаменитого отца. Очень часто в присутствии Людовика он повторял такие слова, как «величие», «родина», «слава»…

Вскоре кардиналу удалось убедить короля в полной несостоятельности его министров – Шарля де ла Вьевиля, Брюлара де Сийери, де Пюизье и других.

Действительно, внутренняя обстановка во Франции была неблагополучной. Повсеместно тлели, готовые в любой момент разгореться, очаги недовольства. Серьезно был подорван и международный престиж Франции, отказавшейся от союза с германскими протестантскими княжествами из религиозно-идеологической солидарности с Габсбургами. Ничего удивительного – на протяжении последних лет как внутренней, так и внешней политикой Франции занимался кто угодно, только не тот, кто умел этим заниматься.

И вот тут-то Людовик XIII разглядел в де Ришельё человека, который может спасти Францию. Он все чаще стал спрашивать у него совета и вскоре уже не мог обходиться без его подсказок.

Наконец настал день, когда король предложил де Ришельё возглавить Совет и самому определить его состав.

Тринадцатого августа 1624 года маркиз де ла Вьевиль (ранее он выполнял функции первого министра) был арестован, и кардинал занял его место. На этом посту он бессменно пробудет 18 лет, 3 месяца и 20 дней – вплоть до самой кончины.

До ареста ла Вьевиля в Государственный совет входили Мария Медичи, престарелый герцог де Ларошфуко (отец Франсуа де Ларошфуко), герцог де Ледигьер (перешедший в католичество гугенот), канцлер Этьен д'Ал игр и еще несколько секретарей, которые открывали заседания докладами о текущем состоянии дел в королевстве. В принципе, ни один приказ не вступал в силу, пока его не утверждал король, чью подпись удостоверял соответствующий секретарь. Когда король отсутствовал, его кресло занимал канцлер.

Кроме королевы-матери и канцлера никто из членов Государственного совета не имел преимуществ над остальными. Теперь же кардинал де Ришельё получил такие полномочия, что

затмил канцлера, который считался высшим должностным лицом, возглавлявшим королевскую канцелярию и архив, а также хранившим государственную печать.

На заседаниях обновленного Государственного совета Ришельё не выпячивал своей роли. Напротив, он делал все для того, чтобы создать видимость, будто всеми делами государства отныне управляет король, и только король. Его идея была проста: если все решения Совета будут санкционированы лично королем, то обвинить министров, и прежде всего самого де Ришельё, за допущенные промахи будет невозможно.

При этом кардинал знал, что Людовик XIII не способен к самостоятельным поступкам и тем более к изнурительному каждодневному труду, а это значило, что истинным творцом политической линии будет он сам – де Ришельё.

* * *

В течение 1624 года кардинал де Ришельё практически прибрал к рукам власть в Государственном совете, а по большому счету и во Франции.

Его первым важным дипломатическим успехом стала договоренность о браке сестры Людовика XIII Генриетты и принца Уэльского, с 1625 года короля Англии и Шотландии Карла I Стюарта. Тем самым возрождалась продуманная внешняя политика Франции, практически сошедшая на нет после смерти Генриха IV, которому первому пришла в голову мысль о желательности подобного союза. Переговорам способствовал и неослабевающий энтузиазм Марии Медичи, также желавшей этой свадьбы.

Брачный контракт был подписан 17 ноября 1624 года. По этому поводу Мария устроила грандиозный прием в своем любимом Люксембургском дворце, для которого великий Рубенс только что завершил серию из двадцати двух картин о жизни вдовствующей королевы.

Отвлечемся ненадолго от нашего повествования и отметим: когда Рубенс представлял Марии эскизы этих ныне широко известных картин, он очень волновался.

– Вот здесь, – говорил он с заметным фламандским акцентом и дрожью в голосе, – изображена…

– Моя коронация! Это же очевидно. А здесь?

– Регентство и правление королевы.

– Чудесно… Ну, а здесь?

– Э… мадам, здесь показан апофеоз короля Генриха IV..

Мария поморщилась:

– Серия картин, посвященных королю, заказана отдельно. Зачем тут это… Ведь возникает некоторая двусмысленность… Кстати, а когда вы планируете все закончить?

Рубенс весь напрягся:

– Мадам… Ваше Величество… Вы должны понять, что это огромный труд, и в моей мастерской в Антверпене, где у меня почти три десятка помощников и учеников…

– Перебирайтесь в Париж, – нетерпеливо перебила его Мария, – и работайте с таким количеством людей, которое вам может понадобиться. Даю вам полгода!

– Всего полгода? Но смилуйтесь!

– Не умоляйте понапрасну, месье Рубенс! – отрезала Мария. – Ваши прекрасные творения вознесут вас на вершину славы, подумайте об этом.

Рубенс справился с поставленной задачей. Да ему и не оставалось ничего другого, как справиться. Он прекрасно знал, что спорить с женщинами – это все равно что черпать воду решетом. А с такими женщинами, как королева-мать, спорить было вообще бесполезно…

После приема в Люксембургском дворце Мария Медичи и Анна Австрийская сопровождали Генриетту и приехавшего за ней герцога Бэкингема до Амьена, где красавец Бэкингем и Анна ухитрились остаться наедине и дать повод заговорить об их увлеченности друг другом.

Последствия этой истории, хорошо известной по произведениям Александра Дюма, оказались не самыми приятными для Анны. Бэкингему запретили появляться во Франции, и это зародило в душе у молодой женщины глубокую антипатию к кардиналу де Ришельё, который был, как она считала, главным виновником всей этой провокации.

Отношения с Англией были установлены, но это явно не предполагало улучшения отношений с Испанией. В результате кардиналу пришлось балансировать между необходимостью уважать происпанские чувства в окружении Марии Медичи и растущей заинтересованностью в союзе с англичанами. В то время Испания и Англия пылали ненавистью друг к другу, и кардиналу, несмотря на всю его хитрость, так и не удалось примирить эти державы. В результате в 1625 году отношения Франции с Англией стали ухудшаться (особенно когда стало ясно, что брак Генриетты и Карла никуда не годится). Не все гладко у Франции было и с Испанией, недовольной заключенным браком.

Обстановка в самой Франции также обострялась. Количество недовольных правлением кардинала де Ришельё росло, капризная

и непредсказуемая Мария поддержала оппозицию, и это вновь стало угрожать единству королевства.

Кардинал чувствовал, что наступил решающий момент его политической карьеры: на него одновременно навалились и груз королевского доверия, и ощущение все увеличивающегося разрыва между его собственным политическим мышлением и взглядами Марии Медичи, уходящими корнями в оголтелый католицизм.

Раньше он озвучивал свои идеи голосом Марии Медичи, теперь аналогичным образом строил свои отношения с Людовиком. Достигнуть равновесия было крайне сложно, тем более что молодой король всегда и во всем стремился отстаивать свою независимость от матери.

* * *

В сущности, картина была безрадостной: слабость королевской власти при наличии мощной оппозиции, внутренняя разобщенность страны, оскудевшая казна, непоследовательная, пагубная для интересов Франции внешняя политика… Как исправить положение? На этот счет у кардинала были совершенно определенные намерения. Заручившись доверием короля, он методично расправился со всеми своим противниками.

При этом члены королевской семьи (за исключением Марии и Людовика) испытывали к нему враждебность.

Гастон, младший брат Людовика, с целью усиления своего влияния плел бесчисленные заговоры. Двадцать пятого апреля 1626 года ему исполнилось восемнадцать лет. Он был весьма приятным внешне юношей, любимцем Марии Медичи, но при этом безалаберным и беспутным. Что же касается амбиций, то у него они были такими же непомерными, как и у его матери.

Многим казалось вполне вероятным, что рано или поздно Гастон станет королем Франции. Между Анной Австрийской, которой уже исполнилось двадцать пять, и Людовиком XIII почти не было супружеских отношений, и к 1626 году надежды на наследника по прямой линии ослабели. Естественно, в таких условиях вопрос женитьбы Гастона приобретал особую политическую важность. Останься он холостяком, трон мог бы перейти к принцу де Конде из королевского рода Бурбонов или к его детям.

Чтобы легче понять всю сложность ситуации, напомним, что Бурбоны – это младшая ветвь дома Капетингов, династии французских королей, названной по имени ее основателя, Гуго

Капета, правившей во Франции с 987 по 1328 год. После смерти короля Карла IV эта линия пресеклась, и корона перешла к Филиппу VI из рода Валуа, которого Карл IV, умирая, назначил регентом королевства. Представители дома Валуа правили во Франции вплоть до 1589 года.

Бурбоны же происходили от младшего сына короля Людовика IX Святого, правившего в XIII веке. Последним Валуа на французском троне был Генрих III, убитый 2 августа 1589 года. Сменивший его Генрих IV, муж Марии Медичи, был уже из династии Бурбонов.

Титул принца де Конде впервые достался Людовику де Бурбону, дяде Генриха IV. Нынешний принц де Конде был внуком Людовика де Бурбона, и он вполне мог претендовать на трон.

Такая возможность была чревата политической нестабильностью – все то, к чему так усердно стремился кардинал де Ришельё, легко могло разрушиться.

С одной стороны, Гастон был достаточно честолюбив для того, чтобы захватить власть, но с другой – в нем не было таланта политического деятеля. Понятно, что это (второе) вполне устраивало кардинала. Но если бы Гастон женился и обзавелся потомством мужского пола, вряд ли кардинал смог бы сохранить свое положение. К тому же ему было бы затруднительно принести клятву верности легкомысленному и вздорному монарху, влюбленному в собственное величие. А раз так, Ришельё долго не решался высказаться в пользу брака Гастона.

Но этого очень хотела Мария Медичи. Еще за два года до своей смерти Генрих IV выбрал в невесты младшему сыну Марию де Бурбон, герцогиню де Монпансье, одну из богатейших наследниц Франции[171]. Гастон, когда подрос, находил Марию де Бурбон малопривлекательной особой, но его мать была горячей сторонницей именно этого брачного союза, и кардиналу де Ришельё ничего не оставалось, как начать действовать в этом направлении. Вокруг принца де Конде тут же возникла партия противников этого брака, а всеобщее неприязненное отношение к кардиналу еще более возросло.

В итоге Гастон Орлеанский все же женился на герцогине де Монпансье, но она вскоре умерла при родах дочери Анны (впоследствии литературный салон мадемуазель де Монпансье привлекал многих интеллектуалов того времени).

В начале 1626 года правительству стало известно, что зреет большой заговор, в состав которого входили многие видные дворяне, а также незаконнорожденные сыновья Генриха IV, всегда испытывавшие враждебность к Людовику XIII. Дальше – больше: оппозиционеры установили контакт с англичанами, в чьих

отношениях с кардиналом де Ришельё именно в этот момент наступило резкое охлаждение.

Кардинал, естественно, проинформировал обо всем и короля, и его мать. Для большей надежности он усилил личную охрану.

В конечном счете заговор был разоблачен, а его участники примерно наказаны.

Тридцать первого мая Мария Медичи вынудила Гастона подписать клятву верности своему брату.

Вроде бы все завершилось благополучно, но произошедшие события так измучили кардинала де Ришельё, что он даже попытался уйти в отставку. Однако его прошение, переданное королю через Марию Медичи, было отклонено. Девятого июня 1626 года он получил от Людовика XIII письмо с благодарностями, подписанное в Блуа:

> «Я знаю все причины, по которым вы хотите уйти на покой. […] Я питаю к вам полное доверие, и у меня никогда не было никого, кто служил бы мне на благо так, как это делаете вы. Это побуждает меня просить вас не уходить в отставку, ибо в этом случае дела мои пошли бы плохо… Не обращайте никакого внимания на то, что о вас говорят.
>
> Я разоблачу любую клевету на вас и заставлю любого из тех, кто желает быть членом моего Совета, считаться с вами. Будьте уверены, я не изменю своего мнения. Кто бы ни выступил против вас, вы можете рассчитывать на меня»[172].

А через десять дней после этого стало известно, что герцог Бэкингем отдал приказ об отправке в Ла-Рошель флота с несколькими тысячами солдат. При этом он заявлял, что его цель – заставить французского короля уважать права гугенотов – граждан Ла-Рошели. Естественно, французские гугеноты воспряли духом и активизировались.

Подобный поворот событий потребовал срочного отъезда Людовика XIII и Ришельё из Парижа на юго-запад страны. Вскоре король сильно заболел. Кардинала и самого мучили бесконечные мигрени, но он день и ночь проводил у постели больного короля, ухаживая за ним. Еще бы! – ведь он ни на минуту не забывал о том, что смерть Людовика повлечет за собой восшествие на престол его брата Гастона.

Правление в Париже было передано Марии Медичи, а кардиналу де Ришельё пришлось сконцентрироваться на обороне западного побережья Франции. Ситуация для него явно перестала быть предсказуемой. Опыта управления войсками у него не было,

а гугеноты, поддерживаемые англичанами, показали, что у них-то такого опыта предостаточно. Фактически, это была гражданская война, главным событием которой стала осада мятежной Ла-Рошели.

* * *

Пока кардинал де Ришельё находился под Ла-Рошелью, в Париже сформировался «женский» заговор против него. Произошло это следующим образом.

Мария слышала о том, что Анна Австрийская ищет аудиенции, и пригласила ее к себе.

Анна склонилась в глубоком реверансе:

– Вы были так добры, мадам, что согласились принять меня…

Королева-мать снисходительно улыбнулась. Кто бы что ни говорил, но в глубине души флорентийки всегда оставалась толика доброты. К тому же она не видела в невестке сколько-нибудь серьезной соперницы. Более того, в сложившейся ситуации она надеялась найти в ней союзницу. Это был испытанный прием: высматривать себе опору только среди просителей. Конечно, такая методика часто давала сбои. И самый роковой сбой произошел с этим исчадием ада, Ришельё. При одной только мысли о кардинале Мария готова была плеваться, как торговка на рынке. Слава богу, что сейчас он находился у стен Ла-Рошели. Там же был и ее слабовольный сын Людовик, мешая всем и раздражая профессиональных военных. «Игра в солдатики» – таково было мнение Марии об участии сына в этой войне. Разве можно по-другому назвать его жалкие попытки командовать войсками? Ну, Людовик таким был всегда, и ждать от него чего-то выдающегося не приходилось. Но каков же оказался Ришельё! Он вкрался в доверие к ее сыну, полностью завладев его мыслями и поступками! Это ведь он сделал ничтожную войну настолько привлекательной для короля, что тот уже много месяцев околачивался вблизи Ла-Рошели. Да, его жене можно посочувствовать…

Продолжая улыбаться, Мария указала Анне на кресло подле окна. Они находились в Люксембургском дворце, где ее невестка, постоянно проживавшая в Лувре, бывала не часто. Окруженная со всех сторон шпионами кардинала, она боялась собственной тени. Да еще эта история с герцогом Бэкингемом…

– Вы так бледны, дочь моя. Вам бы следовало поехать к Ла-Рошели, где мой сын Людовик мог бы вас навешать.

– Я просила, даже умоляла его об этом, – со вздохом ответила

Анна, – но Его Величество отказал мне. И если я бледна, мадам, то это от слез и одиночества.

– Мой сын робок и слаб, а такие люди обычно бывают мстительны. Он наказал вас за то, что вы вызвали блеск в глазах этого пройдохи англичанина. Поверьте, король сходит с ума от ревности. Очень жаль, кстати, что ваш супруг не уделяет вам внимания. Сколько раз я говорила ему об этом. Но вы же понимаете, он теперь меня не слушает. Совсем другой голос нашептывает ему на ухо и днем, и ночью…

Мария произнесла то, ради чего, собственно, пригласила Анну к себе, и ее простодушная сноха моментально проглотила наживку.

– Я знаю… – тихо произнесла она. – Этот голос все шепчет и шепчет, отравляя мозг короля и настраивая его против меня. Он будит в Луи все новые и новые подозрения, придумывает все новые и новые запреты… И все для того, чтобы сломить мой дух. Но его не сломить, мадам! Во всяком случае, до тех пор, пока меня поддерживает ваша дружба и привязанность ко мне!

Когда Анна смахнула слезу, Мария погладила ее по плечу. Все-таки она была достаточно впечатлительна… Иногда.

– Дорогая моя дочь, поверьте, я ваш друг. Мы оба, я и мой сын Гастон, сочувствуем вам. С вами обращаются постыдно, и я разделяю ваше мнение о том, кто является главным виновником всего этого.

– Не могли бы вы заступиться за меня? – прошептала Анна. – Король так любит вас, мадам, он вам всем обязан. Все годы, пока он был ребенком, вы правили страной, бескорыстно служа его интересам. Он обязан прислушаться к вам, если вы заступитесь за меня.

Мария нахмурилась:

– Да, Людовик обязан мне всем, но он забыл об этом. Он даже позволил убить моего бедного Кончино Кончини… О, тогда он был совсем еще мальчишкой, но, тем не менее, осмелился пойти на это. Боюсь, он никогда не испытывал благодарности ко мне. Думаю, мой сын завидует мне, потому что я знаю, как надо управлять государством, а он – нет. Теперь же он меня вообще не слушает, и знаете почему? Во всем виноват Ришельё! Эта змея запустила свои ядовитые зубы в нас обеих! Клянусь Богом, я уже устала от этого человека! Вы просите меня заступиться за вас перед Людовиком? Но из-за этого дьявола он не станет меня и слушать! Советую вам в следующий раз, когда кардинал приедет в Париж, броситься к его ногам и умолять простить вам Бэкингема… Клянусь, это будет куда эффективнее, чем все мои аргументы, вместе взятые…

– Многие мне так говорили, – ответила Анна. – Но я никогда не сделаю этого. Я ненавижу и презираю это ничтожество. Этот выскочка должен быть уничтожен!

– Какие громкие слова, – усмехнулась королева-мать, – смотрите, чтобы ему их не передали.

– Я уже ничего и никого не боюсь! И… вы, мадам, создали этого человека! Вы возвысили его! А теперь он перешел на другую сторону и отбросил вас, как ненужную вещь. Мадам, вы не должны мириться с этим.

Мы обе – королевы Франции, и мы должны объединить наши усилия, чтобы свалить этого человека. Одна я беспомощна. Но вместе мы можем стать таким препятствием на пути кардинала, которое он не сможет преодолеть.

– О, да, – кивнула Мария. – Мать и жена – союз достаточно сильный, чтобы при благоприятных обстоятельствах устранить кардинала. Это правда, дочь моя, мы должны объединиться, вы и я! У меня есть права настаивать на том, чтобы Людовик помирился с вами. Желание матери видеть счастливый брачный союз сына естественно, и я буду настаивать – нет, даже требовать! – чтобы он снял с вас все ограничения.

– Да и я могу быть полезна, – горячо подхватила Анна Австрийская. – Я встречусь с послом и заручусь поддержкой Испании, буду помогать вам всеми доступными мне способами, чтобы низвергнуть виновника наших несчастий в пропасть, О мадам, с тех пор, как я приехала во Францию, вы всегда были так добры ко мне! Помогите мне сейчас, и, быть может, мы еще обе будем счастливы!

– Обязательно, обязательно, – пообещала Мария. – И помните, дорогая, еще вот о чем: он не будет жить вечно. Мы и раньше говорили об этом. Да и мой сын слаб не только душой, но и телом. Придет день – прекрасный день! – когда Франция, надеюсь, получит другого, лучшего короля, рука которого будет свободна. – Наслаждаясь результатом, произведенным ее словами, она потрепала Анну по щеке и кивнула. – Ради этого дня стоит надеяться. С ним придет окончательное решение наших проблем. И до той поры, дочь моя, давайте объединим наши усилия для борьбы против общего врага!

– С этого момента, – торжественно заявила Анна, – мы с вами, мадам, – одно целое. И пусть кардинал де Ришельё остерегается…

* * *

Дальнейшие события также хорошо известны по

произведениям Александра Дюма. Двадцать третьего августа Джордж Вильерс, первый герцог Бэкингем был убит неким Джоном Фелтоном, служившим под его началом. Двадцать девятого октября войска кардинала де Ришельё вошли в Ла-Рошель, и английский флот убрался восвояси. Двадцать четвертого апреля 1629 года был подписан мир с Англией, а 28 июня 1629 г. был издан эдикт, устанавливающий, что отныне гугеноты не будут иметь во Франции никаких политических прав; в обмен на крепости они получали полную амнистию и гарантию религиозных свобод.

Казалось бы, теперь кардиналу можно было облегченно вздохнуть. Но не тут-то было. В Париже партия «политических католиков», пользовавшаяся поддержкой Марии Медичи, выразила свое недовольство достигнутыми соглашениями. Но еще более Мария Медичи была возмущена тем, что на заседании Государственного совета кардинал де Ришельё изложил свое мнение о том, что политические интересы Франции требуют немедленной посылки войск в Италию.

В Италию! На ее родину! Да как он посмел!

Собственно Италии, в нынешнем понимании этого слова, тогда не существовало. Было много разных королевств, герцогств и графств, в том числе Великое герцогство Тосканское и герцогство Мантуанское. Конечно, кардинал де Ришельё собирался послать войска не во Флоренцию, а в Мантую, но в Мантуе правили представители рода Гонзага, породнившиеся в 1584 году с родом Медичи (родная сестра Марии Медичи Элеонора вышла замуж за герцога Виченцо I Гонзага). В 1611 году Элеонора умерла, спустя год умер и ее супруг, а в конце декабря 162*7 года бездетным скончался и последний их сын.

Смерть Виченцо II Гонзага поставила кардинала де Ришельё перед необходимостью принимать жесткие решения. На трон в Мантуе теперь претендовали герцог Неверский (ставленник Франции), князь Гуасталлы (ставленник Габсбургов), а также герцог Савойский (с ним Испания имела договор о разделе маркизата Монферрато). Подобные претензии в то время неизбежно приводили к войне.

Эмиссары из Франции убедили находившегося при смерти герцога Мантуанского подписать завещание, по которому подвластные ему территории переходили герцогу Неверскому. В марте 1629 года французские войска вторглись во владения герцога Савойского и принудили его к союзу с Францией. Император Священной Римской империи Фердинанд II вмешался в этот конфликт, и его войска после длительной осады взяли Мантую, принудив герцога Неверского к капитуляции. Однако

немецкие князья, несмотря на удачное начало, категорически отказались поддержать этот поход, и в октябре 1630 года император вынужден был заключить мир.

В итоге французской дипломатии удалось закрепить владения мантуанских герцогов за герцогом Неверским, а заодно получить от герцога Савойского город Пиньероль и ведущую к нему военную дорогу – важный для Франции плацдарм на пути в Италию. Война завершилась победой Франции.

Но все это произойдет в 1631 году, а пока же, в декабре 1628 года, вышеназванное заседание Государственного совета обозначило окончательный разрыв между Марией Медичи и кардиналом. Дело в том, что Людовик XIII, вняв совету Ришельё, решил заняться ситуацией в Италии и лично возглавить армию. Он назначил свою мать регентшей и во главе армии выступил из Парижа. Отбыл с ним и де Ришельё, а когда в сентябре 1629 года кардинал вернулся обратно, королева-мать была с ним оскорбительно холодна.

Не улучшала положения кардинала и растущая антипатия двадцатилетнего Гастона Орлеанского. И это не говоря о том, что Анна Австрийская терпеть не могла ироничного фаворита мужа, который лишил ее какого-либо влияния на государственные дела.

* * *

Обнаружив, что в союз против него объединились сразу две королевы, кардинал де Ришельё впервые в жизни растерялся. Обе по своему положению находились за пределами его власти. Это означало, что по отношению к ним он должен был применить иное оружие.

Напомним, что после женитьбы Людовика XIII на Анне Австрийской дю Плесси (тогда простой епископ Люсонский) был назначен духовником Анны.

Женщины в жизни Людовика XIII никогда не играли большой роли. Более того, согласно утверждению его биографа Пьера Шевалье, король «имел глубокие гомосексуальные наклонности»[173], которые сдерживались лишь его набожностью и боязнью греха.

Анна Австрийская быстро поняла, что ее брак не будет счастливым. И это действительно было так: брак двух подростков, заключенный против их воли, из чисто политических соображений, просто не имел шансов быть счастливым.

Девочка, ехавшая в Париж с надеждой на веселую и радостную жизнь, погрузилась в печальное одиночество. Король

открыто игнорировал ее, и некоторое время казалось, что у них так и не будет наследника. Писатель XVII века Жедеон Таллеман де Рео пишет:

> «До того как она забеременела Людовиком XIV, король спал с ней очень редко. Это называлось "класть подушку", ибо обычно королева себе ее не клала. Когда королю сообщили, что королева беременна, он сказал: "Должно быть, это еще с той ночи". Из-за каждого пустяка он принимал подкрепляющее, и ему часто пускали кровь; это никак не улучшало его здоровья»[174].

Но потом случилось чудо, и 5 сентября 1 б3Д года Анна Австрийская, к великой радости подданных, произвела на свет дофина Людовика (будущего Людовика XIV). В 1640 году она родила еще одного сына – Филиппа Орлеанского.

О том, от кого родились эти дети, существует множество версий. Некоторые, например, открыто указывают на кардинала де Ришельё, якобы влюбленного в королеву. Не вдаваясь в подробности, заметим лишь: а кто при дворе не был влюблен в прекрасную испанку? С другой стороны, как совершенно справедливо отмечает Франсуа Блюш, тот был «слишком поглощен публичными делами, слишком озабочен своим долгом, слишком ревнив к своей власти, чтобы рисковать положением ради любовных интрижек»[175].

Между тем, Людовик XIII с каждым годом все больше и больше привязывался к кардиналу. Тот же Франсуа

Блюш называет этот политический тандем «согласием, которое среди бесконечных случайностей способствовало единству суверена и его министра»[176].

Биограф Людовика XIII Луи Тодьер утверждает, что полномочия де Ришельё «превосходили полномочия коннетабля, это была настоящая передача королевской власти. А придворные даже поговаривали, что Людовику XIII была оставлена лишь одна прерогатива – лечить золотуху»[177].

А Вольтер, отмечая всемогущество кардинала, делает заключение:

> «Ему не хватало только короны»[17s].

Анна Австрийская, как мы уже говорили, терпеть не могла кардинала де Ришельё. А что же кардинал? Франсуа Блюш утверждает:

> «Если красота Анны Австрийской и волновала его,

> его отношения с ней чаще всего заключались в том, чтобы умаслить ее, в попытках шпионить за ней, в постоянном стремлении отвлечь ее от тоски по испанскому прошлому и сделать большей француженкой. То есть в основном это была политика»[179].

Относительно того, как развивались отношения могущественного кардинала с Анной Австрийской, Франсуа де Ларошфуко в своих «Мемуарах» пишет:

> «Все, кто не покорялся его желаниям, навлекал и на себя его ненависть, а чтобы возвысить своих ставленников и сгубить врагов, любые средства были для него хороши. Страсть, которая издавна влекла его к королеве, превратилась в озлобленность против нее. Королева чувствовала к нему отвращение, а ему казалось, что у нее были другие привязанности. Король был от природы ревнив, и его ревности, поддерживаемой ревностью кардинала, было бы совершенно достаточно, чтобы восстановить его против королевы»[180].

Итак, тут все понятно. Кардинал просто стравил Людовика XIII с его женой (все перипетии этого «стравливания» весьма подробно и красиво описаны Александром Дюма) и очень умело свел на нет все ее влияние.

Конечно, Анна Австрийская жаждала мести и готова была ввязаться в любую интригу, направленную против кардинала. В 1626 году, например, она имела отношение к заговору герцогини де Шеврёз и маркиза де Шале, задумавших заколоть кардинала в его летнем дворце. Заговор был раскрыт, маркиза казнили, а герцогиню отправили в ссылку. Кстати сказать, именно тогда кардинал получил право завести для охраны собственных гвардейцев. Что касается Анны Австрийской, то она едва упросила мужа не отправлять ее в монастырь.

С Марией Медичи дело обстояло иначе.

Биограф Марии Мишель Кармона называет динамику ее отношений с кардиналом де Ришельё «великим разрывом».

Сам кардинал писал:

> «Я – ее ставленник. Это она возвысила меня, открыла путь к власти, даровала мне аббатства и бенефиции, благодаря которым из бедности я шагнул в богатство. Она убеждена, что всем я обязан ей, что она вправе требовать от меня абсолютного повиновения и что у

меня не может быть иной воли, кроме ее собственной. Она не в состоянии понять, что с того самого дня, когда она поставила меня у штурвала корабля, я стал ответствен только перед Господом Богом и королем… Душой и умом она тяготеет исключительно к католической политике. Для нее безразлично, что Франция была бы унижена. Она не может примириться с тем, что, сражаясь с протестантизмом внутри страны, я в то же время поддерживаю союз с ним за ее пределами… У нее претензии женщины и матери: я помешал ей передать Монсеньору (Гастону Орлеанскому), который, увы, возможно, унаследует трон, право на управление Бургундией и Шампанью. Я не могу допустить, чтобы охрана наших границ попала в столь слабые руки. Она считает меня врагом ее дочерей на том основании, что одну из них я выдал замуж за протестантского государя (Карла I Английского), а с мужьями двух других – королем Испании и герцогом Савойским – нахожусь в состоянии войны. Все разделяет нас, и это навсегда. Будущее зависит только от воли короля»[181].

В двух последних фразах заключен главный смысл. С одной, впрочем, оговоркой: всю свою жизнь кардинал будет заботиться о том, чтобы его собственная воля выглядела как королевская воля, от которой зависит будущее.

Глава XVIII
Окончательное поражение Марии Медичи

Она никогда больше не вернулась во Францию: Людовик XIII отказался слушать ее мольбы, возобновлять отношения с ней и ограничился, уже после ее смерти, лишь переносом ее останков в Сен-Дени[182].

Бенедетта Кравери

Как могла относиться ко всему этому сама Мария Медичи? Историк Ги Шоссинан-Ногаре отвечает на этот вопрос так:

> «Мария чувствовала себя одураченной и хотела только одного: добиться смещения де Ришельё»[183].

А Франсуа де Ларошфуко в своих «Мемуарах» пишет:

> «Уже тогда говорили о размолвке между королевой-матерью и кардиналом де Ришельё и предугадывали, что она должна повести к весьма значительным последствиям, но предугадать, чем это все завершится, было еще нелегко. Королева-мать поставила короля в известность, что кардинал влюблен в королеву, его супругу. Это сообщение возымело действие, и король был им чувствительно задет. Больше того, казалось, что он расположен прогнать кардинала и даже спросил королеву-мать, кого можно было бы поставить вместо него во главе правительства; она, однако, заколебалась и никого не решилась назвать, то ли опасаясь, как бы ее ставленники не оказались королю неприятны, то ли потому, что не успела договориться с тем, кого хотела возвысить. Этот промах со стороны королевы-матери явился причиной ее опалы и спас кардинала. Король, ленивый и робкий, страшился бремени государственных

дел и не желал потерять человека, способного снять с него этот груз»[184].

Кардинал же, получив в свое распоряжение достаточно времени и необходимые средства, сумел рассеять ревность короля и оградить себя от происков его матери. При этом, по словам Франсуа де Ларошфуко, «еще не чувствуя себя в силах сломить ее, он не упустил ничего, что могло бы поколебать ее положение. Она же, со своей стороны, сделала вид, что искренно помирилась с ним, но ненависть к нему затаила навсегда»[185].

Шанс для решительного отмщения представился кардиналу в 1630 году, когда король едва не умер от дизентерии. По свидетельству все того же Франсуа де Ларошфуко, король занемог «настолько опасно, что все сочли его болезнь безнадежной»[186].

В самом деле, 22 сентября у Людовика поднялась температура, и он был уложен в постель. Мария не отходила от него. Жар усиливался, ежедневные кровопускания ничего не давали, и доктора начали серьезно опасаться за его жизнь. Людовик попросил своего духовника сказать, не умирает ли он, и отец Сюффрен дал понять, что некоторые основания для беспокойства действительно есть. Собрав все силы, король исповедался и попросил о последнем причастии.

Двадцать девятого Людовику стало еще хуже, и он приготовился к смерти, помирившись с матерью и попросив передать своим подданным, что просит у них прощения. Доктора не были уверены, что король доживет до следующего дня…

Вокруг только и говорили, что во всем виноват кардинал де Ришельё, что это он подверг опасности жизнь короля, настояв на экспедиции в Италию. Придворные гадали, каким будет состав Совета после смерти короля и восшествия на престол Гастона. Сможет ли Анна Австрийская выйти за него замуж? Будет ли Ришельё отправлен в ссылку, заточен в тюрьму или же казнен?

Но… Людовику вдруг стало лучше.

* * *

Убедившись в том, то опасность миновала, Мария попыталась поговорить с ним.

Для поддержки она взяла с собой Гастона, предварительно накачав его наставлениями типа «Будь тверд, дорогой мой мальчик» или «Мы знаем, чего хотим, и, клянусь Богом, добьемся этого».

– Я буду тверд, как скала, – пообещал Гастон.

В своей мстительной решимости уничтожить ненавистного им кардинала они были удивительно похожи друг на друга

Людовик чувствовал себя еще очень слабым. Когда он появился, Мария шагнула навстречу, и они холодно поприветствовали друг друга.

Гастон поцеловал старшему брату руку, но так, что это выглядело скорее как оскорбление, а не как почтение. Побагровев, король устремил свой взгляд на мать.

– Мне бы хотелось, чтобы наш разговор был приватным. Как у матери с сыном и как брата с братом. С позволения Вашего Величества, конечно…

– Да, да, я понимаю, – кивнул Людовик. – Но в этом случае прошу вас снизить накал воинственности. По вашему лицу я вижу, что вы озлоблены. Вижу также, как недоволен Гастон. Клянусь, я сыт по горло подобными сценами!

После этого Людовик опустился в кресло и уставился на собственные туфли, что делал всегда, когда сильно волновался. Мария подошла к нему. Рядом с ней король выглядел таким жалким, что у нее возникло желание как следует встряхнуть его, чтобы привести в чувство.

– Ваш брат несчастен, так как с ним обращаются несправедливо, – сказала она. – И я… я тоже несчастна.

Людовик поднял голову. Глаза его были полны тоски.

– Мой брат, герцог Орлеанский, чем только не владеет – городами, поместьями, огромным состоянием. Он может делать все, что ему вздумается. Что же ему еще от меня надо?

– Я хочу жениться на Маргарите Лотарингской, сестре герцога Карла Лотарингского, – заявил Гастон. – И я требую вашего разрешения на то, чтобы я *сам* мог сделать выбор!

– А еще, – подхватила Мария, – у Гастона должны быть крепости, и он должен получить правление над Иль-де-Франсом, Суассоном, Куасси, Шарни, Лионом и Монпелье.

– А что еще? – поинтересовался король. – Брачный союз с женщиной, отец которой меня ненавидит, самые главные крепости в моем королевстве… Почему бы вам не потребовать и мою корону в придачу? Ведь именно этого вы и добиваетесь! – Он резво поднялся на ноги. – Мой ответ – нет! Нет и еще раз нет!

– Стойте!

Толстые пальцы Марии ухватили Людовика за рукав. У нее опять не получилось держаться спокойно. Ненависть к старшему сыну вспыхнула в ней с новой силой.

– Вы пренебрегаете просьбами Гастона, как будто он какое-то ничтожество, тогда как он – ваш наследник. И еще рассуждаете о

короне Франции! Глупец, как легко было бы сорвать ее с вашей головы, если бы мы именно этого добивались! Вы говорите о жадности и измене Гастона! Лучше подумайте о том, как он вам верен, как отверг искушение взять все, попросив вместо этого так мало. Послушайте меня! Требования Гастона – это одно, но теперь займемся вторым, не менее важным. Ришельё по-прежнему у власти. Я ждала… Я была терпелива… Но теперь я заявляю, что вы просто обязаны избавиться от него! Иначе мира между нами не будет!

Голос королевы-матери был слышен снаружи, даже несмотря на закрытые двери.

– Ах, вот как?! – крикнул Людовик.

Мария удивленно смолкла. А ее старший сын, все более распаляясь, продолжал:

– Никого не заботит состояние моего духа и здоровья! Вы все не даете мне покоя ни днем, ни ночью! Вы постоянно требуете бог весть чего! Вы оскорбляете и высмеиваете меня, побуждая брата делать то же самое! Но я отвергаю ваши требования! Абсолютно все ваши требования! И Ришельё, нравится вам это или нет, останется при мне… – Не в силах справиться с наплывом чувств, Людовик стал заикаться: – Если бы вы… вы… вы… испытывали хоть какую-то привязанность ко мне… Если бы хоть не… не… немного подумали о моем благополучии… Вы не захотели бы раз… разлучить меня с кардиналом…

– Ваш кардинал – предатель! – решительно заявил Гастон. – Он служит только самому себе! Он набивает карманы и укрепляет свою власть! Послушайте меня, король, настало время выбирать: или мы, или он. Мы с матерью отказываемся терпеть его бесцеремонные вмешательства в наши дела. Он должен уйти!

– Да, а если он не уйдет, – снова закричала Мария Медичи, – уйду я! – Из ее глаз хлынули слезы, а из уст полились оскорбления. – Неблагодарный сын! Я делала для вас все, что могла! Долгие годы после смерти мужа я сохраняла корону на вашей голове! Я отдала вам свою жизнь, и каково же вознаграждение? Где благодарность и любовь, которые вы обязаны проявлять по отношению ко мне? Их нет! Зато вы открыто предпочитаете этого выскочку, этого мелкого интригана-предателя! И кому предпочитаете? Собственной матери!

Людовик молчал. Глядя на искаженное злобой лицо, он вдруг почувствовал невероятную усталость. Его обвиняют в том, что он предпочел кардинала де Ришельё своей матери… Но Ришельё никогда не давал ему повода чувствовать себя мальчишкой в одежде короля. Кардинал не обременял его заботами и не подчеркивал свою роль и значение. Он… он был как подушка

между ним, королем, и двором, с которым надо быть настороже… Людовику вдруг стало ясно, насколько верны обвинения матери: он действительно предпочитал ей Ришельё. И не только ей, но и всем остальным…

– Так вы прогоните его? – продолжала настаивать Мария. – Пообещайте, что этот дьявол во плоти уже завтра будет находиться в Бастилии!

– Если вы не сделаете этого, брат, – поддержал мать Гастон, – то я знаю, как себя защитить.

– А я покину двор и вас раз и навсегда! – топнула ногой Мария.

Людовик заколебался. Так остро этот вопрос никогда не вставал.

– Умоляю, – вдруг сказал он, – ради меня, простите кардинала и верните ему свое благоволение. Я согласен. Ты, Гастон, получишь нужную тебе невесту. Если настаиваешь, то и Иль-де-Франс тоже. Но, прошу, перестаньте преследовать кардинала…

– Никогда! – решительно заявила Мария.

– Никогда! – как эхо, повторил Гастон.

– Будете держаться этого ничтожества, и вас покинут все, даже последние друзья, – пригрозила королева-мать и сделала шаг в сторону сына; тот невольно отшатнулся. – Ну же, каков ваш ответ? Мы ждем!

У Людовика разболелась голова, и он уже готов был уступить, но все же он преодолел минутную слабость:

– Ришельё останется, мадам. Это мое окончательное решение.

Повернувшись, он подошел к дверям и постучал по ним тростью с золотым набалдашником. Дверь тут же отворилась, и король оказался в окружении своих приближенных. Почувствовав себя в безопасности, он еще раз повернулся, сделал поклон и стремительно удалился.

– Лжец, обманщик! – закричала ему вслед Мария и выругалась по-итальянски.

Потом она обратилась к Гастону:

– Нас не заставят свернуть с пути, сын мой. Мы осуществим наш план. Пойдем и обсудим наш следующий шаг в этой игре. Возможно, кровавой игре – не исключено и такое… Они еще дождутся… Этот его любимый кардинал… Мы с ними покончим, а Людовик еще не раз пожалеет, что встал на его сторону…

* * *

От досады Мария искусала себе все губы.

– Он отказал нам… Не могу в это поверить… А ведь я так надеялась, что один-единственный раз Людовик поступит, как настоящий мужчина… – Опустившись в кресло, она принялась обмахивать себя веером; щеки ее стали багрово-красными. – Он словно обручен с этим мерзавцем Ришельё…

– Их можно разлучить только силой, – сказал Гастон, и его лицо озарилось торжествующей улыбкой. – Я намерен уехать из Парижа, отправиться в Орлеан и там поднять свое знамя! Я пошлю письма всем изгнанным принцам, и мы объявим войну Ришельё. Другого пути у нас нет!

– И Испания поможет нам! – объявила Мария, а сама подумала, влюбленно глядя на младшего сына: «Вот мужчина с настоящим характером. Он достоен быть королем Франции!» После короткой паузы она добавила: – Надо быть очень осторожными, Гастон. Если этот дьявол пронюхает о наших планах, нам не сносить головы.

* * *

Многие очевидцы тех событий утверждают, что Медичи уже давно готовила отставку кардинала де Ришельё. Более того, когда ее старший сын балансировал между жизнью и смертью, она приняла решение арестовать кардинала, если король умрет, и заточить в лионскую тюрьму Пьер-Ансиз, поручив надзор за ним Шарлю д'Аленкуру, коменданту Лиона.

Но… Людовик справился с болезнью. А попытка давления на него провалилась.

И тогда она решила еще раз поговорить с сыном.

– Мне жаль, – вкрадчиво сказала она, – что наша предыдущая встреча была столь драматичной. Как любящая мать, я не желаю вступать с вами в борьбу. Но… если и вы хоть немного любите меня, выбор должен быть сделан… Кардинал или я…

Когда их беседа (на этот раз с глазу на глаз) достигла наивысшего накала, в комнату без стука вошел Ришельё.

Его, конечно же, предупредили о визите Марии, и он понял, что король, ослабленный болезнью, под натиском этой коварной женщины может переменить свое решение.

Рассказывают, что Медичи, увидев кардинала, пришла в ярость и обрушила на него шквал оскорблений. Ришельё якобы упал на колени и зарыдал. Еще говорили, что он выразил готовность публично высказать свою благодарность королеве-матери за то, что она для него сделала.

Ни на кого из многочисленных мемуаристов полностью положиться нельзя, но многие утверждают, что Ришельё все-таки попросил отставки, и произошло это 10 ноября 1630 года.

Людовику с трудом удалось успокоить мать, и он велел кардиналу уйти. Очевидцы утверждают, что, отправляясь в свои покои, он сделал вид, что не заметил Ришельё, покорно ждавшего его во дворе.

Окружению королевы-матери показалось, что победа Марии Медичи несомненна. Вроде бы так считал и сам Ришельё и даже готовился уехать из Парижа.

Но на самом деле все выглядело несколько иначе.

– Что мне делать? – обратился к кардиналу король. – Она же моя мать… Ришельё, помогите мне, дайте совет, как поступить…

На глазах короля проступили слезы. Он бросился в кресло, и принялся нервно потирать колени.

– Сир, подумайте о своем положении, – голос кардинала был полон жалости. – Ваш брат ненавидит вас. Боюсь, ваша власть в опасности.

– Я знаю, я знаю! Но моя мать… Она же не будет помогать заговорщикам? Слова ничего не стоят, Ришельё.

– Увы, – вздохнул кардинал. – Позвольте мне напомнить вам кое-что?

– Да, конечно…

– Когда Гастон женился на герцогине де Монпансье, он получил огромное приданое. И где оно теперь? Я слышал, ваша мать продала кое-что и дала Гастону деньги на покупку оружия…

Людовик застонал. Его мать поддерживает восстание против собственного сына! Понятно, почему ей хочется избавиться от кардинала. Устранив Ришельё, они убьют и его, короля Франции… Скорее всего, отравят… Во Флоренции, на родине матери, так всегда избавлялись от неугодных. Ее нужно остановить… Срочно… Всеми доступными способами…

– Ришельё!

– Да, сир?

– Мою мать… нельзя оставлять на свободе. Но как это сделать?

Людовик встал. Его лицо было угрюмо.

– Прикажите ее двору отправиться в Компьень, – сказал кардинал. – Об остальном я позабочусь сам. Я поступлю с Ее Величеством так, как если бы она была моей матерью.

– Да будет по вашей воле… Но… нельзя ли ускорить? Я уже больше не могу…

– Поверьте, сир, не пройдет и недели, как все закончится, и вы станете в значительно большей степени королем Франции, чем

сейчас.

* * *

Был такой разговор или нет, точно сказать невозможно. Важно другое: ситуация вдруг повернулась в самом неожиданном ракурсе. Король (и это исторический факт) призвал кардинала к себе и объявил ему о своем решении: он намерен защитить его от клики, пользующейся благосклонностью Марии Медичи.

Дальше – больше. Людовик отверг просьбу Ришельё об отставке и сказал, что советы кардинала для Франции более ценны, чем советы вдовствующей королевы.

Потом он сказал, что источник зла – не сама Мария Медичи, а ее окружение, с которым он намерен разделаться в самое ближайшее время.

Король пригласил к себе министров и государственных секретарей. Самые ярые сторонники Марии были сняты со своих постов и отправлены в изгнание.

Этот день вошел в историю как День одураченных. В самом деле, 10 ноября карьера (а то и жизнь) кардинала висела на волоске, и его враги уже праздновали победу, all ноября многие из них были отправлены в темницы.

Вернемся опять к событиям 10 ноября. Сначала Мария оскорбила племянницу кардинала де Ришельё, которую согласилась принять в состав своих фрейлин, а затем и самого кардинала, сумевшего по потайному ходу попасть в кабинет, где разговаривали Их Королевские Величества.

Франсуа де Ларошфуко в своих «Мемуарах» рассказывает:

> «Когда король затворился наедине с королевой, она опять стала жаловаться на кардинала и объявила, что не может больше терпеть его у кормила государства. Понемногу оба собеседника начали горячиться, и вдруг вошел кардинал. Королева, увидев его, не могла сдержать своего раздражения: она принялась упрекать его в неблагодарности, в предательствах, которые он совершил по отношению к ней, и запретила ему показываться ей на глаза. Он пал к ее ногам и пытался смягчить ее своей покорностью и слезами. Но все было тщетно, и она осталась непреклонной в своей решимости»[187].

Казалось бы, для Ришельё все было кончено, и Мария, уверенная в своем сыне (что он никогда не предпочтет ей

кардинала), открыто стала праздновать свою победу.

Слух об опале де Ришельё распространился очень быстро, и почти никто из придворных уже не сомневался в том, что первый министр окончательно низложен. Но король, которому хотелось слыть человеком справедливым, решил, что государство для него значит больше, чем собственная мать. А государству необходим был такой человек, как кардинал де Ришельё.

Конечно, подобное решение было трудным для короля. И возможно, оно было бы другим, не пренебреги Мария советами не оставлять сына наедине с его извечной неуверенностью. Но… Король жил в Версале, тогда небольшом охотничьем замке, и Мария не смогла пересилить себя, чтобы хотя бы на время переселиться в Версаль. Жизнь без привычных удобств казалась ей невыносимой, и столь разумный совет был отвергнут. Ришельё же, ловко овладев волей короля, заставил его принять то решение, которое было принято.

В результате кардинал, который, как утверждают некоторые, уже готовился укрыться в одной из крепостей, остался на своем месте, а вот на его противников посыпались кары одна страшнее другой: Маргарита Лотарингская, принцесса де Конти, дочь герцога Генриха де Гиза, организатора убийств гугенотов в Варфоломеевскую ночь, и Карл IV Лотарингский, герцог де

Гиз, ее брат, были изгнаны из Франции; Франсуа де Бассомпьер, отличившийся при осаде Ла-Рошели и ставший маршалом, попал в Бастилию; хранителя печати Мишеля Марильяка, ставленника королевы, посадили в тюрьму, где он оставался до самой смерти, а его брату, маршалу Луи де Марильяку, отрубили голову на Гревской площади.

Этот скорбный список можно было бы продолжить. За многими не было никакой вины, кроме близости к Марии Медичи.

Франсуа де Ларошфуко, отец которого тоже пострадал, в своих «Мемуарах» констатирует:

> «Столько пролитой крови и столько исковерканных судеб сделали правление кардинала де Ришельё ненавистным для всех. Мягкость регентства Марии Медичи была еще памятна каждому и все вельможи королевства, видя себя поверженными, считали, что после былой свободы они впали в рабство»[188].

* * *

Двадцать третьего февраля 1631 года Мария Медичи занималась своим утренним туалетом. Дело происходило в Компьенском замке, в семидесяти километрах к северо-востоку от Парижа; королева-мать готовилась к поездке в столицу, желая еще раз поговорить со старшим сыном.

Неожиданно ей объявили, что прибыл кардинал де Ришельё.

Сказать, что она была удивлена, – ничего не сказать.

Взаимные приветствия дались обоим с видимым трудом.

– Мадам, – вкрадчиво начал кардинал, – в стране давно уже происходят странные события, и я думаю, очень скоро Франция будет аплодировать решению, которое мы наконец приняли…

– Не понимаю, что вы хотите сказать. – Она старалась говорить спокойно, но было видно, что слова кардинала обеспокоили ее.

– Я прибыл в Компьень, чтобы сказать вам: королевство устало от бесконечных войн и заговоров. Они ведут Францию к катастрофе, и мой долг – положить конец этому.

– Я отказываюсь понимать вас, месье…

– Я прибыл, мадам, чтобы сказать вам: один из нас должен принести себя в жертву, чтобы дать дорогу другому. Надеюсь, вы догадываетесь, кто должен?

– Что-о?! Вы говорите это мне, представительнице великого рода Медичи, королеве Франции, вдове короля Генриха! Да кто вы такой?

В ответ кардинал лишь презрительно усмехнулся.

– О вашем визите, месье, – продолжила Мария Медичи, – непременно будет доложено моему сыну. А теперь соблаговолите уйти.

– Одну минуту, мадам. Мне нужно передать вам еще кое-какие распоряжения.

– Распоряжения?! Мне?! – Королева-мать в бешенстве схватила серебряный колокольчик, чтобы вызвать охрану.

В дверях появились два рослых гвардейца.

– Немедленно вышвырните отсюда этого человека! Немедленно! Вон!

– Мадам, неужели вы до сих пор ничего не поняли? – спокойно произнес кардинал. – Речь идет о вашем аресте. И это больше не ваши гвардейцы.

– Изменники! – затопала ногами Мария. – Какой позор! Какая низость! Узнаю ваш стиль, господин кардинал!

– Успокойтесь и выслушайте меня, – продолжил де Ришельё. – Вам нужно уехать как можно дальше от Парижа. Прежде всего в целях вашей же безопасности, а также, чтобы обеспечить безопасность тем лицам, судьба которых вам

небезразлична.

– Кого вы имеете в виду? Все и так уже либо уничтожены, либо находятся…

– Вам необходимо принять эти условия, мадам, – оборвал ее кардинал.

– Отвратительное ничтожество, да будь ты проклят! – выкрикнула королева-мать, понимая, что сопротивление бесполезно.

* * *

Конечно же, кардинал имел в виду Гастона Орлеанского, младшего сына Марии Медичи, по-прежнему считавшегося престолонаследником (до рождения Людовика XIV еще оставалось семь лет). Понятно, что у Гастона были сложные отношения с венценосным братом. Понятно также, что его судьба не могла быть безразлична его матери. Как видим, кардинал де Ришельё всегда бил точно в цель.

В начале 1630 года Гастону было двадцать два года. Он был красивым молодым человеком, ветреным и коварным, однако в меру любезным. Всем было ясно, что его видимое примирение с братом не могло продлиться долго. Сам он прекрасно понимал, что его шансы получить вожделенную корону (при отсутствии детей у Людовика) достаточно велики. В его власти было развязать гражданскую войну. И он вполне мог рассчитывать на поддержку со стороны старой аристократии.

Тридцатого января 1631 года, посетив кардинала де Ришельё, Гастон взял назад свое предложение дружбы. Сначала он отправился в Орлеан, а затем, через несколько месяцев, появился в Безансоне, находившемся под управлением испанцев.

Кардинал де Ришельё поднял тревогу и доложил обо всем королю.

В принципе, разговаривая с Марией Медичи, кардинал не блефовал: теперь судьба Гастона Орлеанского была в его руках. Марии, обожавшей Гастона и готовой ради него на все, ничего не оставалось, как подчиниться.

Местом ссылки ей был предложен небольшой городок Мулен.

Оскар Егер в своей «Всемирной истории» пишет:

> «Людовик XIII, робкий, сознававший свою умственную зависимость, слабый и телом и духом, далеко не речистый, понимал, однако, достоинство своего сана, чувствуя в то же время потребность опоры в

человеке сильном, который был бы способен один нести бремя правления, опираясь на свой ум и силу воли. Согласившись с мнением своего министра, Людовик предложил своей матери переехать в Мулен. Попытки примирить ее с сыном были тщетными. Вместе с ней покинул двор и герцог Орлеанский»[189].

Мария согласилась отправиться туда, но попросила, чтобы ей позволили некоторое время пожить в Невере, пока Мулен не будет очищен от свирепствовавшей там заразы, а местный замок не отремонтируют должным образом. Совет дал ей такое разрешение, но она все равно предпочла остаться в Компьене.

Когда 20 марта 1631 года Людовик написал ей, что Мулен полностью готов к приему Ее Величества, она опять нашла массу отговорок для того, чтобы отсрочить свой отъезд. Кардинал де Ришельё подсказал королю, что его мать, возможно, готовит побег.

* * *

Собственно, это было в ее стиле.

Мария находилась на грани отчаяния. Попытки хоть как-то воздействовать на Людовика ни к чему не привели. Почему? Да потому, что каждый раз на пути королевы-матери оказывался «этот гнусный» де Ришельё!

Иногда, уступая приступам ярости, она проклинала себя за слабость. Иногда буквально выла от осознания, что упустила момент, когда можно было проткнуть «отвратительного Ришельё» кинжалом, как делали в ее родной Флоренции. Мария *слишком* ненавидела кардинала и не могла с этим жить. Такую ненависть может победить только прощение, но ни о каком прощении не могло быть и речи!

Вечером 18 июля 1631 года она все же покинула Компьень. Местная охрана проморгала побег.

На первых порах Медичи намеревалась остаться во Франции, в приграничном городке Ла-Капель, у друга ее любимого сына Гастона маркиза де Варда, который пообещал ей приют. Но о планах королевы стало известно кардиналу де Ришельё.

Опасаясь возможного преследования, Мария (в свою очередь оповещенная) была вынуждена пересечь границу. Вечером 20 июля она прибыла в Авен, ближайший город на принадлежавшей испанцам территории, а потом отправилась в испанские Нидерланды – сначала в Моне, а затем в Брюссель.

Оскар Егер в своей «Всемирной истории» констатирует:

> «Завязалась новая испанская интрига: королева-мать бежала из Компьени, где жила под своего рода надзором, в Испанские Нидерланды»[190].

Людовика новость о бегстве матери повергла в ужас. Как водится, он сразу же пал духом, решив, что раз мать на свободе, то она непременно отомстит ему. Уж он-то знал, что она способна отомстить…

Одновременно проснулись и надежды врагов кардинала де Ришельё.

Сам кардинал, казалось, отнесся к сообщению о побеге королевы-матери совершенно равнодушно. Если он и проявил какие-то чувства, которые можно трактовать как опасение, то лишь в связи с тем, что Гастон Орлеанский вновь выступил против своего брата, получив поддержку нескольких герцогов, собравших свои отряды в Лангедоке и готовых к походу на Париж.

Находясь в Брюсселе, Мария писала Людовику гневные письма, обвиняя де Ришельё во всех мыслимых и немыслимых грехах. Она даже обратилась в парижский парламент с призывом осудить кардинала за узурпацию власти в стране. В результате Людовик был вынужден выступить перед судьями и опровергнуть утверждения своей матери.

Историк Энтони Леви пишет:

> «С этого момента жизнь Марии Медичи превратилась в печальную повесть об утраченных иллюзиях, бесславном угасании и нищете. Нигде ей не были готовы предоставить приют надолго – ни в Нидерландах, ни в Англии, ни в Германии. Людовик XIII урезал расходы на ее содержание и так и не позволил ей вернуться во Францию, даже когда она оказалась в стесненных финансовых обстоятельствах в Кёльне; такое решение было одобрено Королевским советом в 1639 году»[191].

* * *

Гастон Орлеанский тем временем набрал армию и, обретя союзников, в том числе в лице герцога де Монморанси[192], знаменитого своей отвагой и многочисленными победами, вступил в бой с войсками короля и кардинала де Ришельё. Но на

деле войска Гастона, пусть и многочисленные, оказались всего лишь «разношерстным сборищем валлонов, испанцев и французских дезертиров»[193]. Реальность быстро расставила все по своим местам. Достаточно сказать, что Гастон, редко проявлявший здравый смысл, вдруг двинул войска на три дня раньше, чем было договорено с опытным Генрихом де Монморанси.

Силы испанцев сосредоточились на границе с Францией. Но до успеха восстания в Лангедоке вступать в войну они не намеревались. В конечном счете уверенность кардинала в успехе оправдалась: как бы французы ни сожалели о суровом правлении своего первого министра и об обращении короля с матерью, им еще меньше нравился союз Марии Медичи с младшим сыном, грозивший обернуться вторжением в страну армии наемников.

Первого сентября 1632 года две армии встретились в сражении при Кастельнодари. Королевской армией командовали маршалы Анри де Шомберг и Жак де Ла Форс. Бунтовщиками – герцог де Монморанси и Гастон Орлеанский. Войска короля начали теснить людей Гастона, и он позорно бежал с поля боя, оставивив в полном беспорядке свои силы. Герцог де Монморанси был несколько раз ранен и взят в плен. Военная кампания закончилась полной победой Людовика XIII и кардинала де Ришельё.

Тем, кому удалось бежать и кто мог бы поддаться искушению снова собраться под знаменами Гастона, был преподнесен урок в виде публичной казни герцога де Монморанси.

Это был один из самых родовитых дворян Франции. Он не принадлежал к ярым противникам кардинала, но, на беду, находился под сильным влиянием своей жены, а та была сторонницей Марии Медичи и Гастона Орлеанского. Фактически именно она, как это нередко бывает в истории, подтолкнула мужа к государственной измене.

Когда истекающий кровью герцог был взят в плен, во французском обществе надеялись, что, учитывая его высокое происхождение, он будет прощен. К Людовику XIII и кардиналу де Ришельё поступали многочисленные ходатайства о помиловании. Но кардинал заявил:

– Нынешнее положение дел таково, что диктует потребность в большом уроке.»Большой урок» был преподнесен 30 октября 1632 года – герцог де Монморанси, еще не оправившийся от полученных ранений, был казнен. Казнь произвела сильное впечатление, ведь речь шла о дворянине, чья родословная велась с X века. По своему положению герцог шел сразу после принцев крови, к тому же он был молод (всего тридцать семь лет), красив,

популярен и даже любим, но всегда такой нерешительный король вдруг проявил полную солидарность со своим первым министром. А ходатаям за жизнь мятежного герцога он ответил:

– Я не был бы королем, если бы позволил себе иметь личные чувства.

Вслед за этим полетело немало и других голов. В тюрьмах оказались многие знатные лица Франции. Те же, кому Людовик и кардинал де Ришельё не сумели предъявить реальных обвинений в измене, были устранены при помощи королевских указов, по которым в те времена можно было без суда и следствия бросать за решетку на любое количество лет.

Охваченный паникой Гастон Орлеанский сбежал – сначала в испанский Франш-Конте, а затем в Лотарингию.

* * *

Когда Мария Медичи, находившаяся в это время в Брюсселе, серьезно заболела, она потребовала Франсуа Вотье, своего личного врача, которого кардинал де Ришельё бросил в Бастилию. Ей, естественно, было отказано в самой жесткой форме.

Несчастная женщина уже готова была наложить на себя руки от бессилия. Заливаясь слезами, она позвала к себе своего астролога Масали, сопровождавшего ее в изгнании.

– Скажи, Масали, что ты думаешь о судьбе моего сына Гастона? – спросила она.

– На его звезде видны капли крови, благородная королева, но это не означает, что он умрет.

– О! Ты хочешь сказать, что он не погибнет в борьбе за свои и мои законные права?

– Нет, с ним все будет хорошо, мадам. Но вот кардинал де Ришельё…

– Что кардинал де Ришельё? – встрепенулась Мария.

Астролог глубоко вздохнул:

– Луна в доме Близнецов, Венера противостоит…

– Нет, так подробно не надо. Скажи лишь, что ждет этот позор Франции.

– Он скоро умрет.

– Он умрет! – радостно воскликнула Мария. – Это ничтожество умрет! О, Масали, если это произойдет, можешь просить у меня любые награды! Он умрет! Умрет… – Опустошенная, королева-мать упала в кресло. – А теперь оставь меня, Масали. Я так устала, и мне нужен отдых…

Обращаясь к звездам, астрологи часто упускают из виду, что на земле действуют свои законы. Масали не был политиком и потому не мог просчитать, что кардинал де Ришельё, как только Мария пересекла границу и оказалась на испанской территории, сделал все, чтобы нейтрализовать Гастона Орлеанского, находившегося в Лотарингии. С политической карьерой Гастона было покончено. В конце концов он женится на Маргарите Лотарингской, сестре местного герцога Карла IV, и умрет в феврале 1660 года, в возрасте пятидесяти одного года, когда во Франции уже будет править сын Людовика XIII и Анны Австрийской[194].

* * *

В августе 1631 года Гастон приехал к Марии Медичи в Брюссель. Местных правителей, давших им приют, давно уже раздражали конфликты между теми, кто оказался в изгнании, присоединившись к Марии и ее сыну. Сама Мария едва ли не каждый день составляла письма с длинным перечнем нанесенных ей обид, которые отправляла Людовику и всем посольствам в Европе. Больше всего грязи было вылито на голову кардинала де Ришельё, да и королю изрядно досталось. В какой-то мере ей удалось утолить жажду мести, но она уже не могла влиять на европейскую политику. Мария была изгнанницей, а посему с ней никто уже не считался. Обычно дотошный в том, что касается содержания заключенных, кардинал сознательно смотрел сквозь пальцы на «проделки» королевы-матери. Она уже не представляла для него серьезной угрозы. Более того, она даже сыграла ему на руку, сбежав из Компьеня, ибо в провинциальном Брюсселе была на содержании испанской казны.

Что касается Гастона, то он, оказавшись в столь неблагоприятных для него обстоятельствах, быстро зачах. Он привык жить на широкую ногу, и теперь ему катастрофически не хватало денег, а на финансовую поддержку со стороны матери не было никакой надежды. К тому же Мария здорово действовала ему на нервы. В результате Гастон сделал вывод, что именно мать стала главной причиной его бедственного положения: ведь у него и мысли не было изменять старшему брату-королю – во все это, дескать, втянула его мать. Именно в таком духе он и написал письмо Людовику, в завершении попросив у него разрешения вернуться на родину.

Но если Мария Медичи была «фигурой из прошлого», то наследник престола оставался источником постоянной тревоги.

Кардинал де Ришельё (да и не только он) понимал: если Людовик умрет, то именно Гастона призовут во Францию, чтобы взять корону. К тому же, где бы ни появлялся герцог Орлеанский, он всегда оказывался в центре беспорядков. За такими людьми нужен неусыпный контроль, а посему здравый смысл подсказывал кардиналу, что держать

Гастона в Париже, вне влияния матери и ее друзей, куда безопаснее.

В результате Гастону было объявлено, что он прощен; вдобавок герцог Орлеанский получил огромную сумму – полмиллиона ливров.

В сентябре Гастон уехал из Брюсселя, даже не попрощавшись с матерью, и помчался в Сен-Жермен, где, упав к ногам брата, признал все свои ошибки и заверил, что отныне будет истинным другом и его, и кардинала. Как видим, Гастон предал «дело матери так же бессердечно, как и друзей по восстанию»[195].

При встрече Анна Австрийская назвала Гастона изменником и с тех пор старалась избегать его общества.

* * *

Между тем католическая Франция стала активным союзником протестантской Швеции и немецких государств, которые восстали против габсбургского императора Фердинанда.

> «Таким образом, политика Франции вошла в неизбежный конфликт с интересами Испании. В течение последних двух лет король Швеции Густав-Адольф показал себя величайшим полководцем в Европе, а император Фердинанд потерпел серию таких жестоких поражений, что война гремела уже на границах Эльзаса. И несмотря на то, что Густав-Адольф погиб в битве при Люцерне[196], требовалось немедленное вмешательство испанских Габсбургов, чтобы спасти Империю от распада. По условиям Шведского договора французские войска сражались бок о бок с союзниками, следуя политике Ришельё, имевшей целью подорвать могущество Испании и Империи, возвысив тем самым влияние Франции так, чтобы она стала главной силой в Европе. Поддержка Испанией Марии Медичи и жалкого восстания Гастона настолько взбесила короля, что он согласился на союз с Голландией против Испании. В ответ Испания объявила Франции войну, и ее войска

вторглись в Пикардию»[197].

Так начался франко-шведский период знаменитой Тридцатилетней войны в Европе, длившейся, то разгораясь, то утихая, с 1618 года.

В1635 году Франция объявила войну Испании. В конфликт также были вовлечены герцогство Савойское, герцогство Мантуанское и Венецианская республика… Когда Швеция перебросила свои войска в Германию, начались грабежи населения, причем со стороны обеих армий, население ответило партизанской войной…

С 1638 года в войне обозначился явный перелом в пользу антигабсбургской коалиции. На следующий год шведы вторглись в Богемию, а голландский адмирал Мартин ван Тромп уничтожил испанский флот у Гравелина и в проливе Ла-Манш. Осенью 1640 соединенная франко-шведская армия совершила успешный поход в Баварию.

Эта отвратительная война, известная даже фактами каннибализма, вызванного страшным голодом, будет продолжаться до октября 1648 года, то есть до момента подписания Вестфальского мира. Согласно его условиям Франция получит Южный Эльзас и лотарингские епископства Мец, Туль и Верден, Швеция – Западную Померанию и герцогство Бремен, Саксония – Лузацию, область в средней Германии между Одером и Эльбой, Бавария – Верхний Пфальц, а Бранденбург – Восточную Померанию, архиепископство Магдебург и епископство Минден. Будет также признана независимость Голландии.

Война же между Францией и Испанией, не пожелавшей заключать мир без удовлетворения требований опальной Марии Медичи и отстранения от власти кардинала де Ришельё, продолжится еще одиннадцать лет и закончится Пиренейским миром 1659 года.

Итогом всего этого станет завершение эпохи главенства Габсбургов в Европе. Ведущая роль в европейской политике, как и мечтал кардинал де Ришельё, перейдет к Франции.

Но это будет еще очень и очень нескоро.

* * *

В четырехстах с лишним километрах к северо-востоку от Парижа находится старый немецкий город, богатый воспоминаниями и историческими памятниками. Город этот стоит на Рейне, на реке, которая по утрам обволакивает его

непроглядным туманом. Две сотни церквей устремляют в небо свои кружевные башни и шпили. В этом городе родились или долгое время жили такие известные личности, как римская императрица Агриппина, короли франков Хлодвиг и Карл Мартелл, ученый-теолог Фома Аквинский и многие другие. Это – город Кёльн.

На одной из самых старых улиц Кёльна, неподалеку от собора Святой Маргариты, в XVII веке стоял дом, принадлежавший семье знаменитого фламандского художника Питера Пауэла Рубенса, родившегося 28 июня 1577 года. Его родители, Ян Рубенс и Мария Пейпелинкс, жили в Зигене, в германской провинции Вестфалия. За девять лет до рождения Питера Пауэла они бежали из своего родного Антверпена, спасаясь от религиозных гонений. Отец будущего живописца симпатизировал протестантскому учению Кальвина, а это считалось опасной ересью в стране, контролировавшейся испанским королем-католиком.

Итак, родители Рубенса бежали из Фландрии в город Кёльн, ко двору Вильгельма Оранского, которого все звали Вильгельм Молчаливый.

Став известным художником, Рубенс был представлен Марии Медичи и в 1625 году благополучно завершил цикл картин «Жизнь Марии Медичи» для ее Люксембургского дворца.

Мария была очень довольна картинами. Однако кардинал де Ришельё не приветствовал пребывание талантливого художника при французском дворе. Еще работая над картинами, Рубенс писал своему другу:

> «Я задыхаюсь при парижском дворе, и может статься, если мне не заплатят с быстротой, равной исполнительности, с какой я служил королеве-матери, что я не так легко вернусь сюда, хотя до сих пор я не могу жаловаться на Ее Величество, так как задержки были законны и извинительны»[198].

Чуть позже, в декабре 1625 года, его мнение сильно изменилось. Теперь он писал:

> «Когда я думаю о путешествиях в Париж и потраченном там времени, за которое я не получил никакого особого вознаграждения, я нахожу, что мои труды для королевы-матери – весьма невыгодное предприятие»[199].

Слишком увлеченная борьбой за власть, Мария не отнеслась с должным вниманием к выражению благодарности

обессмертившему ее образ художнику. Затем она была отправлена в ссылку, потом бежала за границу…

Но Рубенс не был человеком мстительным. Когда королева-мать попала в беду, он позволил ей остановиться в его доме в Кёльне. Он умер 30 мая 1640 года в Антверпене; Мария, всю жизнь мнившая себя эдаким Макиавелли в юбке, пережила его на два года. Она скончалась в Кёльне 3 июля 1642 года, всеми забытая и в полной бедности. Через неполных два месяца ей бы исполнилось шестьдесят девять лет.

В изгнании она расплылась еще больше. Ее массивное лицо казалось крупнее из-за двойного подбородка, который наметился у нее уже в двадцать семь лет, когда она выходила замуж за Генриха IV. Голубые глаза навыкате часто слезились. Вьющиеся седые волосы опальная королева зачесывала наверх по флорентийской моде, открывая узкий лоб.

С собой из Франции она прихватила изрядное количество драгоценностей, к которым всегда питала страсть, но жизнь заставила ее все продать. Ее набожность достигла ни с чем не сравнимых масштабов, и она проводила дни и ночи в молениях… О чем?

Кардинал де Ришельё, узнав о ее смерти, лишь презрительно усмехнулся. Впрочем, надо отдать ему должное, он позаботился о том, чтобы соблюсти честь Франции. На оплату долгов Марии было отправлено сто тысяч ливров, также было сделано все, чтобы тело Марии перевезли в Париж. Он и предположить не мог, что ему самому оставалось жить всего пять месяцев…

Хронология

1553, 14 мая – рождение Маргариты де Валуа, будущей королевы Марго, дочери Генриха II и Екатерины Медичи

1553, 13 декабря – рождение будущего короля Франции Генриха IV Бурбона

1560, 13 декабря – рождение Максимильена де Бетюна будущего герцога де Сюлли, министра Генриха IV 1575, 26 апреля – рождение Марии Медичи

1585, 5 сентября – рождение Армана Жана дю Плесси, будущего кардинала де Ришельё

1589, 2 августа – убийство в Сен-Клу короля Генриха III

1593, 25 июля – Генрих IV торжественно отрекается от протестантской веры

1594, 27 февраля – коронация Генриха IV в Шартре

1594, 11 мая – рождение Шарлотты де Монморанси, будущей любовницы Генриха IV

1599, 9/10 апреля – смерть Габриэль д'Эстре, фаворитки Генриха IV

1599, 15 декабря – аннулирование бесплодного брака между Генрихом IV и Маргаритой де Валуа

1600, 5 октября (Флоренция) – бракосочетание по доверенности Генриха IV и Марии Медичи

1600, 17 декабря – бракосочетание Генриха IV и Марии Медичи в Лионе

1601, 12 июля – бракосочетание Кончино Кончини и Леоноры Галигаи

1601, 27 сентября – рождение в Фонтенбло будущего короля Людовика XIII, сына Генриха IV и Марии Медичи

1602, 14 июля – рождение Джулио Мазарини, будущего кардинала

1602, 22 ноября – рождение Елизаветы де Бурбон, дочери Генриха IV и Марии Медичи

1606, 10 февраля – рождение Кристины-Марии де Бурбон, второй дочери Генриха IV и Марии Медичи

1607, 16 апреля – рождение Николя, «принца без имени», второго сына Генриха IV и Марии Медичи (умер в четырехлетием

возрасте).

1608, 24/25 апреля – рождение Гастона, брата Людовика XIII, герцога Анжуйского (позднее Орлеанского)

1608, 21 декабря – Арман-Жан дю Плесси вступает во владение Люсонским епископатом

1609, 25 ноября – рождение Генриетты-Марии де Бурбон, третьей дочери Генриха IV и Марии Медичи

1610, 13 мая – коронация Марии Медичи

1610, 14 мая – убийство короля Генриха IV

1610, 15 мая – парламент официально провозгласил регентство королевы Марии Медичи

1610, 27 мая – казнь убийцы короля Франсуа Равальяка.

1610, 1 июля – Генрих IV похоронен в аббатстве Сен-Дени

1610, 17 октября – юный Людовик XIII коронован в Реймсе

1611, 18 ноября – Кончино Кончини становится маршалом д'Анкром

1614, 15 мая – договор в Сент-Менегу между Марией Медичи и принцем де Конде

1614, 2 октября – Людовик XIII, признанный совершеннолетним, заставляет уважать свое главенство

1614, 27 октября – открытие Генеральных штатов в Париже

1615, 23 февраля – депутат от духовенства епископ Люсонский произносит речь на заседании Генеральных штатов

1615, 27 марта – смерть Маргариты де Валуа (королевы Марго)

1615, 25 ноября – Людовик XIII сочетается браком с Анной Австрийской (церемония венчания)

1616, 3 мая – Луденский мир между Людовиком XIII и принцем де Конде

1616, 25 ноября – назначение Армана Жана дю Плесси министром (государственным секретарем), ответственным за ведение иностранных и военных дел

1617, 24 апреля – убийство Кончино Кончини, маршала д'Анкра, фаворита Марии Медичи

1617, 4 мая – Мария Медичи уезжает в Блуа вместе с епископом Люсонским

1617, 9 мая – подписан указ о начале слушаний по делу Леоноры Галигаи

1617, 19 мая – Арман Жан дю Плесси становится главой Совета королевы-матери

1617, 11 июня – Арман Жан дю Плесси покидает Блуа

1617, 9 июля – казнь Элеоноры Галигаи, обвиненной в колдовстве

1618, 7 апреля – изгнание Армана Жана дю Плесси в Авиньон

1618, осень – начало Тридцатилетней войны в Европе

1619, 21/22 февраля – Мария Медичи бежит из Блуа; начало первой войны между матерью и сыном

1619, июнь – конфликт завершается подписанием договора между Марией и Людовиком; Мария получает Анжу

1619, 20 октября – освобождение принца Конде, арестованного в 1616 году.

1620, 7 июля – начало второй войны между матерью и сыном.

1620, 7 августа – победа Людовика XIII при Пон-де-Се, поражение Марии Медичи

1620, 10 августа – подписание Анжерского договора, заканчивающего вторую войну между матерью и сыном; Арману Жану дю Плесси обещан сан кардинала

1621, 31 марта – герцог де Люинь становится коннетаблем

1621, 15 декабря – смерть герцога деЛюиня, фаворита Людовика XIII

1622, 22 января – Рубенс приступает к написанию 24 полотен, посвященных жизни Марии Медичи

1622, 5 сентября – епископ Люсонский получает сан кардинала

1624, 29 апреля – кардинал де Ришелье входит в состав членов Королевского совета

1624, 13 августа – Ришелье становится премьер-мини-стром

1625, 11 мая – Генриетта Французская, дочь Марии Медичи, сочетается в Париже браком по доверенности с английским королем Карлом I Стюартом

1626, 6 августа – Гастон, младший сын Марии Медичи и Генриха IV, сочетается браком с герцогиней де Монпансье; после этого ему были присвоены титулы герцога Орлеанского, графа Шартрского и графа де Блуа

1627, 28 июня – королева-мать дарит кардиналу де Ришельё Малый Люксембургский дворец

1627, 10 сентября – гугеноты Ла-Рошели начинают боевые действия против королевской армии

1628, 23 августа – герцог Бэкингем убит в Портсмуте

1628, 26–29 октября – капитуляция Ла-Рошели

1630, 22 сентября – Людовик XIII серьезно заболевает

1630, 10 ноября – кардинал Ришельё просит отставки

1630, 11 ноября – День одураченных *(Journće des dupes)'*. влиятельные враги кардинала де Ришельё во главе с Марией Медичи начали этот день с празднования долгожданного свержения кардинала, а закончили в темницах или в опале

1631, 22 февраля – король на Совете решает отправить Марию Медичи в ссылку

1631, 23 февраля – королева-мать получает приказ о ссылке, отказывается и становится узницей Компьеня

1631, 18/19 июля – Мария Медичи бежит из Компьеня

1631, август – Ришельё становится герцогом и пэром

1631, 5 августа – Гастон Орлеанский присоединяется к королеве-матери в Бельгии

1632, 30 октября – казнь в Тулузе герцога де Монморанси

1633,9 февраля – смерть Генриетты де Бальзак д'Антраг маркизы де Верней, бывшей фаворитки Генриха IV

1635, 21 мая – Франция вступает в войну с Испанией

1638, 5 сентября – рождение в Сен-Жермен-ан-Ле будущего короля Людовика XIV

1641, 16 декабря – Джулио Мазарини становится кардиналом

1641, 22 декабря – смерть Максимильена де Бетюна, герцога де Сюлли, министра Генриха IV

1642, 13 января – смерть герцога д'Эпернона

1642, 13 марта – тайный договор между Гастоном Орлеанским и королем Испании

1642, 3 июля – кончина Марии Медичи в ссылке в Кёльне

1642, 4 декабря – смерть кардинала де Ришельё

1643, 14 мая – смерть короля Людовика XIII; восшествие на престол юного Людовика XIV (коронован 7 июня 1654 г.)

1643, 19 мая – битва при Рокруа между французами и испанцами

1648, 24 октября – подписание Вестфальского мира, завершившего Тридцатилетнюю войну

Список использованной литературы

Бенцони Ж. В альковах королей. – М., 1999

Биркин К. Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий (в 3-х кн.). – М., 1992

Блюги Ф. Ришельё. – М., 2006

Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток // Истории любви в истории Франции. – Т. 3. – М., 2009

Егер О. Всемирная история: в 4 т. – СПб, 1997–1999

Кастело А. Драмы и трагедии истории. – М., 2008

Леви Э. Кардинал Ришельё и становление Франции. – М., 2007

Кнехт Р. Ришельё. – М., 1997

Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимы. – М., 1993

Манн Г. Зрелые годы короля Генриха IV. – Киев, 1985

Муратов И. А. Сто великих авантюристов. – М., 2002

Мусский И. А. Сто великих заговоров и переворотов. – М., 2004

Плесси А. Ж. дю. Мемуары кардинала де Ришельё. – М., 2008.

Таллеман де Рео Ж. Занимательные истории. – Ленинград, 1974

Черняк Е. Б. Пять столетий тайной войны. – М., 1991

Шоссинан-Ногаре Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей. – М., 2003

Энтони Э. Анна Австрийская. – М., 2007.

Amelot de la Houssaye N. Memoires historiques, politiques, critiques et litteraires. – Paris, 1737. – 3 vols.

Baumgartner F. France in the Sixteenth Century. – London, 1995

BayronF. Henri IV. Le roi libre. – Paris, 1998

Bazin de Raucou A. La cour de Marie de Medicis. – Paris, 1830.

BourgeoisL. Recit Veritable de laNaissance de Messeigneurs et Dames les Enfans de France. – Geneve, 2000

Buis seiet D. Нету IV, King of France. – New York, 1990

CarmonaM. Marie de Medicis. – Paris, 1981

Castelot A. Henri IV, le passionne. – Paris, 1986

Castries, due de. Histoire des regences. – Paris, 1982

Craveri B. Reines et favorites. Le pouvoir des femmes. – Paris, 2007

Delaunay M. Les Ancetres de Marie de Medicis. – Paris, 2005

Delorme Ph. Marie de Medicis, epouse de Henri IV, mere de Louis XIII. – Paris, 1998

Dreux du RadierJ.-F. Memoires historiques, critiques, et anecdotes des reines et regentes de France. – T. V. – Paris, 1808

Dubern J. Histoire des reines et regentes de France et des favorites des rois. – Paris, 1837

Dubost J.-F. Marie de Medicis, la reine devoilee. – Paris, 2009

Dubost J.-F. La France italienne: XVIe et XVIIe siecles. – Paris, 1998

Duccini H. Concini. Grandeur et misere du favori de Marie de Medicis. – Paris, 1991

Erlanger Ph. L'Etrange Mort de Henri IV. – Paris, 1957

Frieda L. Catherine de Medici. – London, 2005

Knecht K Catherine de Medici. – London and New York: Longman, 1998

Larcade V'Jcan-I.ouis Nogaret de La Valette, due d"Epernon (1554–1642): une vie politique: These de doctorat sous la direction d'Yves-Marie Berce. – Paris-Sorbonne, 1995

Lejeune P. Les favorites des rois de France. – Paris, 2004

Lottin de Laval P.-V. Marie de Medicis. Histoire de regne de Louis XIII d'apres des manuscrits inedits du cardinal de Richelieu. – Paris, 1834. – 2 vols.

Martin H. Histoire de France: depuis les temps les plus re-cules jusqu'ä 1789. – T. XI. – Paris, 1844

Martin H. Histoire de France: depuis les temps les plus re-cules jusqu'ä 1789. – T. XII. – Paris, 1844

Michelet J. Histoire de France. Henri IV et Richelieu. – Paris, 1857

Mongttdien G. Leonora Galigai. Un proces de sorcellerie sous Louis XIII. – Paris, 1968

Moote A. Lloyd. Louis XIII, the Just. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1991

Mousnier K The Assassination of Henry IV. – London, 1973

Mouton L. LTn demi-roi, le due d'Epernon. – Paris, 1922

Mouton L. Le due et le roi: d'Epernon, Henri IV, Louis XIII. – Paris, 1924

Petitfils J.-Ch. Louis XIII. – Paris, 2008 *Pitts V.* Henri IV of France: His Reign and Age. – Baltimore, 2009

Sauval H. Histoire et recherches des antiquites de la ville de Paris (reprint du livre de 1724). – Paris, 1974. – 3 vols.

Tapii V.-L. La France de Louis XIII et de Richelieu. – Paris, 1993

Todiere L. Louis XIII et Richelieu. – Tours, 1851

TopinM. Louis XIII et Richelieu: etude historique. – Paris, 1876
Tierchant H. Le Due d'Epernon. – Paris, 1991
Tharaud J. 8c Th.araud J. La Tragedie de Ravaillac. – Paris, 1933

Примечания

1 Шоссинан-Ногаре Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей. – М., 2003; http://lib.rus.ec/b/79471/read

2 Блюш Ф. Ришельё. – М., 2006. – С.47.

3 Там же. – С. 47–48.

4 В 1293 г. во Флорентийской республике была установлена должность гонфалоньера справедливости или гонфалоньера правосудия (Gonfaloniere di Giustizia), человек, избиравшийся на этот пост, становился главой синьории (правительства).

5 29.12.2006. Итальянские ученые спустя 420 лет раскрыли одно из самых загадочных убийств в роду Медичи. (http://txt.newsru.com)

6 Craveri B. Reines et favorites. Le pouvoir des femmes. – Paris, 2007. – P. 119.

7 Мемуары кардинала де Ришельё. – М., 2008. – С.45.

8 Гугеноты (франц. huguenots, от нем. Eidgenossen – союзники) – так называли французских протестантовкальвинистов. Из примерно двадцати миллионов населения Франции в те годы 19 миллионов были католиками и лишь один миллион – протестантами.

9 Генрих III был последним французским королем из династии Валуа. Генрих Наваррский, став Генрихом IV, положил начало новой династии – династии Бурбонов.

10 Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток. – М., 2009. – Т. 3. – С. 254.

11 Флоринами назывались золотые монеты, которые впервые начали выпускать во Флоренции (отсюда и название) в 1252 году, а позднее и в других странах. Флорин чеканился почти из чистого золота весом 3,53 г. В 1296 году был выпущен серебряный флорин (он получил название пополино).

Чеканка золотого флорина во Флоренции продолжалась до 1523 года, а последняя золотая монета в этом городе была выпущена в 1859 году, но она уже называлась цехин. Очень похожую монету выпустила в 1284 году Венеция. Она получила название дукат, а потом тоже стала называться цехином. По этой

причине флорины и дукаты часто путают. Тем более что флорины выпускали также Папская область, Милан и Савойя (тот же Милан, кстати, чеканил и дукаты). Похожие на флорины монеты выпускали во Франции, Англии и других странах. Например, в Германии и Нидерландах аналог флорина получил название гульден. В конечном счете в Европе названия флорин и дукат стали практически синонимами (обе монеты были золотые и одинакового веса).

12 Michelet J. Histoire de France. Henri IV et Richelieu. – Paris, 1857. – P. 62.

13 Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток. – Т. 3. – С.102.

14 Lejeune P. Les favorites des rois de France. – Paris, 2004. – P. 53.

15 Эклампсия – заболевание, при котором артериальное давление достигает такого высокого уровня, что появляется угроза жизни матери и ребенка; форма позднего токсикоза беременности.

16 Lejeune P. Les favorites des rois de France. – P. 61.

17 Шоссинан-Ногаре Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей; http://lib.rus.ec/b/79471/read

18 Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток. – Т. 3. – С. 245.

19 Lejeune P. Les favorites des rois de France. – P. 64.

20 Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток. – Т. 3. – С.251–252.

21 Там же. – С. 252.

22 Там же. – С. 259.

23 Craveri B. Reines et favorites. Le pouvoir des femmes. – P.119.

24 Michelet J. Histoire de France. Henri IV et Richelieu. – P. 52.

25 Bayrou F. Henri IV. Le roi libre. – Paris, 1998. – P. 218.

26 Леви Э. Кардинал Ришельё и становление Франции. – М., 2007. – С. 61.

27 Мемуары кардинала де Ришельё. – С. 45.

28 Там же. – С. 54.

29 Франсуа Блюш дает такую информацию: «Франция с населением приблизительно в 20 миллионов человек являлась в то время самым большим государством Европы. За ней шла Испания (7 миллионов человек на полуострове, 2 миллиона в Нидерландах, не считая Франш-Конте и итальянских владений) и Священная Римская империя (около 15 миллионов). Польша (около 9, 7 миллиона жителей) и Россия (8, 5 миллиона) не имели политического веса на континенте. Англия с ее

значительным военным флотом насчитывала едва ли 5 миллионов жителей. Голландия, сражавшаяся с Испанией, имела всего лишь 1, 7 миллиона жителей, а Дания и Швеция – по 1, 1 миллиона душ каждая». (Блюш Ф. Ришельё. – С. 51.)

30 Шоссинан-Ногаре Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей; http://lib.rus.ec/b/79471/read

31 Бенцони Ж. В альковах королей. – М., 1999. – С. 36.

32 С 1548 года Салуццо принадлежал французам, однако в 1588 году город отвоевал герцог Карл Эммануил I из Савойской династии. В правление Генриха IV, в 1601 году, французы окончательно откажутся от притязаний на Салуццо и другие заальпийские владения в обмен на территории на правом берегу Роны.

33 Цит по: Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток. – Т 3. – С. 468.

34 Michelet J. Histoire de France. Henri IV et Richelieu. – P. 74.

35 Бенцони Ж. В альковах королей. – С. 36.

36 Цит по: Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток. – Т. 3. – С. 460–461.

37 Цит по: Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток. – Т. 3. – С. 262.

38 Там же. – С.262.

39 Там же. – С. 264.

40 В некоторых источниках ее называют Леонорой Дори (Dori) или Доси (Dosi), в других же – Галигаи (Galigan). Предположительно Элеонора Галигаи родилась в 1571 году во Флоренции.

41 Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток. – Т. 3. – С. 263.

42 Кончино Кончини (Concino Concini) родился около 1575 года во Флоренции в семье Джамбаттисты Кончини и Камиллы Миниати. По некоторым данным, имел родственные связи с семейством графов делла Пенна Возможно, обучался в университете города Пиза. С Леонорой Галигаи они поженились 12 июля 1601 года.

43 Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток. – Т. 3. – С.264.

44 Там же. – С. 265.

45 Шоссинан-Ногаре Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей; http://lib.rus.ec/b/79471/read

46 Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток. – Т. 3. – С. 267.

47 Там же. – С. 269.

48 Там же.

49 Там же. – С. 270.

50 Там же. – С. 275.

51 Шоссинан-Ногаре Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей; http://lib.rus.ec/b/79471/read

52 Сюлли Максимильен де Бетюн, барон Рони (1559–1641) – пэр и маршал Франции, один из ближайших советников Генриха IV; долгое время занимал пост министра финансов.

53 Шоссинан-Ногаре Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей; http://lib.rus.ec/b/79471/read

54 Заговорщики добивались признания Гастона-Генриха дофином, то есть наследником престола. К числу заговорщиков относился и сводный брат Генриетты Шарль де Валуа (1573–1650), незаконнорожденный сын Карла IX, получивший воспитание при дворе. Генриетте удалось спасти жизнь своим отцу и брату. Шарль де Валуа вышел из Бастилии в 1616 году, уже при Людовике XIII. Следует уточнить, что у Генриха IV было двенадцать незаконнорожденных детей: в том числе трое от Габриэль д'Эстре, трое – от Генриетты де Бальзак д'Антраг, двое – от Шарлотты де Эссар, а также по одному – от Луизы Борре, Эстер Имбер, Жаклин де Бёй и Франсуазы де Монморанси.

55 Craveri B. Reines et favorites. Le pouvoir des femmes. – P. 127.

56 Генрих I де Монморанси (1534–1614) был сыном коннетабля и сам стал коннетаблем в 1593 году. В 1627 году эта высшая должность в иерархии французских сановников была упразднена.

57 Генрих IV Наваррский; http://www.tonnel.ru

58 Там же.

59 Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток. – Т. 3. – С. 294.

60 Michelet J. Histoire de France. Henri IV et Richelieu. – P. 161–162.

61 Сын Генриха I де Бурбона (1522–1588), этот человек родился в 1588 году и почти сразу получил титул принца де Конде (когда его отец умер). Впоследствии династию продлили Людовик II де Бурбон, известный как Великий Конде (1621–1686).

62 Жан-Луи де Ногаре, сеньор де Ла Валет и де Шомон герцог д'Эпернон (1554–1642) – один из приближенных короля Генриха III. Продолжал находиться наверху при Генрихе IV и при Людовике XIII.

63 Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток. – Т. 3. – С. 380.

64 Craveri B. Reines et favorites. Le pouvoir des femmes. – P.133.

65 Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток. – Т. 3. – С. 279.

66 Кастело А. Драмы и трагедии истории. – М., 2008. – С.50.

67 Нумерология. Значимое число короля Генриха; http://numerology.yaxy.ru

68 Там же.

69 Басовская Н. И. Генрих Наваррский. // Передача «Все так» на радиостанции «Эхо Москвы» от 23. 12. 2007; http://www.echo.msk.ru

70 Мелихов А. Последний акт. Казнь как прикладное искусство; http://skoobsined.mumidol.ru

71 Черняк Е. Б. Пять столетий тайной войны. – М., 1991.– С. 49.

72 Мемуары кардинала де Ришельё. – С.86.

73 Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток. – Т. 3. – С. 305–306.

74 Там же. – С.306.

75 Henri IV. Assassinat politique; http://passiondhistoire.saint-satiers.com

76 Michelet J. Histoire de France. Henri IV et Richelieu. – P.174

77 Martin H. Histoire de France: depuis les temps les plus reculés jusqu'a 1789. T. XII. – Paris, 1844. – P. 214.

78 Мемуары кардинала де Ришельё. – С. 82.

79 Martin H. Histoire de France: depuis les temps les plus reculés jusqu'a 1789. T. XI. – Paris, 1844. – P. 34.

80 Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток. – Т. 3. – С. 308.

81 Черняк Е. Б. Пять столетий тайной войны. – С. 50

82 Там же.

83 Кастело А. Драмы и трагедии истории. – С.51–53.

84 Castelot A. Henri IV, le passionnй. – Paris, 1986. – P.487.

85 Ibid.

86 Ibid. – P.492.

87 Мемуары кардинала де Ришельё – С. 72.

88 Castries, duc de. Histoire des rйgences. – Paris, 1982. – P. 257.

89 Уже упоминавшиеся нами экю имели хождение во Франции с XIII века. На оборотной стороне они имели изображение щита (по-французски ecu – щит). В Италии аналогичные монеты назывались скудо, что тоже переводится как «щит». Первая французская золотая монета была выпущена в 1266

году. До 1653 г. чеканились золотые экю массой от 3,3 г до 4,13 г. с Самой мелкой монетой было медное денье. Двенадцать денье составляли один су. Двадцать су составляли один ливр, а ливр – это уже была серебряная монета. Три ливра равнялись одному экю, а десять ливров – одному пистолю. Во времена царствования короля Людовика XIII основной золотой монетой стал луидор, а все экю стали выпускать из серебра 917-й пробы.

90 Castries, duc de. Histoire des rйgences. – P. 263.

91 Мемуары кардинала де Ришельё. – С.91.

92 Там же. – С. 94.

93 Там же. – С. 95–96.

94 Там же. – С. 101.

95 Там же. – С. 113.

96 Там же. – С. 118.

97 Напомним, что принц де Конде (1588–1646) был сыном Генриха I де Бурбона, а граф Суассонский, или Шарль де Бурбон (1566–1612), – сыном Людовика I де Бурбон-Конде и сводным братом Генриха I де Бурбона.

98 Мемуары кардинала де Ришельё. – С. 151.

99 Там же. – С. 165.

100 Там же. – С. 171.

101 Там же. – С. 191.

102 Там же. – С. 191.

103 Афоризм кардинала де Ришельё; http://www.aphorisme.ru

104 Мемуары кардинала де Ришельё. – С. 191.

105 Полная хрестоматия русской поэзии для школьников и студентов. – М., 2003. – Т. 1. – С. 666.

106 Генеральные штаты во Франции – высшее сословно-представительское учреждение, появившееся в начале XIV века. Возникновение этого органа обусловлено ростом городов, обострением социальных противоречий и классовой борьбы, что вызывало необходимость укрепления феодального государства. Предшественниками Генеральных штатов можно назвать расширенные заседания Королевского совета, на которые приглашали представителей городов, а также провинциальные ассамблеи представителей различных сословий. Понятно, что этот орган был чисто совещательным и созывался по инициативе короля в критические моменты для оказания помощи правительству. Каждое сословие заседало в Генеральных штатах отдельно от других и имело по одному голосу (независимо от числа представителей). Третье сословие было представлено верхушкой горожан. Значение Генеральных штатов возросло во время Столетней войны 1337–1453 гг., когда королевская власть особенно нуждалась в деньгах. В конце XIV века Генеральные

Штаты стали созываться все реже и часто заменялись собраниями дворян, а с конца XV века институт Генеральных штатов вообще пришел в упадок, и они долгое время не созывались.

107 Егер О. Всемирная история. – Т. 3: Ришельё; http://www.gumer.info

108 Арман Жан дю Плесси, кардинал Ришельё; http://www.allparis.ru

109 Мемуары кардинала де Ришельё. – С.171.

110 Егер О. Всемирная история. – Т. 3: Людовик XIII. Регентство; http://www.gumer.info

111 Полный текст выступления Армана Жана дю Плесси в его собственной интерпретации можно посмотреть в «Мемуарах» кардинала (С. 237–258).

112 Мемуары кардинала де Ришельё. – С. 259–260.

113 Там же. – С. 341–342.

114 Энтони Э. Анна Австрийская. – М., 2007. – С. 6.

115 Мемуары кардинала де Ришельё. – С. 213–214.

116 Бенцони Ж. В альковах королей. – С. 40.

117 Там же.

118 Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток. – Т. 3. – С. 330–331.

119 Блюш Ф. Ришельё. – С.49.

120 Леви Э. Кардинал Ришельё и становление Франции. – С. 74.

121 Там же. – С.76.

122 Там же. – С.77.

123 Там же.

124 Мемуары кардинала де Ришельё. – С. 386–387.

125 Там же. – С. 388–390.

126 Craveri B. Reines et favorites. Le pouvoir des femmes. – P.136.

127 Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток. – Т. 3. – С. 334–335.

128 Мемуары кардинала де Ришельё. – С. 390–391.

129 Там же. – С. 391.

130 Craveri B. Reines et favorites. Le pouvoir des femmes. – P. 137.

131 Мемуары кардинала де Ришельё. – С. 353.

132 Там же. – С. 359.

133 Муратов И. А. Сто великих авантюристов. – М., 2002; http://a-nomalia.narod.ru

134 Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток. – Т. 3. – С. 337.

135 Там же. – С. 339.

136 Муратов И. А. Сто великих авантюристов; http://www.a-nomalia.narod.ru

137 Бретон Г. В интимном окружении королев и фавориток. – Т. 3. – С. 340.

138 Биркин К. Временщики и фаворитки. Мария Медичи, королева-правительница. Детство Людовика XIII; http://modernlib.ru

139 У Кончино Кончини и Леоноры Галигаи было двое детей: сын Арриго, родившийся в 1603 году, и дочь Камилла, родившаяся в 1608 году. Но Камилла к тому времени уже умерла. А Арриго умрет в 1631 году в возрасте двадцати восьми лет.

140 Биркин К. Временщики и фаворитки. Мария Медичи, королева-правительница. Детство Людовика XIII; http://modernlib.ru

141 Там же.

142 Мемуары кардинала де Ришельё. – С. 423–426.

143 Craveri B. Reines et favorites. Le pouvoir des femmes. – P. 144.

144 Католическая лига – католическая партия во Франции, организованная в 1576 году герцогом Генрихом I Лотарингским (1550–1588), он же третий герцог де Гиз. Преследуя гугенотов, лига добивалась ограничения централизованной королевской власти феодальной знатью.

В 1588 году де Гиз вызвал восстание католиков в Париже с целью захватить в плен короля. Король спасся бегством, а потом по его приказанию герцог был убит в замке Блуа.

145 Мемуары кардинала де Ришельё. – С. 410.

146 Блюш Ф. Ришельё. – С. 37.

147 Мемуары кардинала де Ришельё. – С. 412.

148 Там же. – С. 427.

149 Там же.

150 Там же. – С.429–430.

151 Там же. – С.430–431.

152 Блюш Ф. Ришельё. – С. 49.

153 Мемуары кардинала де Ришельё. – С. 432.

154 Там же. – С.434.

155 Военно-исторический архив. – 2008. – № 5 (101). – С. 9.

156 Мемуары кардинала де Ришельё. – С. 434.

157 Леви Э. Кардинал Ришельё и становление Франции. – С. 85–86.

158 Мемуары Франсуа де Ларошфуко; http://delaroshfuko.ru

159 Блюш Ф. Ришельё. – С. 49.

160 Craveri B. Reines et favorites. Le pouvoir des femmes. – P.

138.

161 Леви Э. Кардинал Ришельё и становление Франции. – С. 89–90.

162 Блюш Ф. Ришельё. – С. 50.

163 Там же. – С.235.

164 Таллеман де Рео. Занимательные истории; http://www.vostlit.info

165 Там же.

166 Lottin de Laval P. Marie de Médicis. Histoire de rigne de Louis XIII d'aprus des manuscrits inédits du cardinal de Richelieu. – Paris, 1834. – T. II. – P. 247.

167 Шоссинан-Ногаре Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей; http://lib.rus.ec/b/79471/read

168 Блюш Ф. Ришельё. – С. 50.

169 Людовик XIII и Ришельё; http://infrancelove.narod.ru

170 Там же.

171 Мария де Бурбон, герцогиня де Монпансье (1605–1627), дочь герцога Генриха де Монпансье и герцогини де Жуайёз.

172 Энциклопедия смерти; http://deathweb.ru

173 Chevalier P. Les йtranges amours du roi Louis XIII. – Historama. – № 336. – Novembre 1979.

174 Таллеман де Рео. Занимательные истории; http://17v-euro-lit.niv.ru

175 Блюш Ф. Ришельё. – С. 86.

176 Там же. – С. 62.

177 Todiire L. Louis XIII et Richelieu. – Tours, 1851. – P. 225.

178 Блюш Ф. – С. 59.

179 Там же. – С.86.

180 Мемуары Франсуа де Ларошфуко; http://delaroshfuko.ru

181 Людовик XIII и Людовик XIV; http://aquavitae.narod.ru

182 Craveri B. Reines et favorites. Le pouvoir des femmes. – P. 144–145.

183 Шоссинан-Ногаре Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей; http://lib.rus.ec/b/79471/read

184 Мемуары Франсуа де Ларошфуко; http://www.vostlit.info

185 Мемуары Франсуа де Ларошфуко; http://bookz.ru

186 Там же.

187 Мемуары Франсуа де Ларошфуко; http://delaroshfuko.ru

188 Там же.

189 Егер О. Всемирная история. – Т. 3: Ришельё и королева-мать; http://www.gumer.info

190 Там же.

191 Леви Э. Кардинал Ришельё и становление Франции. – С. 182.

192 Генрих II де Монморанси (1595–1632) был крестником короля Генриха IV. В семнадцать лет он стал адмиралом Франции и губернатором Лангедока.

193 Энтони Э. Анна Австрийская. – С. 198.

194 Он оказался плодовитым: имел дочь от герцогини де Монпансье, пятерых детей – от Маргариты Лотарингской, сына – от Луизы Роже де ля Марбельер; были у него и другие дети.

195 Энтони Э. Анна Австрийская. – С. 200–201.

196 Это ошибка. Король Швеции Густав II Адольф погиб 6 ноября 1632 года в битве при Лютцене.

197 Энтони Э. Анна Австрийская. – С. 203.

198 О художниках и картинах: Рубенс; http://nearyou.ru

199 Там же.

Иллюстрации

Король Генрих IV

Маркиза Габриэль д’Эстре

Свадьба Марии Медичи по доверенности (Питер Пауэл Рубенс)

Генриетта де Бальзак д’Антраг

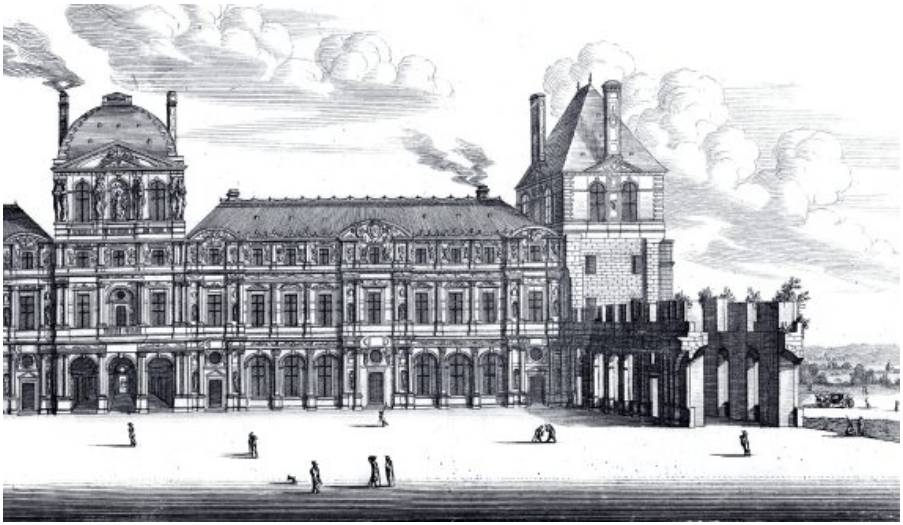
Мария Медичи и Генрих IV

Король Генрих IV

Король Генрих IV на улицах Парижа (Жак Онфруа де Бревиль)

Париж. Вид на Лувр и Тюильри в первой половине XVII в.

Прибытие Марии Медичи в Марсель (фрагмент картины Питера Пауэла Рубенса)



Лувр в начале XVII в.

Кончино Кончини, маршал д’Анкр

Леонора Галигаи

Будущий король Людовик XIII

Максимильен де Бетюн, герцог де Сюлли

Генрих IV и Мария Медичи

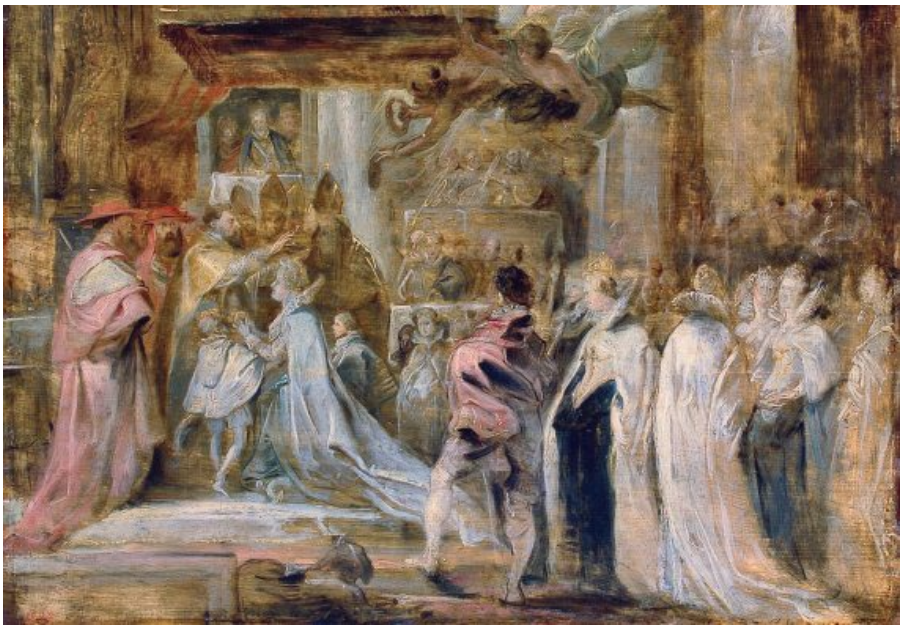
Король Генрих IV и его семья

Шарлотта-Маргарита де Монморанси

Франсуа де Бассомпьер

Мария Медичи в 1610 году (Франц Пурбюс)

Коронация Марии Медичи



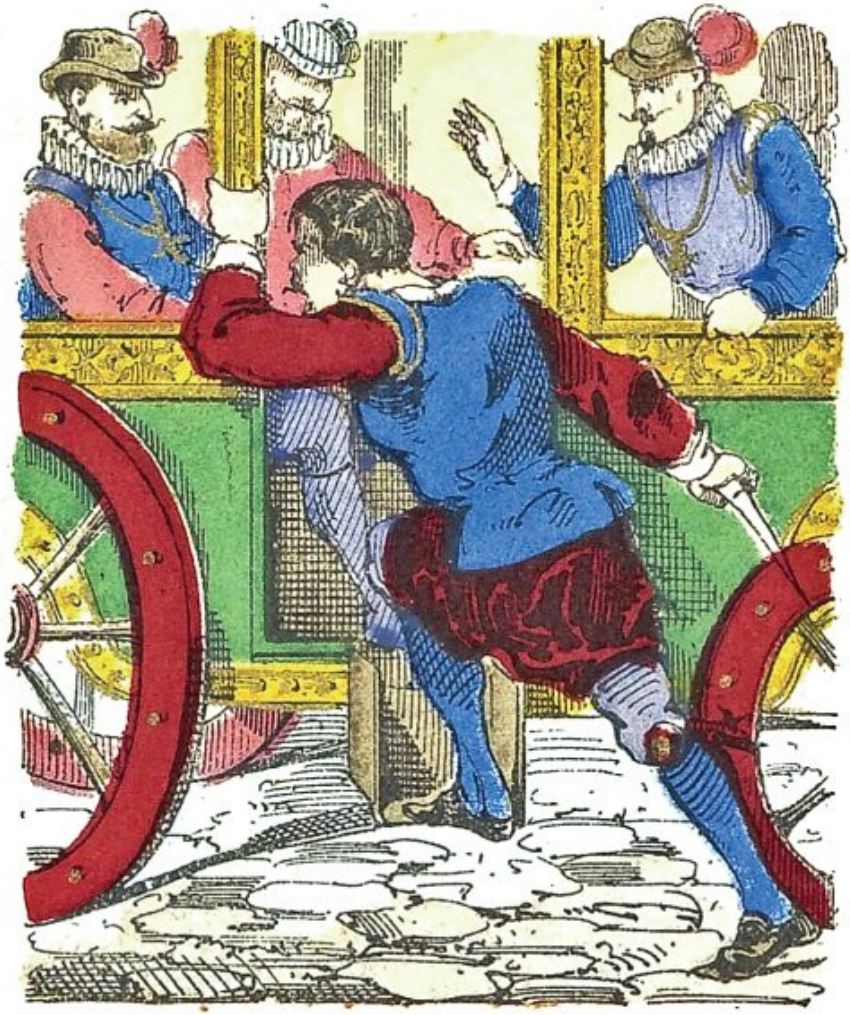
Коронация Марии Медичи (Питер Пауэл Рубенс)

Коронация Марии Медичи (фрагмент картины Питера Пауэла Рубенса)

Маргарита Французская (королева Марго)

Убийство Генриха IV

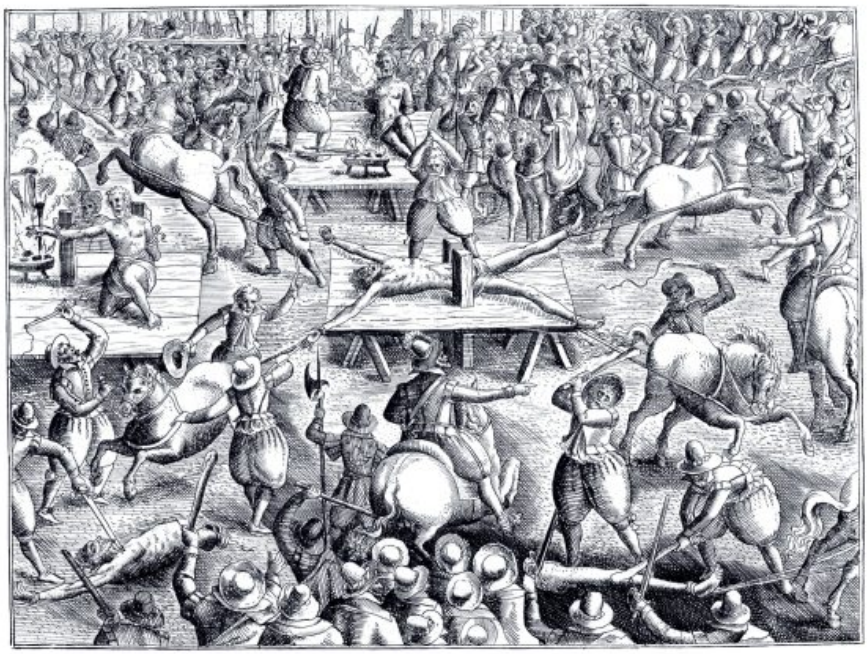
Покушение на Генриха IV



Франсуа Равальяк нападает на короля Генриха IV

Мария Медичи и дофин Людовик (Шарль Мартен)

Памятная доска на улице Ферронри в Париже, на месте, где был убит Генрих IV



Казнь Франсуа Равальяка

Жан-Луи де Ногаре, герцог д’Эпернон

Принц де Конде

Заседание Генеральных штатов. 1614 г.

Арман Жан дю Плесси

Юный Людовик, дофин Франции

Арман Жан дю Плесси

Юный Людовик, дофин Франции

Николя де Витри, маркиз де л’Опиталь

Шарль д’Альбер, герцог де Люинь

Лувр при Людовике XIII

Казнь Леоноры Галигаи

Мария Медичи (Питер Пауэл Рубенс)

Убийство Кончино Кончини

Королева-мать Мария Медичи

Замок Блуа

Мария Медичи в бою при Пон-де-Се (Теодор Жерико)

Кардинал де Ришельё

Кардинал де Ришельё (Филипп де Шампэнь)

Герцог Бэкингем и Анна Австрийская (Морис Лелуар)

Анна Австрийская с сыном, будущим королем Людовиком XIV

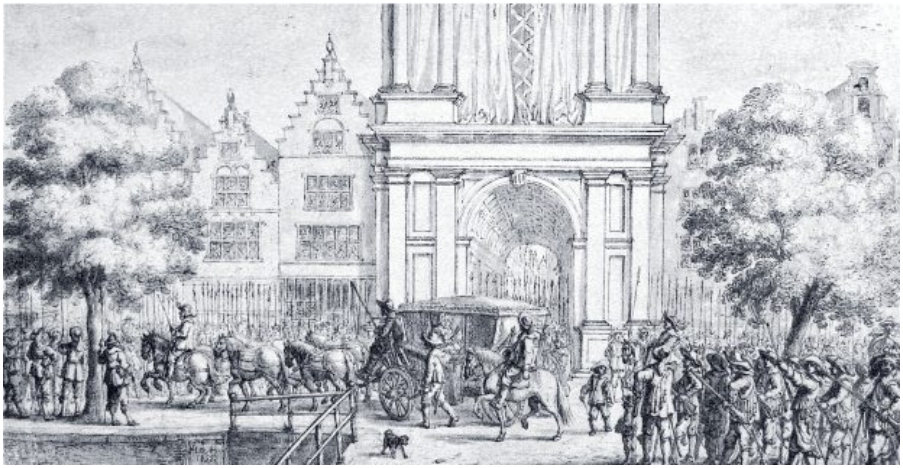
Герцог Гастон Орлеанский

Король Людовик XIII

Мария Медичи

Мария Медичи (Антонис Ван Дейк)

Статуя Марии Медичи в Люксембургском саду в Париже



Мария Медичи в Амстердаме

Встреча Марии Медичи и Питера Пауэла Рубенса (Флоран Виллемс)

Прием во дворце у кардинала де Ришельё

Памятник королю Генриху IV в Париже

Памятник королю Людовику XIII в Париже

notes

Примечания

1

Антуан де Бурбон (1518–1562) – глава дома Бурбонов, король-консорт Наварры (королевой Наварры была дочь Генриха II и Маргариты Наваррской Жанна д'Альбре). В ноябре 1562 года был смертельно ранен при осаде Руана в ходе Религиозных войн.